

*Грани
отражения*

Каждый человек скрывает себя за своим отражением, которое видят окружающие его люди. И этих отражений — огромное множество, каждое из них — разное в разной ситуации и в разное время. Перед ней стоит выбор — неординарный мужчина, мечта любой женщины, обещающий целый мир. Или же непредсказуемый и странный человек, который внушает смешанные эмоции. Сумеет ли она найти истинное лицо каждого в сотнях отражений, большинство из которых — ненастоящие, и вовремя понять — где то, что нужно ей?

Часть 1.1 Между светом и отражением

Пресс-конференция, организованная по случаю крупной сделки молодой корпорации с достаточно известным концерном, была главным событием, заключавшим череду нескольких недель переговоров и обсуждений условий сделки. Поэтому ожидалось множество репортеров, стремившихся узнать больше о событии из первых рук.

В вошедших в зал мужчинах журналисты достаточно безуспешно пытались различить главу компании, начальника пресс-службы и телохранителя. За исключением одного, выглядевшего старше своих спутников, остальные не могли быть кем-то значимым.

Средний рост, плотное телосложение, одинаковые классические костюмы, короткие стрижки. Вполне подходящее описание для начальника пресс-службы и телохранителя. На котором, кстати, были очки: не темный пошловатый цвет агента из кино, а необычный хамелеон, не позволяющий увидеть глаз, но и не превращающий очки в два чернильных пятна.

Поэтому присутствующие удивленно зашептались, когда на место главы корпорации сел молодой мужчина в очках, тот, что постарше, оказался на месте начальника пресс-службы, а третий остался стоять позади, как и подобает телохранителю.

— Господа, — обратился мужчина постарше к залу, — пресс-конференция открыта. Мы рады приветствовать вас.

Щелканье камер и набирающий обороты поток вопросов, на которые преимущественно отвечал господин Янковски, стали достигать апогея. Пока откуда-то с задних рядов не прозвучал вопрос:

— Дин Смит, газета "Вечерний город". Мистер Маргулис, почему Вы предпочитаете носить темные очки — это дань моде или проявление эксцентричности?

Янковски бросил нервно взгляд на охранников, те незаметно стали продвигаться по залу в поисках человека, задавшего вопрос. Журналисты перешептывались, почуяв нечто странное и стоящее потраченного времени. Хотя к тому, что прозвучало, никто не был готов к тому.

Мистер Маргулис поднял взгляд в зал, блеснув золотыми искрами оправы, и улыбнулся:

— Скорей это дань необходимости. Потому, что я — слепой.

На секунду в зале повисла гробовая тишина. Но за эту секунду он успел подняться, направляясь к выходу, а в ответ на прорвавшуюся плотину криков и вопросов господин Янковски вежливо сообщил, что конференция окончена.

* * *

Очередное дежурство начиналось как всегда, с утренней суматохи и массы дел, разбираться с которыми предстояло весь день. Лия вышла из комнаты сестер. Деловые врачи, спешащие по коридорам, проходящие к палатам посетители и медики. Обычный день госпиталя.

— О, привет, — Мила поставила на этажерку бикс, до верха наполненный перевязочными материалами, как значилось на его маркировке, и повернулась к Лии. — Сегодня целый день сущее светопреставление: такое ощущение, что весь город выбрал эту

неделю, чтобы попасть к нам. Тебе еще повезло, вряд ли ночью понадобится бросаться на десятки вызовов в палаты.

— И то верно, — кивнула стоявшая рядом усталая медсестра из соседнего отделения, забиравшая чьи-то карты, — сегодня госпиталь устроил день открытых дверей.

— Кстати, — Мила уже собиралась уходить, но снова вернулась, — У нас несколько новеньких. Надеюсь, с ними не будет проблем, как с той тетушкой, которой вечно казалось, что под её кроватью прячется санитар. Помнишь, она еще всё утверждала, что он пытается приставать к ней?

От души посмеявшись, Лия отвернулась к листам назначений.

— Загляните в третью палату. Проверьте, как там пациент, — обратился к Лии дежурный врач.

Всё на месте в третьей палате, к которой проявили такое внимание. Лампы чуть приглушены, датчики в норме, кнопка вызова сестры исправна. Да, всё в идеальном порядке. Кроме пациента.

Сидящий на кровати, спиной к Лии, мужчина смотрел в окно. Но она могла поклясться, что именно то, как он сидел, заставило её присмотреться к нему внимательней, ища объяснения своему интересу.

— Добрый вечер, — сказала Лия, — Уже время сна. Если Вы хотите, свет можно выключить.

Поза мужчины стала напряженной, но Лия решила, что ей это показалось. Во всяком случае, её слова остались без ответа.

После бессонной ночи, во время которой то и дело сестрам не удалось даже присесть дольше, чем на пять минут, Лия пребывала в состоянии ворчливо-раздраженного настроения. Наступившее утро потребовало пройтись по палатам, измеряя температуру, давление и предупреждая больных о предстоящем врачебном обходе. Именно поэтому она оказалась снова в третьей палате со странным пациентом.

На окнах не были отдернуты шторы, что удивило Лию, поскольку обычно больные не любили находиться в полутьме, особенно если за окном светило солнце.

— Я открою шторы, если Вы не возражаете, — Лия двинулась к окну.

Происшедшее дальше раз и навсегда убедило её, что с координацией у нее точно проблемы. Она прошла вдоль кровати, мужчина встал из кресла у окна, Лия, как ей показалось, попробовала его обогнуть, но с ужасом поняла, что они движутся друг другу навстречу.

От шумного столкновения и последующего падения её спасли две руки, подхватившие Лию.

— Простите! — Она почти отпрыгнула назад, если бы её не держали, — мне очень жаль! Вы не ушиблись? Как же так, я же шла вам навстречу, разве Вы не видели?

— Нет, не видел.

От скрытой насмешки в голосе пациента к смущению Лии прибавилось негодование. Еще и издевается!

— Я слепой, — спокойно добавил мужчина.

Очевидность обрушилась, победно трубя и звоня во все колокола. Перед ней стоял человек, чей взгляд оставался неподвижен и был устремлен выше её головы, несмотря на то, что Лия была ниже его намного. Его глаза не меняли положения и были безмятежно спокойны. Действительно, перед ней стоял слепой.

От души желая себе провалиться прямо тут же, она сообразила, что стоит, чуть ли не открыв рот, и разглядывает пациента. Внезапно, он, до сих пор державший её за плечи, убрал руки. Лия с трудом отвела глаза и попыталась собрать мысли воедино.

Положение спас вошедший в палату мужчина в деловом костюме, с дипломатом в руке. Он шумно обратился к слепому пациенту:

— Мистер Маргулис, надеюсь, Вы уделите мне несколько минут?

Лия на цыпочках вышла в коридор и пообещала себе укоротить свой предательский язык под корень. Еще раз, вспомнив все в мельчайших деталях, она поняла, что сторает от стыда за свою глупость как маленькая школьница.

* * *

В каждом коллективе, который на две трети состоит из женщин, всегда есть кто-то, вызывающий повышенный интерес у всех в силу своей неординарности.

Таким являлся молодой врач Ян Дорнот, практиковавший на отделении, куда пришла работать Лия. Его особенностями были внешность, эрудиция и подкованность в тонкостях специальности. Конечно же, первое было главным достоинством в глазах дам. Доктор был не из тех мужчин, покоряющих с первого взгляда броскостью и абсолютной мужской красотой, напротив, черты его лица были скорей резкими и почти жесткими. Глаза не привлекали цветом, или величиной и иными достоинствами, они заставляли человека испытывать неудобство, если тот вздумал бы смотреть чуть дольше Дорноту в глаза: так бывает неудобно смотреть на ледники солнечным ярким днем. Он не часто улыбался, предпочитая спокойно смотреть на собеседника, но если улыбка и касалась его губ, то лишь слегка, не изменяя внимательного и холодного выражения, которое заставляло женщин, вне зависимости от их возраста, испытывать заинтригованность. Он мало с кем общался достаточно тесно, говорили, что он из состоятельной семьи, что он переехал из другого города. Мало кто мог заявить, что достаточно тесно дружит с ним, хотя доктора часто видели в компании коллег и сверстников. Слухов и сплетен ходило более чем достаточно, и женская половина была от него без ума.

Ян достаточно хорошо рекомендовал себя как специалист, и старшие коллеги прочили ему успешную карьеру. Лия сталкивалась с ним не очень часто, но при встрече он словно и не замечал её. Это не могло не задевать какую-то часть Лии, которой не было приятно то, что на неё смотрят как на пустое место. Само собой, на высоких блондинок из соседней смены она не была похожа и прекрасно знала, что она не так заметна. Поэтому приходилось философски слушать страдания Милы, которая всячески изыскивала возможности поймать доктора в свои сети, но так же безуспешно, надо признать, как и другие медсестры.

Утренняя суматоха в госпитале уже плавно переходила в дневную размеренность. Наступило время обеденного перерыва, и Лия вышла за кофе.

В небольшой очереди она, как обычно, оказалась позади всех и приготовилась передвигаться с черепашьей скоростью — её коллеги всегда достаточно долго обсуждали выбор и принимали решение — что взять на обед.

Поэтому Лия незаметно оказалась невольным слушателем разговора двух мужчин впереди.

— Не знал, что ты встречаешься с Таней. Ты как обычно скрываешь своих подруг.

— Просто не считаю нужным демонстрировать свою личную жизнь. Да, я пока остановил свой выбор на ней.

— А как же твоя интрижка с Анной? Вроде у вас было все серьезно.

— С кем? С этой девицей непонятного происхождения, только и ждущей как бы броситься снимать с тебя брюки? Друг мой, я могу переспать с такой, но не более. Для того чтобы начинать серьезные отношения, она точно не подходит.

Второй мужчина засмеялся.

— Звучит так, будто ты женщин рассматриваешь как кобыл на рынке. Одна для скачки, другая — на развод.

— Можно сказать и так, — собеседник пожал плечами, — Я слишком щепетилен в своих взглядах, которые со мной почти с детства.

С одной стороны Лии было неудобно за подслушанный разговор. С другой стороны она не могла отделаться от гадкого омерзения, вызванного услышанным диалогом. "Конечно, — подумала она, — каждый имеет право на свое мнение. Но высказывать подобное вслух и так унижать людей не позволительно и недопустимо ни в коем случае".

К тому времени мужчины уже расплатились и с подносами в руках направились к столам, проходя, таким образом, мимо Лии. Вторым собеседником оказался к величайшему удивлению Лии никто иной, как сам доктор Дорнот.

Из состояния неприятного шока её вывел вопрос из создавшейся позади очереди — собирается ли она идти вперед, или же планирует остаться стоять до вечера?

Все это настолько задело Лию, что как она не старалась выкинуть из головы услышанное, не смогла, даже когда вернулась на пост. Она не могла представить, что образованный с виду человек высказывает такую несусветную чушь с умным видом и не стесняется этого.

От кипящих возмущением мыслей её отвлек загоревшийся сигнал вызова из третьей палаты. Лия осторожно открыла дверь и вошла. Маргулис сидел как обычно — в кресле у окна, но при этом руками обхватил голову, как человек, страдающий от непомерной боли.

— Я могу чем-то помочь? — Обратилась к нему Лия.

— Да, не были бы Вы так любезны, дать мне какое-нибудь снотворное? — произнес он, не поднимая головы.

— Да, конечно же, — ответила Лия. Она дошла до поста, нашла успокоительное и вернулась снова в палату Маргулиса.

— Спасибо, — поднялся на нее неподвижный взгляд.

— У Вас необычайно острый слух, — заметила Лия.

— Небольшая компенсация природы. В некоторых случаях это проклятье, в иных — полезный подарок, — пожал он плечами.

Лия развернулась к двери, но неожиданно для себя помедлила. В этой палате царил полумрак, тишина и спокойствие. И этого ей вдруг остро стало не хватать.

— Оставайтесь, пожалуйста. Ведь в Ваши обязанности входит удовлетворение потребностей пациента в лечении, поддержании здоровья и общении, не так ли?

Он смотрел на нее так, словно видел её замешательство. И Лия приняла вызов, так же прямо глядя на него.

— Да, Вы правы.

— Присядьте, — Маргулис показал в сторону второго стула, — Сегодня Вы расстроены и взволнованы. Возможно, я плохой пациент, но на роль молчаливого собеседника стою.

Лия подчинилась его просьбе и, сев на краешек стула, сказала:

— С чего вы взяли, что я взволнованна? Отнюдь.

— Обычно Вы смеетесь и любите поговорить. Вы уходили, а вернулись тихой и ни с кем не говорили. Вы не возразили на мои слова.

Лия искренне порадовалась, что в полутьме не видно её вспыхнувшего свекольным цветом лица.

Маргулис помолчал, а потом снова заговорил:

— Никогда и никому не позволяйте выводить себя. Пока Вы владеете собой — Вы владеете ситуацией и Вас не победить.

Его незрячие глаза смотрели на нее, и Лия позволила себе рассмотреть его, насколько позволял полумрак. Он создавал ощущение человека в броне. Его глаза разделяли его и собеседника стеной. "Он никого не пускает в свой мир"- подумала Лия.

— Заходите, если Вам захочется поговорить или просто отдохнуть в тишине, — сказал Маргулис.

Оказавшись за дверями, Лия поймала себя на мысли, что ей совершенно не хочется покидать эту палату. Ощущение спокойствия и уравновешенности, исходящее от этого человека, окутывало надежным покрывалом защиты и уверенности. А она нуждалась в этом.

* * *

Иногда Эрика посещали мысли — как выглядит свет. С недавних пор он стал ловить себя на том, что эти мысли стали снова появляться в его голове. Причиной этого оказался смех. Услышав его впервые, Эрик непроизвольно протянул руку в направлении этих звуков. Это был осязаемый, материальный смех, похожий на мягкий, волнистый бархат. И с тех пор он стал искать эти звуки в толпе остальных.

Вскоре он понял — кому принадлежит этот смех. Это была девушка, судя по всему совсем недавно работавшая здесь. Во всяком случае, Эрик, проходивший здесь, в госпитале, где работала когда-то его мать, каждый год обычное обследование, раньше её не встречал.

Женщины никогда не останавливали его внимания надолго. Они существовали для него или как деловые партнеры, или как сиюминутные особы, стремящиеся оказаться рядом с его финансами. Никого из них не волновал он — как человек. Да и они мало интересовали его, кроме физической стороны вопроса. Они приходили во мрак и так же уходили туда, кто-то — более умело скрывая свои цели и отвращение к его слепоте, а кто-то — плохо или вовсе не скрывая.

Поэтому он ловил себя на мысли, что эта смешливая девушка задела какие-то странные чувства, о существовании которых он до сих пор не подозревал. Он слышал, как она сегодня она смеялась, но после чего-то, случившегося буквально час назад, её не было слышно. И это заставило Эрика заметить, что его напрягает эта тишина, заставляет испытывать отсутствие чего-то важного, вносящего оживление в его мир. Поэтому он впервые в жизни поддался порыву и предложил ей остаться, а позже — зайти к нему. Что-то действительно задело так сильно, что она молча приняла его предложение, хотя в другое время обязательно прокомментировала бы это и отказалась.

В выдавшуюся свободную минуту Лия вышла на лужайку рядом с госпиталем. Наступали последние дни лета, но погода капризничала и редко радовала солнечными днями. Таким, как например, сегодня.

Обычно Лия совершала небольшую прогулку по аллее вдоль главного корпуса, но в этот раз она решила пересечь лужайку перед ним. Впереди нее идущего мужчину она не узнала, вероятно, это был один из посетителей или пациентов, решивший воспользоваться теплым и ясным днем для прогулки. Лия шла не быстро, но скоро догнала его и почти обошла, когда он обратился к ней.

— Гуляете?

"Нам что, просто судьба сталкиваться почти везде?", — подумала Лия и отозвалась:

— Да, так же как и Вы.

— Вы любите свою работу так, что посвящаете ей почти все свое время? — Он чуть повернул голову в её сторону. Лия озадаченно вскинула брови:

— Да, я люблю свою работу, но...

— Никогда почти не гуляете, у Вас нет молодого человека, Вы любите ночные дежурства, и Вас всё это устраивает.

Лия почувствовала некоторое раздражение:

— Да, всё именно так.

Маргулис наконец повернулся к ней и устремил на нее невидящий взгляд. Лия мысленно поежилась и отвернулась. Одно дело выдерживать эту игру взгляда в полумраке палаты, другое — при свете дня смотреть в неподвижные глаза, которым слепота придавала какой-то странный отблеск металла.

— Прощу меня простить, — начала она.

— Хорошего дня, — Маргулис продолжал смотреть в её сторону. Лия замаялась, испытывая неудобство и не зная — как поступить. Маргулис, видимо понял это и, оказавшись рядом со скамьей, опустился на нее.

Она пошла дальше.

Он задержался здесь, — подумал Эрик. Возможно, всё это и необычно, но его ждет работа. Дела не любят, когда им уделяют мало должного внимания. Почти, как женщины.

В полумраке палаты он ощущал себя так же, как и на самом ярком свете — погруженным в море звуков, рисующих вокруг него картины окружающего мира. Так, какая для него разница — светит ли солнце или царит непроглядная тьма?

* * *

— Подготовьте документы для пациента из третьей палаты на выписку, — сказал дежурный врач Лии, — Обследование завершено.

Лия послушно забрала пухлую папку и вышла из кабинета. Проходя мимо третьей палаты, она поймала себя на том, что действительно идет на носочках, но вместо того, чтобы обругать себя, вдруг задумалась, что ей будет не хватать в какой-то мере полумрака и странного ощущения спокойствия, когда этот человек выпишется.

"Все это глупости, — оборвала себя Лия, — я действительно переработала. Надо сегодня пойти домой и пораньше лечь спать. Иначе я начну горевать о каждом выписывающемся пациенте".

Лечащий врач предупредил Эрика, что уже завтра он может покинуть госпиталь, поскольку обследование завершено, и его здоровье не нуждается в медицинских вмешательствах. Эрик поблагодарил врача и вернулся в палату.

Что же, день обещал быть вполне сносным, тем более что вечером она будет дома

пораньше, — решила Лия. Только закончить процедуры, передать списки сестре-хозяйке и можно отправляться домой.

Лия всегда побаивалась темноты, сколько себя помнила. Поэтому, единственный уголок, который её нервировал на отделении — это зона отдыха, сплошь заставленная цветами и комнатными пальмами. В вечернее время это был достаточно темный угол, который сейчас Лия стремилась пройти как можно скорей.

— Вы опять спешите?

На этот раз первым желанием Лии было — не останавливаться, а лучше даже — прибавить шаг. Но здравый смысл возобладал, и она, чуть притормозив, кивнула:

— Да, слишком много пациентов.

— Уделите мне минуту?

Ян шагнул навстречу ей из света, и Лия сообразила, что если не отойдет назад — окажется стоящей вплотную к нему, а если отойдет — попадет в "сумеречную зону" темноты. Кажется, выбирать было не из чего, поэтому она незаметно сделала шаг назад, создав небольшое, но безопасное пространство между ними.

— Я очень спешу, — извиняющим тоном сказала Лия, — Не задерживайте меня.

Дорнот некоторое время молчал, глядя на нее, а затем произнес:

— Такая необычная девушка в обыденном мире. Вы восхищаете меня.

Лия подумала, что с удовольствием сбежала бы прямо сейчас, но пройти мимо, не минуя доктора, не представлялось возможным. Поэтому она стала срочно искать выход из создавшегося положения. Но, кажется, Ян уже имел собственное решение на этот случай, приготовленное заранее — он преодолел зону отчуждения одним шагом. Лия пожалела мысленно о своем маленьком росте, когда он почти прижал её к стене.

"Сейчас я закричу, если он попытается предпринять что-то", — подумала Лия с неопределенным чувством раздражения. Удивительно, но ничего делать не пришлось.

Он приблизил лицо к ней, вглядываясь в её глаза. Лии показалось, что он словно хотел что-то сказать. Это было непонятно, и к раздражению примешалась доля любопытства, Лия постаралась не шевелиться, чтобы не провоцировать его.

Доктор отступил на шаг, вновь восстанавливая между ними расстояние. Он не пытался больше что-то сказать или сделать, просто закрыл глаза на секунду. Затем произнес: "Простите" и резко шагнул прочь.

Она поправила выбившиеся волосы и раздраженно выдохнула, стараясь вернуть себе спокойное состояние, в котором было легче оценивать ситуации и принимать решения. Но, даже спокойная, она не могла объяснить себе, почему этот человек вызывает у неё ощущение раздраженного беспокойства, будто её потревожили, пробуждая что-то новое, чего она не могла назвать. И от этого становилась еще более раздраженной.

* * *

— Возьми Мелани и пройди с ней по магазинам, — посоветовал брат, смотря футбольную передачу, при этом поглядывая на сидящую в углу дивана сестру, которая явно скучала. Лия скептически вздохнула:

— Ты же знаешь, что с твоей женой я общаюсь лишь тогда, когда этого требует необходимость или правила приличия. У неё слишком высокий ум для моего скромного опыта в жизни. Я вполне переживу вечер одна дома. Возьму кусок пирога, залезу в интернет

и буду радоваться жизни.

Брат что-то пробурчал, но от комментариев воздержался. Лия не то, что скучала, ей просто было некомфортно на душе.

"Мне уже даже не двадцать четыре, я — маленькая, слишком обычная и не имеющая претензий на особенность. И кажется все мои знакомые, включая даже брата, который младше меня, уже с радостью умчались в направлении брака и семейной жизни, а кто-то даже успел сделать парочку детей. Видимо, я не скоро найду себе пожилого офисного работника и буду доживать с ним после тридцати лет жизнь. А возможно — вообще буду стариться в компании нескольких кошек", — размышляла Лия, глядя на кусок пирога и безуспешно пытаясь справиться с зависшим ноутбуком. Видимо, сегодня ей придется ограничиться унылым киданием мяча Жулибо и его компанией в поедании пирога. "Что ж, — подумала Лия, — Это далеко не грустный вариант, чем жизнь замужней женщины, понимающей, что она все равно остается одинокой, даже при наличии рядом некоего мужа, живущего отдельно и пересекающегося с ней на кухне, в постели и по выходным".

Маргулис вернулся в офис в тот же день, когда покинул госпиталь. Дел скопилось невпроворот, и возвращению босса были рады абсолютно все. Через час Эрик вдруг понял, что его мысли не могут сконцентрироваться на таких привычных для него с детства числах.

Маленьким мальчиком он развлекал себя, считая в уме многозначные числа, и был первым в учебе. Поэтому, он смог легко окончить школу и удивить всех, поступив в университет на факультет финансов и экономики. Никому не известный студент решил познакомиться с собой мир биржи, и начал он с игры на росте акций. Для его тренированного годами мозга не составляло труда составить прогноз и вероятность падения или роста. И через полгода он стал владельцем контрольного пакета акций строительной фирмы, где работал когда-то его отец. Он помнил лишь его голос и большую руку, трепавшую его по волосам вечерами, когда отец возвращался с работы. Порадовать его своим успехом Эрик не смог — отец умер за год до окончания им школы. Мать умерла еще раньше. Если бы он мог её помнить лучше, возможно в его жизни было бы место чему-то еще. Но всё, что он о ней знал, это то, что она работала в этом госпитале, и он проходил ежегодное обследование именно здесь, простым пациентом Маргулисом, воздавая ей, таким образом, дань уважения и словно пытаясь сказать, что не забывает о ней.

Сегодня Эрик ощущал недостаток чего-то, что было ему нужно.

— Мне необходимо пройтись, — бросил он, выходя из кабинета, удивленному секретарю. Маргулис просто шел вперед, не слушая звуков, не ища ничего. Он не мог объяснить, что именно он ищет или чего хочет. Он просто шел вперед. Дальше от офиса, от зданий, от суматохи и размеренности графиков. Как бы ни звучало издевательски — он шёл, куда глаза глядят.

Лия не ожидала, что весь день проведет в парке. Но, поскольку брат с женой приехали к матери на несколько дней, дабы избежать ненужных лишних встреч, Лия отправилась гулять, взяв с собой собаку.

Городской парк находился в центре, объединяя собой и жилую часть, и деловые кварталы. Низко клонящиеся к воде пруда посреди парка, ивы образовывали тенистые аллеи вокруг прохладного водоема. Эти аллеи были излюбленным местом для прогулок всех горожан. Лия медленно шла по дорожке, изредка останавливаясь когда пес не хотел следовать за ней, чем-нибудь увлекшись. Вокруг гуляли парочки, матери с детьми всех возрастов, несколько художниц, пристроив свои мольберты почти у кромки воды, ловили

моменты, чтобы остановить их в своих этюдах.

— Жулибо, — позвала в очередной раз собаку Лия и направилась к берегу пруда. Собака опередила её и с размаху бросилась в воду, но, решив, что та слишком холодна для неё, выскочила, и шумно отряхнулась, подняв фонтан. Оказавшись под холодным душем, Лия невольно охнула и засмеялась — нет, это просто судьба — попадать во всевозможные передраги: стоило ей надеть светлые брюки, как очередное злоключение нашло её.

Эрик, стоявший на аллее парка, поднял голову и замер. Вряд ли его мучают галлюцинации, но это был тот самый смех. То, чего ему почему-то не хватало. И он вдруг понял, что с облегчением вздохнул. Но другая его часть, логичная и рассудительная, неодобрительно возразила — что за вздор, разве за две недели он стал считать, что женский смех — то, что ему необходимо для душевного равновесия? Эрик отмахнулся от этих мыслей и направился в сторону пруда.

С ней было животное. Довольно непоседливая и шумная собака. Маргулис остановился позади них, просто слушая и не желая нарушать их прогулку своим присутствием.

— Пойдем, — сказала Лия собаке, которой понравилось купание — она упорно пыталась повторить трюк с брызгами. Повоевав несколько минут с ней, Лия стала возвращаться на аллею.

На тропинке позади них стоял мужчина в темных очках, сложив руки за спиной и смотря вдаль — один из многочисленных гуляющих по парку в вечернее время. Лия уже оказалась на дорожке аллеи, когда внезапно поняла, что ей на удивление кажется знакомым этот человек. Во всяком случае, она точно его где-то уже встречала. Лия повернулась и взглянула на мужчину — тот смотрел на пруд, не отрывая взгляда. Возможно, ей показалось, и она зря ломает голову, пытаясь вспомнить его.

Лия собралась идти дальше, но в ту же секунду мужчина снял очки и подставил лицо поднымающему над прудом ветру. Теперь она узнала его: это был тот самый слепой мужчина из госпиталя, его фамилия начиналась на "М". Он снова надел очки и двинулся по дорожке в её сторону.

— Добрый вечер, — сказал Маргулис, поравнявшись с Лией.

— Добрый, — Лия подумала, что ей не хватало исходившей от него ауры спокойствия и уверенности.

— В этом парке кажется, всегда можно встретить случайно знакомых людей, — кивнул он в сторону гуляющих горожан.

— Парк так удобно расположен, — согласилась Лия.

— Я всё время забываю спросить, как Вас зовут? — Он неторопливо шагал, постукивая тростью.

— Лия.

— Лия, — повторил он, — Что же, будем знакомы. Я — Эрик.

Солнце окрашивало верхние этажи деловых центров в золотой цвет, отблеск на их окнах пробивался сквозь листья деревьев. Лия нарушила возникшую тишину.

— Вы гуляете один?

— Я — счастливый слепой потому, что мой слух позволяет мне осязать то, что я не могу увидеть, — он пожал плечами.

Оказавшись возле выхода из парка, Лия повернулась к нему:

— Мне надо спешить домой, меня уже наверно потеряли, — улыбнулась она вполне возможной ситуации, — Я была очень рада встретиться и побеседовать с Вами.

— Возможно, я смогу составить Вам компанию завтра во время обеда? Я знаю хорошее кафе рядом с госпиталем, — Эрик устремил на нее взгляд. Лия растерялась от немного необычной ситуации, но поняв, что от неё ожидается ответ, торопливо сказала:

— Это, безусловно, хорошее предложение.

— Но? — Взгляд остался неподвижным, — Ваш ответ подразумевает продолжение, и вероятно оно с негативным оттенком.

— Ничуть, — Лия оправилась от неожиданности и улыбнулась такому забавному искажению её слов, — Это действительно хорошее предложение, и я согласна.

— Тогда — до встречи.

— До встречи, — Лия продолжала стоять: бросить слепого человека, в центре города казалось её преступлением. Но он, кажется, не хотел, чтобы она оставалась и своими действиями намекнула на его дефект.

— Ну, я пойду, — сказала она и взглянула на мужчину. Поскольку на его лице ничего не отразилось, Лия действительно пошла прочь по улице, раздумывая — правильно ли сделала, оставив его? Завернув за угол ближайшего дома, она выглянула — Эрик шел неторопливо и уверенно, чуть подняв лицо по обыкновению слепых и, кажется, действительно не нуждался в чьей-либо помощи.

"Правильно ли я сделала, согласившись пообедать с ним? — Размышляла Лия, лежа ночью без сна, — Раньше я никогда не была столь скоропалительна в решениях. Возможно, и в этой ситуации не следовало поддаваться порыву. Но, кажется я действительно не жалею, что встречу с ним завтра".

Эрик никогда не считал себя безумцем, даже если его так и называли. Даже когда он принял решение о создании компании. Даже когда он начал пробовать себя на биржевых сделках. Даже когда он принял решение поступить в университет.

Нет, сумасшедшим он не был никогда. Но сейчас Эрик сомневался в этом. Потому, что только безумием можно назвать то, что он сделал. Он фактически навязал ей себя завтрашней встречей. Не будучи знакомым с ней, не зная её толком, он просто понадеялся наудачу. И удача его не подвела.

Эрик шагал по улице, привычно вслушиваясь в потоки звуков. Как проходили его знакомства раньше? Их представляли друг другу, женщины издавали почти осязаемую ауру интереса к нему, как к редкостному созданию, затем, узнав о его занятиях, меняли свой тон на безудержное и откровенное заигрывание. Такие знакомства заканчивались почти сразу, изредка — через неделю. Он интересовал их лишь как оригинальный бизнесмен со странностями. Почти каждая вообще стыдилась выходить с ним на люди, но ради его средств могла ему простить его уродство. Вот только он не мог простить и терпеть такого отношения. "Мне не нужна ничья снисходительность, — понимая, что начинает закипать, подумал Эрик, — Может кто-то и называет меня калекой, но у меня есть всё, что мне нужно. И это — главное". Но, не смотря ни на что, он сам пошел на то, что бы предложить свое общество этой девушке. Воистину, иначе как безумием это не назвать.

* * *

— Я сегодня уйду перед обедом, — сказала Лия Миле, — Могу я тебя попросить подменить меня?

— Боже, — зашептала, округлив глаза, Мила, — Свершилось! Ты идешь на свидание? Да я просто обязана тебя выручить! Наконец-то, Лия!

— Брось, — смущенно засмеялась Лия, — просто иду обедать и ничего больше.

— Да-да, мы знаем, — таинственно подмигнула Мила и подалась вперед, — Кто он? Симпатичный? Молодой?

— Вполне, — кивнула Лия, не желая посвящать излишне общительную Милу в подробности.

— Я буду держать за тебя кулаки, засияла та, и Лия с ужасом подумала — неужели со стороны она выглядит такой неудачницей, что обед в компании мужчины уже воспринимается как из ряда вон выходящее событие? Впрочем, это и неважно. Всё это касается только её, а кому охота придумать — пусть старается.

Лия смотрела на часы впервые в жизни через каждые две минуты. "Со мной действительно что-то не так — я не могу найти себе места и тороплюсь увидеть абсолютно незнакомого мне человека. У меня не было возможности узнать его, я не знаю — кто он и что его ведет по жизни", — думала она, занимаясь обыденной работой, — "Я поступаю глупо, но почему-то этот слепой человек меня зацепил достаточно сильно. Я пытаюсь понять — чем, но пока вижу лишь то, что его спокойствие и уверенность манят меня всё сильнее".

Не дожидаясь перерыва, как только Мила подошла к ней, Лия стала срочно собираться. До официального перерыва еще пятнадцать минут, но Лия решила, что имеет право позволить себе сбежать пораньше.

Она была удивлена, когда увидела Маргулиса, идущего по дорожке к госпиталю. Оказывается, в глубине души она не была уверена, что они встретятся.

— Добрый день, — Лия подошла к нему.

— Добрый, — он остановился, — Надеюсь, на работе у Вас всё хорошо?

— Да, — Лия повеселела, — Сегодня хоть стало полегче, большинство решило срочно выздороветь перед выходными.

— Это хорошее намерение с их стороны, — Лии показалось, что он улыбнулся, но улыбки на его лице она не увидела.

Кафе оказалось действительно недалеко от госпиталя — на противоположной стороне улицы. Это было достаточно тихое и уютное место, и Лия мысленно удивилась — как, несмотря на то, что Эрик слеп, он смог почувствовать эту атмосферу тишины и спокойствия и понять, что она ей по душе?

— Здесь уютно, — сказала она.

— Я рад, что Вам понравилось, — Эрик уверенно прошел к столику, показывая Лии путь.

Спустя десять минут она наслаждалась чашкой горячего кофе и изучала человека, сидевшего напротив неё. Он не снимал очки, но, не зная о его секрете, нельзя было бы и предположить, что он — слепой.

"Если меня спросят о его внешности, я не смогу её описать, — подумала Лия, — Его спокойствие подавляет абсолютно всё, даже его внешний вид".

— Мне хотелось бы спросить Вас о Ваших интересах и хобби, — сказала она, с ужасом думая, что произнесла вопиющую бестактность, одетую в сложновыговариваемую фразу — ну какие занятия могут быть у слепого человека?

— Я буду рад удовлетворить Ваше любопытство, — спокойно ответил Эрик, — Мои интересы лежат в области экономики и точных наук.

— Не побоюсь показаться глупой, но это абсолютно не моё, — Лия улыбнулась, — Ещё

в школе не блистала познаниями в математике.

— Числа... Это целый мир с определенной логикой, свойствами и законами, — Эрик откинулся на спинку плетеного стула, — Их формулы — как цепочки ДНК, имеют свою структуру и смысл. В чем-то медицина и математика схожи. В мире чисел всё предсказуемо и в то же время самостоятельно.

— Говорят, что всю Вселенную построили по законам математики. Иногда я согласен с этим утверждением. А иногда мне кажется, что — это математика создала Вселенную... Извините, я настолько заговорил Вас, что Вы даже не успели выпить кофе — он уже остыл, — Эрик резко сменил тему. Лия внезапно вернулась в реальность — и правда, чашка в её руках была теплой, но вовсе не горячей.

— Ещё кофе, пожалуйста, — как по волшебству появился рядом с их столиком официант, которому Эрик и делал сейчас заказ. Лия запротестовала:

— Не нужно, спасибо! Вторая чашка оставит меня без сна на ближайшие сутки. А я всё-таки хотела бы выспаться после смены.

Эрик замолчал и затем сказал официанту только одну фразу: "Не нужно", после чего тот исчез.

Лия решила продолжить разговор.

— Но в мире чисел разве не одиноко? Ведь мир одной логики лишен своей второй части — сердца, без которой в нем сложно.

— Не думаю. Расскажите — как получилось, что Вы решили стать медсестрой? — Он явно не желал продолжать прежнюю тему, и Лия мысленно поругала себя за недогадливость.

— Я просто знала, что хочу помогать всем, кому нужна помощь, — она пожалала плечами, — Как-то получилось само.

— И Вы не жалеете?

— Ничуть. Я довольна.

Лия случайно опустила глаза на часы и охнула:

— Перерыв закончился. Мне нужно возвращаться, — она взглянула на Эрика.

— Конечно, — он оставался прежним, спокойным и невозмутимым, — Могу я Вас попросить?

— Да, конечно, — Лия уже задумалась — что он хочет попросить? Может снова встретиться? Нет, скорее это — её желание, а не то, что он скажет.

Но произнес он совсем другие слова, абсолютно ошеломившие её:

— Не дадите ли Вы мне свой номер телефона?

— Номер, — сейчас Лия действительно не могла найти слов и не стеснялась своей растерянности.

— Не беспокойтесь. Я умею набирать номера, стоящие на фиксированном вызове, — кажется, это была плохая ирония.

Она молча полезла за ручкой в сумку, попутно нашла листок бумаги и написала на нем свой номер.

— Вот, — Лия протянула листок. Эрик раскрыл ладонь, и тот лег на неё.

— Спасибо, — мужчина чуть наклонил голову.

Лия вышла из кафе на улицу с ощущением странности происходящего. Эрик слушал её шаги, теряющиеся в шуме улицы — она не торопилась уйти подальше, как сделал бы человек, избавившийся от неприятной компании. Кажется, она действительно была не разочарованна. Листок бумаги с её номером по-прежнему лежал в его руке. Эрик бережно

сложил его и убрал в карман рубашки. Кажется, сегодня в его жизни что-то незаметно изменилось.

Часть 1.2 Между светом и отражением

— Ты уже вернулась? — Мила вроде была даже разочарованна, — Детка, если ты будешь себя так вести, то мужчина решит, что ты не представляешь для него интереса. Если только ты не сделала этого с целью заинтриговать его.

"О, да, безусловно... Поэтому он попросил мой номер", — возразила мысленно Лия, но вслух произнесла:

— Что же, если не представляю интереса — тогда не судьба. Я не буду сильно расстраиваться из-за этого.

Мила горестно вздохнула:

— Ты не исправима. Кстати, тут для тебя кое-что оставили. Приятный сюрприз, детка.

— Что? — Лия подошла к ней.

— Смотри, — Мила картинно повела рукой. На низкой тумбочке у шкафа стоял небольшой букет.

— Что это? — Повторила Лия, нахмурившись.

— Там открытка, — Мила сделала вид, что ей не интересно, но Лия знала, что та сгорает от любопытства. Раскрыв открытку, она прочитала короткое послание: "Надеюсь на прощение". "Дорнот", — с раздражением подумала Лия и кинула открытку на полку. Почему он просто не оставит всё в прошлом, сделав вид, что ничего и не произошло? Но затем, устыдившись своего срыва, подняла её и аккуратно убрала в сумку.

— Ого... Да я, оказывается, всё пропустила, — Мила была похожа на охотничьего сеттера, взявшего след, — Лия, да ты не так проста! Дай пять, подруга, я в восторге!

На Милу нельзя было долго сердиться, главным её недостатком было лишь желание поболтать. Поэтому Лия охотно протянула ей руку и потрясла её в рукопожатии.

Зато оставшись одна, почувствовала ужасное раздражение, поскольку открытка свидетельствовала о том, что доктор вовсе не оставил своих планов портить ей жизнь своим раскаянием. Наверно, в глубине души ей было приятно, но его попытки помириться вызывали стыд за свое удовольствие и разрушали ореол негодяя, который Лия щедро разукрасила и прикрепила доктору. "Что поделать, кажется, хорошее настроение слегка испорчено. Но, думаю, с подобным можно справиться", — Лия вздохнула и снова вспомнила происшедшее в темном углу тем вечером, — "Пора признать, что я сужу о людях предвзято». Замигавший сигнал тревоги в одной из палат заставил её бросить размышления и поспешить за врачом, громко требовавшим вызвать реанимационную бригаду для пациента, которому стало резко хуже.

Эрик сидел в кресле гостиной и задумчиво водил пальцами по клавиатуре телефона. Днем по его требованию телефон был записан на автоматический набор, но даже после того, как ему прочитали номер, он запомнил его раз и навсегда. Но стоит ли ему звонить? Конечно, он хотел бы её услышать — этого он не отрицает, но стоит ли ему навязываться?

Эрик встал, прошел по комнате заученным маршрутом — до окна, закрытого шторой. Вернулся обратно, но в кресло не сел, а остался стоять, медленно перебирая кончиками пальцев грани телефона.

Позвонить.

"Да, конечно позвонить, — мысленно улыбнулся он, — просто узнать как у неё дела".

Лия пришла в себя достаточно быстро. Первая экстренная ситуация за полгода её работы — и так всё сразу навалилось: доктор, мысли, почти умирающий пациент.

Она сидела на подоконнике в своей комнате, не включая свет, и, закрыв глаза, наслаждалась ветерком, слегка трепавшим волосы и обдувавшим её лицо. "Всё хорошо. Всё благополучно закончилось. Больной жив и будет выздоравливать. С доктором я поговорю при необходимости. А всё остальное не так плохо".

Мелодию звонка она услышала не сразу и сперва не поняла — что это. Но затем кубарем скатилась с подоконника и потянулась за телефоном, который лежал на столике у кровати. Звонил незнакомый номер.

— Алло, — Лия прислушалась.

— Добрый вечер. Я решил узнать — как прошел Ваш день и как Ваши дела?

Если бы за окном грянул гром, Лия удивилась бы не так сильно, как удивилась, услышав низкий спокойный голос в трубке.

— Благодарю, — спохватилась она, — У меня все хорошо.

— Возможно я не вовремя, — помолчав, произнес её собеседник.

— Нет, нет, — спешно разуверила его Лия, испугавшись, что сейчас он закончит разговор, — Просто сегодня произошло чрезвычайное происшествие на работе, и я растерялась. Поэтому, возможно и создано такое впечатление, что я не настроена разговаривать.

— С Вами всё хорошо? — Лия могла поклясться, что его голос на секунду изменился — словно он переживал за неё, но так же не смогла бы это подтвердить спустя секунду.

— Да, спасибо. У нас чуть не умер человек.

— А такое случилось впервые у Вас на глазах, и Вы почувствовали, что, несмотря на все знания, не в силах изменить ход жизни и смерти, — прозвучало чуть вопросительно, словно он хотел услышать её мнение.

Лия села по-турецки на полу и взяла поудобнее телефон.

— Да. Именно так. Я поняла, что люди считают себя слишком могущественными, но их легко может поставить на место самое обыденное явление в цикле человеческой жизни, — она вздохнула еще раз, переживая происшедшее.

— Поэтому не стоит на себя брать многое. Надо жить сегодняшним днем. Ведь миг и вечность слишком относительноны, — спокойствие было с оттенком утешения, и Лия подумала, что благодарна за такую поддержку. Он не посмеялся. Не сказал, что это следствие её воображения или чувствительности.

— А как Ваши дела? — спросила она.

— Хорошо.

С какой стати она решила, что он так же разоткровенничается и будет рассказывать ей про свой день?

— Скорей даже отлично — поскольку все, что я планировал, получилось, — Раздалось после некоторого молчания. — Ложитесь пораньше. Вам надо отдохнуть сегодня. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — отозвалась Лия.

— Кажется, я никогда не смогу добиться Вашего прощения.

Кажется — еще немного, и она сорвется. За сегодня Дорнот соизволил одарить её вниманием уже в сотый раз. Если сначала Лия удивилась, то затем она была неприятно поражена. А теперь настала пора негодовать. Внимание, проявляемое к ней, заставляло чувствовать себя не в своей тарелке, словно внезапно её вытащили на постамент, на который каждый обращает внимание, видя, как доктор подходит почти каждые пять минут к ней.

— Что? — Лия вскинула брови.

— Я надеюсь, что Вы все же простите меня, — доктор стоял, сцепив за спиной руки.

— Я не думаю, что произошло что-то стоящее особенного внимания, — Лия опустила голову и принялась дальше разбирать полученные результаты анализов.

— А Вы никогда не задумывались, что мужчина может просто поступить неверно, поддавшись эмоциям, которые вызываете у него Вы? — Доктор развернулся и напоследок бросил, — Вы так рассудительны, но абсолютно не видите и не понимаете жизни, сестра.

Лия стукнула сложенной папкой о стол от безудержного раздражения — да сколько можно уже? Он просто невыносим. Появляется, говорит загадками и исчезает.

— Что я вижу — ты просто очаровала нашего Яна, — Мила выглянула из комнаты отдыха, провожая взглядом доктора, — Мир сошел с ума? Или я как обычно не в курсе?

— Я не знаю ничего, чего не знала бы и ты, — отозвалась Лия, мысленно проклиная навязчивость Дорнота. В кармане костюма у нее завибрировал телефон. Лия вытащила его и поняла, что номер не записан в памяти.

— Да, я слушаю, — достаточно резко произнесла она.

— Надеюсь, я Вас не отвлек?

Лия ухватила телефон обеими руками и поняла, что до невозможного рада услышать в буре эмоций его голос — как островок спокойствия.

— Ничуть, я очень рада снова Вас услышать, — Выпалила она.

"А вдруг он позвонил по какому-то вопросу, вовсе не просто так?"

Во время паузы, когда он молчал, Лия успела расстроиться, разочароваться и обреченно вздохнуть.

— Я тоже рад Вас снова услышать. Как ваши дела?

"Отвратительно!" — завопила мысленно Лия, но сказала обратное:

— Хорошо.

— Я буду недалеко от Вас и хочу предложить Вам пройтись после работы. Мне кажется — Вам надо немного отдохнуть. Когда Вы в последний раз просто так гуляли?

— Недавно, — задумалась Лия.

— В прошлое воскресенье. В силу обстоятельств. А просто так — для отдыха и души?

— Я не помню, — призналась Лия.

— Но будет ли Вам удобно?

— Вне сомнений.

— Тогда хорошо. Я буду ждать Вас там же, где и в прошлый раз, через полтора часа.

На мгновение Лия подумала — откуда он так хорошо знает точное окончание её смены? — но в следующую минуту отбросила эти размышления.

"Ты превращаешься в подростка", — подумал Эрик, сидя на аллее. Бессмысленно отрицать, что его руки непроизвольно тянулись весь день к телефону, а работа проходила мимо. Он толком не слушал председателя совета правления потому, что его мысли летали в

совершенно ином направлении. А именно — он думал, что хочет снова её услышать. Снова поговорить — спокойно и свободно. Поэтому, когда закончилось совещание, он снова достал телефон. Тот жег ему руки, искушая позвонить её. И Эрик поддался искушению — позвонил. Слушая длинные гудки, он гадал — ответит ли она? Предложение пройтись у него вырвалось само — но Эрик не пожалел об этом. Он понял, что в его жизни что-то действительно изменилось, когда услышав её согласие, осознал, что нервно разорвал на мелкие клочки бумагу для заметок, лежавшую перед ним.

"Но мы можем быть лишь знакомыми, друзьями, — оборвал он свой радужный настрой, — Мы абсолютно разные в реальной жизни. Поэтому надо трезво смотреть на всё".

Несмотря на это, он сейчас сидел на скамейке аллеи и ждал её снова.

Лия сразу увидела его, еще только выходя из здания, и ускорила шаг.

— Добрый вечер, — Заговорила она первой, — Я не заставила Вас ждать слишком долго?

— Нет, я только подошел, — Эрик не стала говорить о том, что приехал на своей машине, дожидавшейся его и не притягивающую к себе излишнего внимания.

— Как Ваши дела? — Лия взглянула на него.

— Давайте пройдемся, и я охотно расскажу Вам, — Эрик кивнул в сторону дороги.

Солнце садилось. Более холодные, чем раньше, дни уже начали вступать в силу — несмотря на то, что солнце светило, уже становилось зябко. Лия шла по дороге, изредка пиная ногой камушки гравия. Эрик обратился к ней:

— У Вас все хорошо на работе?

— Да, — сейчас Лии не хотелось думать об этом.

— Это хорошо, — кивнул Эрик.

Лия остановилась и повернулась к нему:

— Я не знаю, что Вы за человек. Я очень мало, почти ничего о Вас не знаю. Но я понимаю, что доверяю Вам. Странно, правда?

На секунду её рука коснулась его кисти, лежавшей на набалдашнике трости, но Лия моментально убрала руку, стыдясь порыва и в то же время не жалея о нем. Эрик снял очки и опустил голову — если бы он мог видеть, Лия решила бы, что он пытается понять — искренни ли её слова.

— Я хочу быть Вашим другом и постараюсь оправдать Ваше доверие всеми силами, — сказал Эрик. Именно в этот момент он впервые подумал, что жалеет о своей слепоте.

У начала осени есть свои преимущества — это самая красочная и волшебная пора года, когда все мыслимые и не мыслимые краски воплощают фантазии природы. Стоя у дверей дома, Лия созерцала окрашенные ранним солнцем деревья. Прохладный воздух был осязаем как тонкий хрусталь. Природа танцевала последний танец и обещала сделать его незабываемым. С легким сердцем, прогнав все сомнения, Лия пришла на работу. Она будет решать проблемы по мере их появления. А не рвать на себе волосы с воплями недоумения заранее.

Раннее утро на отделении — это еще счастливая пора тишины. Пациенты еще спят после ранних назначений, а врачи еще не начали обход. И всё отделение — во власти тишины и покоя.

Лия не спеша шла по коридору, глядя на номера палат, без всяких мыслей. Четвертая.

Третья... Третья. Секунду помедлив около двери, Лия коснулась ручки и остановилась. Это глупо. Там нет никого. Она пошла прочь, стараясь не задумываться о том, что её заставило остановиться.

Возле поста стоял Дорнот, дежуривший в эту ночь. Дежурство на его внешности не отразилось, он снова был безупречен.

— Доброе утро, — поприветствовал он Лию.

— Доброе утро, — она буквально заставила себя не прошмыгнуть мимо него, а спокойно пройти на пост.

— Сегодня операционный день и троих поступивших необходимо подготовить, — Доктор кивнул на папки, лежащие на посту.

— Хорошо, — Лия пододвинула их ближе.

— И еще.

— Да? — Лия вопросительно взглянула вверх, на врача.

— Я был абсолютным ничтожеством, поведя так себя, когда поступал так, словно нахожусь в клубе. От дурных привычек сложно отвыкнуть. Простите этот оскорбительный поступок.

Лия внимательно посмотрела на него. Глаза, прямо смотрящие на неё с чувством, похожим на раскаяние, и простой вид без его обыденного пафоса. Наверно, это действительно так.

— Я думаю — раз Вы все сами понимаете, нам стоит забыть случившееся. Никто не без греха, — чуть мягко сказала Лия, действительно не державшая на него с этой минуты обид. Как можно обижаться на человека, прекрасно осознающего свой промах?

Доктор опустил глаза и снова поднял их на Лию.

— Я рад, — он наклонил голову вбок, — Хорошего дня.

— И Вам, — Лия раскрыла верхнюю папку.

"Проблемы решаются, порой, легко, если им не придавать слишком большего значения, чем они имеют. Правда, есть проблемы, которые хоть и незаметны, но их значение действительно велико без преувеличений. Сейчас такой проблемой является тот факт, что в моей жизни прочно поселился человек, сказавший, что будет мне другом".

Сегодня Лии никто не позвонил. Нет, она и не особо ждала, но всё же. Ждала. Поэтому легкий осадок никуда не делся даже тогда, когда вечером она добралась до своей комнаты.

"Всё не так плохо. Я ожидаю слишком много после нескольких звонков и пары встреч. Не стоит так сосредотачивать внимание. К тому же, у меня завтра выходной, и я не хочу тратить его на пустые и грустные размышления", — Засыпая, подумала Лия.

Наутро ей на помощь пришла никто иная, как жена брата. Неодобрение Лии вызывало то, что Мелани была слишком высокого мнения о себе, хоть и не ставила всех об этом в известность напрямую. Поэтому Лии гордость просто не позволила портить себе настроение, чтобы не дать повода золовке сравнить себя с надутым подростком, коим однажды та назвала Лию за глаза.

Да и заняться было чем. Лия переделала все домашние дела, успела привести в порядок свой костюм к дежурству и, довольная, отправилась прогуляться. На следующей улице судьба столкнула её ни с кем иным, как с Дорнотом, который шел к машине.

— Лия? — Окликнул он её. Она повернулась и, увидев его, подошла ближе.

— Вы гуляете? — Без костюма врача Дорнот выглядел так же эффектно, привлекая глаза окружающих чем-то неуловимым, совмещавшим и внешность, и что-то, спрятанное

внутри. Шедшая мимо них пара девиц одарила его щенячьими взглядами восхищения и призыва, но Лию попытались окатить ушатом презрения, на какое только были способны, видимо приняв её за его подругу.

— Почти, я уже возвращаюсь домой, — Лия кивнула в сторону дома.

— Вас подвезти?

— Спасибо, не надо — это совсем рядом, — Лия оглядела машину доктора: новая, ладная, радующая глаз своим тюнингом.

— Я хотел спросить Вас. У меня пропадают два билета в театр на премьеру сезона. Идти мне не с кем — я расстался на днях с подругой. Не составите мне компанию? Клянусь, никакого двойного смысла, — добавил он, видя, как насторожилась Лия.

Она помедлила — соблазн был велик, а в театр попасть Лии хотелось, театр она обожала, но вот купить билет на премьеру ей бы не хватило денег...

— Это будет двенадцатого, — сказал Дорнот.

— Что же, — Лия вздохнула, — Двенадцатое было почти через две недели, и она точно помнила, что это будет её выходной, который упал решающей каплей на чашу весов, — Я согласна.

— Тогда я занесу Вам билет или оставлю завтра на посту, — Доктор остался серьезным, но то, что он держался просто и естественно, Лию успокоило.

— Хорошо, — Согласилась она, — Всего хорошего.

— И Вам, — Дорнот сел в машину.

К телефону, оставленному дома, Лия решила не подходить, чтобы не задавать себе пустые вопросы без ответов. Поэтому, когда брат крикнул, что ей звонят, Лия уже приготовилась к разочарованию — ведь мог звонить и не он. Но в трубке раздался знакомый голос, и она глубоко вздохнула.

— Добрый вечер, — Лия подумала, что становится наркоманкой — ей не хватает этого низкого голоса.

— Добрый, — улыбнулась она, — Как Вы?

— Хорошо, благодарю. А Вы? — Всё же голос его изменился, звуча порой как-то мягко.

— Отлично, — сказала Лия, мысленно прыгая от нетерпения задать вопрос — куда он пропал вчера?

— Я хотел вчера позвонить, но не смог — было очень много дел, — Словно угадав её мысли, произнес Эрик. — Простите меня.

— Что Вы! — Слишком порывисто ответила Лия, — Вчера было много дел и у меня.

— Я рад Вас снова слышать, — Спокойно сказал он, — Надеюсь, Вы позволите звонить Вам чаще?

Лия утвердительно кашлянула, крутя выпавшую из прически прядь. Она вела себя как полная восхищения дурочка, но это было очень приятное ощущение.

— Ваш голос иногда напоминает бархат, — вдруг произнес Эрик, — правда. Ощутимый и материальный. Я хотел бы предложить Вам после работы завтра пройтись по парку, — спокойно продолжил он, и Лия была уверена, что он понял, что она не знает — что ответить на его слова про голос, и поэтому осторожно увел разговор в спокойное русло, спасая ситуацию.

— Хорошо. Только я завтра задерживаюсь на час, — предупредила Лия.

— Я запомню. Доброй ночи, — снова мелькнули нотки тепла в голосе.

— Я хочу, чтобы Вы начали осваивать обязанности хирургической сестры. С зимы Вы пойдете на курсы, а пока — начинайте присматриваться к работе, — сказала старшая сестра отделения, вызвав Лию утром.

Лия открыла рот и так же его закрыла, борясь с противоречивыми эмоциями. Выйдя из кабинета, она дернула себя за ухо, чтобы проверить — все ли реально? Нет, она до невозможного рада, она мечтала работать в хирургии, для чего ночами учила все лекции вплоть до точек и запятых, чтобы получать хорошие оценки. Но сейчас Лию посетила неприятная мысль — а справится ли она? Хватит ли её выдержки и умения для работы?

— Я не справлюсь, — посетовала она, обращаясь к окну. Окно равнодушно промолчало, и Лия, вздохнув, отправилась на рабочее место. Но о ней очень скоро вспомнили.

— Сестра, — Остановился около нее дежурный врач, — поскольку Вас хотят переучить для хирургии, как мне сказала сестра, начинайте сегодня. Сейчас будет проходить катетеризация пациента. Сопроводите его в перевязочную и побудьте там до окончания. Затем заберете его обратно на отделение. Там Вас уже ждет сестра, она объяснит Вам что делать.

Лия с готовностью взяла кресло-каталку и отправилась за пациентом. Им оказался молодой человек, гораздо младше неё. Добравшись до перевязочной, Лия передала его ожидавшему персоналу, а сама, следуя указаниям сестры, прошла в смотровую.

— Вы, если понадобится, поможете мне, посмотрите на суть нашей работы и начнете привыкать к ней, — Улыбчивая скандинавка Эйда протянула Лии маску и подходящий по размеру комплект перчаток. — Всё не сложно. Главное — любить свою работу и понимать то, что от Вас требуется.

Лия улыбнулась — да, конечно она это любит, но от замирающего от такой ответственности сердца любовь не спасет.

— Мы будем стоять поодаль врачей, чтобы не мешать и в то же время видеть происходящее, — Эйда повела Лию за собой к накрытым перевязочным столам у окна.

Лия притаилась почти за спиной у пожилого врача и во все глаза смотрела на происходящее. Постановка подключичного катетера, известная ей лишь в теории, оказалась не такой простой. Сперва врач обработал поверхность тела, которая приняла желто-коричневый цвет от лекарства. Затем, взяв шприц с проводником, ввел его в тело. Лия мысленно охнула, увидев стекающие струи крови и в то же время удивляясь тому, как просто, но мудро для неё, врач рассчитал угол и место введения. Но последующее заставило её пожалеть о том, что она успела позавтракать. Врач не смог сразу провести катетер в артерию, и поэтому решил вынуть проводник и ввести его заново. Лия подумала, что её передергивает не то, что делает врач, а само осознание того, что тело человека превращается в нечто неодушевленное, набор органов, механизм. "Смогу ли я свыкнуться с этим?" — Подумала она.

Эйда наклонилась и тихо произнесла:

— В первые разы всегда тяжело смотреть. Но когда понимаешь важность происходящего — начинаешь видеть всё по-другому.

Эти слова встряхнули Лию, и она продолжила наблюдать за тем, как споро и быстро действовали врачи. Через некоторое время Эйда подошла к столу за лекарством, а врач, за которым стояла Лия, неожиданно повернулся к ней и сказал:

— Мне нужно обработать снова поверхность, подайте антисептик.

В первую секунду Лия от неожиданности и растерянности подумала, что не сможет вспомнить даже свое имя. Тем более — найти и подать требующееся. Но затем, видя ожидающее лицо врача, потянулась за флаконом — благодаря Эйду, поставившую её рядом со столом.

Из перевязочной Лия вывезла пациента на коляске со смешанным чувством гордости собой. Как-никак, но она даже что-то сделала, стала частью этого слаженного механизма, пускай, даже просто подав нужную вещь.

"А может, я справлюсь", — подумала она.

Эрик вышел из машины, думая, что возненавидит проблему города под названием "час-пик". Он опоздал. Он, пунктуальный и точный, опоздал на целых двадцать минут. И всё из-за какой-то чертовой машины, которая соизволила остановить движение транспорта, заглохнув на развороте посреди улицы. Бессмысленно отрицать, что она уже наверно ушла. Ей никак нечего ждать его, ведь они друг другу никто.

Он шел по аллее, стараясь не думать о том, что это зря. Она уже ушла домой. Нет, он знал её адрес, расписание её рабочего дня — это он узнал после того, как встретился с ней в первый раз после госпиталя, озадачив подобным интересом свою службу безопасности. Но, это ему мало поможет в данный момент. Если он появится у дверей её дома, она просто сочтет его маньяком, преследующим её.

— Эрик?

Он резко остановился. Не может быть. Она сидела на скамейке, где в прошлые разы он ждал её. Она не ушла. Эрик сжал трость, не зная — радоваться ему или же отдаться чувству, похожему на неумолимо надвигающуюся волну, от которой некуда бежать.

— Я думала, что Вы не можете не придти — Вы слишком пунктуальны. Лия решила промолчать о том, что двадцать минут назад была готова провалиться сквозь землю, когда решила, что он не придет. И она просто глупо выглядит, сидя тут и ожидая неизвестно чего. Но, повинувшись робкой надежде, которая крепла, пока она мысленно вспоминала то, что он — не просто забывчивый парень, охотно обещающий придти, а человек, чья страсть — математика. А значит, он точен во всем. И лишь крайнее обстоятельство заставило его не появиться вовремя.

— Я не ожидал, что Вы дождетесь меня, — Эрик помедлил и повернулся к ней, — Если бы я не смог придти, я бы позвонил. Меня просто задержал транспорт.

— О, эта та еще напасть, — Улыбнулась Лия, испытывая облегчение.

Шофер, следуя указаниям, не двинулся с места, пока босс и девушка не скрылись за углом. Только затем он медленно повел машину, чтобы хозяин мог в любой момент найти её поблизости.

— Удивительно, он уже не в первый раз приезжает, чтобы встретиться с ней, — произнес он, обращаясь к сидящему рядом телохранителю, крайне недовольному тем, что ему приходится сидеть в машине, а не привычно следовать тенью за хозяином.

— Я не понимаю, что он в ней нашел. Такая маленькая, выглядит как подросток. Не знал, что он решил найти противоположность своим обычным подругам, — продолжил шофер размышлять вслух.

— Он никого и не находил, — отозвался телохранитель, — она ему не подруга, иначе бы все знали об этом.

Шофер пожал плечами, но продолжать опасную тему не стал.

— Чем Вы занимаетесь по жизни? — спросила Лия, решив нарушить создавшуюся тишину.

— А что бы Вы могли предположить? — спросил в ответ Эрик. Лия взглянула на него и пожала плечами.

— Я бы предположила, что Вы — преподаватель. Но Вы не похожи на преподавателя.

— Я занимаюсь свободной работой, которая связана с финансовыми операциями.

— Экономика, — согласно кивнула Лия.

— Да.

— Когда работу любишь, она приносит только удовлетворение, — Лия подумала, что какими тяжкими не оказывались дежурства, она всегда с радостью приходит в госпиталь. И вряд ли смогла бы найти себя на новом месте.

Они не спеша шли вокруг пруда, до которого добрались незаметно за разговором.

— Расскажите о себе? — попросил Эрик.

— Я даже не знаю, что и рассказать, — Лия потянула себя за прядь волос, — Я работаю, свободное время провожу дома. Просто живу.

— Живу, — Эрик не спеша пробовал звучание этого слова на вкус.

— И все же это очень насыщенная жизнь, — Лия возразила скорее самой себе, чем своему собеседнику, вопрос — скучна ли её жизнь? в последнее время стал всё чаще возникать непрощеным гостем в её размышлениях.

— Тому, кто умеет жить, жизнь не кажется скучной, — Эрик слушал звуки вокруг и её молчание. О чем она предпочла бы промолчать? Какие темные уголки её мыслей она не произнесет никогда? Знает ли она что такое — темнота? Эрик оборвал свои мысли, поразившись самому себе.

— Я хочу показать Вам одно место. Оно действительно необычно, насколько я могу судить о нем. Не спешите отказываться, — он чуть торопливо закончил фразу, испугавшись, что Лия сразу откажется.

— Если Вы говорите, что оно необычно, мне стоит поверить Вам на слово, — Лия призналась себе, что заинтригована.

— Тогда я думаю — нам стоит отправиться туда. Это рядом, — Эрик показал рукой влево, к деревьям, окружавшим парк.

Солнце играло, отражаясь в многочисленных окнах зданий, мерцало в листве деревьев, сияло отблесками на глади пруда, прячущегося под низко склоненными ивами. И здесь не было так слышно шума городской жизни, который хоть и доносился сюда, но звучал как отголосок, не раздражавший слух.

— Это прекрасно, — сказала она восхищенно.

— Закройте глаза, — Раздался голос Эрика, — просто закройте глаза и дайте звукам рассказать Вам свою историю.

Лия последовала его совету, закрыв глаза. Свет двигался по коже, касаясь её бархатным прикосновением. Ветер плавно обтекал тело, как поток воды, заставляя каждую клеточку почувствовать свое движение, но, не проявляя агрессии, как обычно — сметая прохожих, стремящихся нарушить его поток. Звуки лились водопадом где-то рядом, но не рвались настойчиво в уши.

— Это свобода, — Голос Эрика приближался, становясь единственным звуком, окружавшим Лию. Она вздохнула полной грудью и улыбнулась — да, именно свобода. И

открыла глаза. От перепада темноты и света её слегка покачнуло. Эрик стоял рядом, обеими руками опершись на трость.

"Я влюбилась", — сказала самой себе Лия.

Да. Мир обретал новые краски, которые заставляли его быть и привычным, и в то же время — абсолютно новым, неповторимым.

Лия повернулась к Эрику, по-прежнему молча стоящему рядом. Его невидящий взгляд был направлен вдаль — и словно устремлен сам в себя.

"Я не скажу этого потому, что понимаю, что мы с тобой абсолютно разные. Лучше я буду любить на расстоянии, чтобы не бояться, что ты перестанешь быть моим другом. Поэтому, пусть всё останется моим секретом». — С внезапным чувством горечи подумала Лия и сделала шаг назад.

— Вы уходите, — Раздалось по-прежнему спокойно. Лия остановилась. Ей следует дорожить его дружбой.

— Это потрясающе. Настолько, что у меня нет слов... Прошу меня простить, мне надо побыть одной немного.

— Хорошо.

— До встречи.

Звук её походки каждым шагом словно ударял Эрика. Это не может быть правдой. Он шел рядом с ней и жалел, что не может растянуть время дольше. Пока внезапно не вспомнил об уголке парка, безлюдном и навевающим только спокойствие. Место, где он чувствовал себя свободным. И настоящим. Она могла бы не согласиться пойти с ним.

"Наверно, угроза от слепого человека покажется любому смехотворной", — Саркастично усмехнулся Эрик. Но она ни разу не обмолвилась с сочувствием или отвращением, ни разу — хотя и могла это сделать. Мир без неё будет пуст, — Внезапно понял он. Без неё он не сможет чувствовать себя собой. Как так получилось, что он, независимый ни от чего, одиночка, который знал, чего добивался, внезапно перестал управлять жизнью вокруг себя?

"Я не могу без её присутствия, — С ужасом подумал Эрик, — Но я не смогу никогда её сказать об этом".

А затем она развернулась и ушла, оставив его в бушующем океане эмоций. Ему надо было остановить её, проводить. Но он не мог. Он не смог бы произнести даже слова, кроме тех жалких фраз, которые дались ему невероятной ценой, чтобы она не заметила его состояния. Потому, что это делало его слабым и зависимым. А это было непривычно и унижительно, заставляя его ощущать себя вне своей уверенности и возможности управлять всем.

* * *

Наутро Лия проснулась с головной болью и абсолютно без настроения. Дойдя до кухни и ухватив чашку с живительным кофе, она залезла на стул и принялась поглощать утреннюю дозу кофеина. Через некоторое время, ощутив небольшое облегчение, она выглянула в окно — на улице зарядил мелкий осенний дождь, несущий за собой наступающие холода и близость зимы. О вчерашнем Лия просто запретила себе думать и отодвинула эти мысли в самый дальний угол разума, который только могла найти.

Работа встретила её не очень приветливо. Как только она переделалась и вышла на пост, врач заявил, что вчера сестры напутали с данными поступивших пациентов. Затем потерялись результаты анализов, а потом Лию и вовсе вызвали к старшей сестре, которая сообщила ей, что на зимние курсы отправляют другую медсестру, оказавшуюся дочерью заведующего отделением. Поэтому остаток дня Лия провела в наихудшем расположении духа.

— Тяжелый день?

Лия подняла глаза на подошедшего к посту доктора Дорнота.

— Да, — Хмуρο кивнула она.

— Сегодня у нас тоже полоса неудач, — сказал Ян, разбирая карты. Лия подала ему нужную.

— Переживем.

— Меня восхищает Ваш оптимизм, — Улыбнулся он.

— Я сама им восхищена, — Лия поняла, что улыбается в ответ. Странно — её настроение поднял человек, которого она не то, что бы невыносила, а скорей — не одобряла. "Хотя, — подумала Лия, — Никогда не знаешь, кого нам посылает жизнь в тот или иной момент. Стоит радоваться этому, а не углубляться в детали».

— Хорошего дня, — кивнул Ян и ушел.

Только в конце дня Лия внезапно поняла, что собираясь утром на работу, забыла телефон дома. Действительно, день был тяжелым, раз она напрочь забыла о существовании мобильного.

Что делать, когда тебя охватывает осознание того, что ты не контролируешь больше свою жизнь, а она вырвалась из-под контроля и превратилась в буйный поток, сметающий всё привычное? Во всяком случае, работа, игры с числами, просчитывание следующих ходов, переговоры с партнерами потеряли для Эрика прежнюю важность, он словно и присутствовал там, и в то же время его не было. Маргулис отсутствующе объяснял тактику следующих действий корпорации, отвечал на вопросы, автоматически просчитывая возможности и вероятности. Оставшись один в кабинете, Эрик встал и прошел к стене с фотографиями. Он знал наизусть — какая где находится. Объяснить себе — зачем ему эти фотографии, он не мог и не считал нужным. Порой он думал, что ему хочется понять — каково это, видеть то, что видят другие. Эрик подошел к стене и, подняв руку, провел по одной из них. На ней был изображен ночной город с высоты двадцатого этажа. Ощущение отлаженного движения, власти темноты и вспышек света — вот, что запечатлел фотограф, снимая мегаполис с высоты. "Лицо настоящей сущности города", — приходило на ум Эрику всякий раз, как он вспоминал об этой фотографии. Но сейчас он думал о другом — как остаться рядом с ней хоть в роли друга и не потерять её. Вот, что мучало его весь день. Он потянулся за телефоном. Опять навязываться ей? Эрик набрал её номер, избегая ответа на этот вопрос. Слушая долгие гудки, он закрыл глаза.

Она не брала трубку. Эрик медленно опустил телефон. Возможно, он неправильно истолковал её вчерашний жест, а на самом деле это было сродни прощанию? Или же она после поняла, что продолжать нет смысла, и просто решила больше не отвечать? Эрик потянул воротник рубашки, внезапно ставший душить его, и вышел из кабинета.

Домой Лия добралась не скоро, поскольку на её пути возникали одна за другой проблемы — сперва она вышла с работы и оказалась под проливным дождем, вымокнув до нитки. Затем час-пик недружелюбно заставил её застрять в получасовой пробке. Домой она

добралась поздно, сонная и голодная. Поэтому первым и последним её решением было — добраться до кровати, после чего всё перестало существовать.

Утро встретило Лию болью в горле и температурой, которая накрыла её одеялом и заставила стучать зубами в ознобе.

— Твоя работа тебя угробит, — сказала мать, присаживаясь рядом на краю кровати.

— Это всего лишь дождь, — Возразил голос Лии из-под одеяла.

— Безусловно, — Согласилась мать, — Тебе звонили несколько раз, кстати. Телефон на тумбочке. Не урони его ненароком.

Когда мать скрылась за дверью, Лия вытянула руку, наощупь нашла телефон, вылезла из-под одеяла, куда забралась с головой, и взглянула на пропущенные звонки. Один — звонили с работы. И один, вчерашний — от Эрика. Лию подбросило на кровати — как, как она могла забыть про то, что он может позвонить ей вчера? Она взглянула на часы — это было начало рабочего дня, и задумалась. Если он работает, беспокоить его просто некрасиво. А если он не работает? Да откуда она знает, чтобы сидеть и гадать? Лия закашляла и поняла, что в голове у неё играет целый симфонический оркестр, от чего череп грозит вот-вот расколоться, и убрала телефон. Она позвонит вечером.

Вечером, когда Лия вынырнула из тяжелого сна, в котором её голова продолжала нещадно болеть, а все тело — гореть, как в огне, она поняла, что ей стало намного хуже. Еще немного, и на ней можно будет жарить омлет. Вчерашний дождь сыграл с ней плохую шутку.

— Я пойду за лекарством, пока аптека еще не закрыта, — Мать неодобрительно оглядела скудный запас лекарств на столике.

— Не надо. Я позвоню брату, он завезет, — возразила Лия, — Не ходи, не хватает еще тебе заболеть. Тогда за лекарствами придется ходить или кошке, или собаке.

Мать взглянула за окно, где по-прежнему лил дождь, и согласилась с этими доводами. Телефон внезапно зазвонил, заставив Лию вздрогнуть от неожиданности. Это был Эрик. Лия откашлялась и подняла трубку.

— Добрый вечер, — он первым начал разговор.

— Добрый, — Лия опять закашляла, ругая себя, на чем свет стоит.

— С вами всё хорошо? — Спешно произнес Эрик.

— Да, просто простыла.

— Вам стоит беречь себя. Возможно, Вам что-то нужно — лекарства? Врач?

— Не нужно, спасибо, — запротестовала Лия.

— Друзьям не безразлично — что происходит друг с другом. Пожалуйста, лечитесь и поправляйтесь как можно скорей.

* * *

Она настолько хотела поскорей выздороветь, что её мысли, похоже, послужили стимулом для организма — она стала поправляться и через четыре дня решила, что наутро сможет пойти на работу. Заверив мать, что чувствует себя великолепно, Лия заторопилась в госпиталь.

Работа встретила её буднично, Мила посетовала, что молодежь теперь лечится бабушкиными таблетками, а не простым рецептом счастья в виде крепкого алкоголя, и заявила, что поскольку она предпочитает именно такое лечение — поэтому она никогда и не болеет.

— С возвращением, — поприветствовал Лию Дорнот, подходя к посту. — Как Ваше

самочувствие?

— Уже хорошо, благодарю, — отозвалась Лия.

— Надеюсь, вы не забывали, что Вас дожидается билет в театр?

Лия подняла голову и, помедлив, засмеялась:

— Не поверите — забыла.

— В таком случае, я решил напомнить Вам о том, что это произойдет на следующей неделе и принес Ваш билет, — Ян протянул ей конверт, в который был вложен билет в театр.

— Спасибо, — Лия убрала конверт в карман.

— Позже мы договоримся о том, как и где будет удобней встретиться. Вы согласны? — Доктор взглянул на неё, светлые глаза невозмутимо отмечали каждую деталь. Лия внезапно поняла, что краснеет.

— Да, конечно же.

— Значит, вот кто он — твой кавалер и поклонник. Поздравляю, — Мила, как обычно, оказалось рядом в последний момент и, вероятно, услышала последнюю часть их диалога. Провожая глазами уходящего доктора, она улыбнулась и заявила:

— Я всегда знала, что наша тихоня Лия получит самого видного мужчину.

— Тише, — Возмутилась Лия, — Тебе всюду мерещатся только влюбленности и связи. Может пора бы уже и тебе обзавестись парнем, что бы перестать всех сватать?

— О, я пока не нашла то, что искала, — Вздохнула Мила, — Когда найду богатого, в возрасте и добренького, тогда сразу остепенюсь.

— Тебе придется искать долго, — возразила Лия.

— Придется, — погрустнела Мила, — Но я не сдамся, — Торжественно заявила она через секунду.

Лия усмехнулась.

Эрик в эти дни звонил часто, и Лия стала чувствовать, что привыкает к его присутствию в своей жизни. Сегодня она позвонит ему сама, в конце концов — он постоянно звонит сам, можно и ей сделать подобный шаг.

Лия села на подоконник, прислушалась к звукам в доме и взяла телефон. Поймав себя на боязливой нерешительности, она глубоко вздохнула и набрала номер.

Он взял трубку сразу.

— Добрый вечер.

— Добрый. Надеюсь, я не побеспокоила Вас?

— Отнюдь.

Лии послышались какие-то голоса на дальнем фоне, но через минуту воцарилась тишина.

— Как Вы?

— Я хорошо. — Лия нарисовала пальцем на оконном стекле рожицу, — просто захотелось поговорить с Вами.

Эрик молчал. Лия тоже молчала, не зная — что сказать.

— Хотел бы я быть рядом, чтобы в любой момент знать, что Вы поблизости.

Лия затаила дыхание и закрыла глаза. Это ей слышится. Наверно слышится.

— Извините, я должен идти, — сказал Эрик и внезапно положил трубку. Лия отдернула руку и недоуменно взглянула на экран.

Эрик отшвырнул телефон и глубоко вдохнул. Сердце колотилось, как птица в клетке, отдаваясь где-то в висках. Это сорвалось само, он не успел даже осознать, что произнес

вслух свои мысли. Что она подумает теперь? Ответит ли она еще раз? Он откинулся на спинку кресла, провел рукой по волосам. Что с ним происходит?

Лия запретила себе думать о последнем разговоре. Эта фраза, этот странный конец разговора, то, как он резко бросил трубку — всё это оставило Лию в недоумении.

Она опустила расческу, взглянула на волосы, весело стоящие дыбом вокруг головы и собрала их в хвост.

"Может я невнимательна и пропускаю очевидное?"

Лия опустила руки. Надо не надеяться на что-то невероятное, а радоваться имеющемуся у неё.

— Мы можем встретиться в шесть, я заеду за Вами, — предложил Дорнот. Завтра наступал день похода в театр, которого Лия ждала не меньше, чем Санта-Клауса, и они обсуждали — как им завтра удобней встретиться, чтобы попасть к началу спектакля.

— Это было бы замечательно, — кивнула Лия.

— В таком случае мы успеем заранее.

— Тогда завтра, в шесть.

Стоя перед распахнутым шкафом, Лия размышляла о том, что её гардероб нуждается в тщательном осмотре. Только с третьей попытки она обнаружила аккуратно висящее в углу платье, более-менее подходящее для театра.

Теперь, надев его, Лия смотрела на себя и понимала, что никакие усилия не сделают её внешность хоть сколько-то похожей на её возраст, и не позволят выглядеть так же солидно и эффектно, даже как Мелани. Ладно, с этим можно жить, так что всё вполне хорошо. Взгляд упал на лежащий у зеркала телефона, и Лия мысленно крикнула на себя — никаких вздохов и уныния. Да, ей не звонят. И — да, она не будет навязываться. Всё. От её разочарования ничто не изменится и телефон не зазвонит. Однако, ложась спать, Лия еще раз взглянула на телефон, который по-прежнему молчал.

Утро долгожданного дня встретило Лию на удивление солнечной и хорошей погодой. Кажется, осень решила еще немного побаловать город и подарила теплый день, словно авансом за предстоящие холодные месяцы, даже ветер не нарушал внезапного летнего дня. До шести часов было предостаточно времени, и Лия решила скоротать день за обыденной уборкой. Она успела прибраться почти везде, выгулять собаку, сбегать в ближайший магазин, обнаружив, что запас кофе иссякает.

Время медленно приближалось к вечеру. Лия сушила мокрые волосы феном и краем глаза смотрела на отражение в зеркале, надеясь, что волосы, высохнув, не превратятся в буйное облако. Сегодня они решили угодить хозяйке и легли, как хотела Лия. Платье тоже послушно превратилась в неброский, но элегантный наряд. Лия взглянула на свое отражение и решила, что всё вполне хорошо. Осталось дожидаться Дорнота. Который не заставил себя ждать долго и через десять минут посигналил с улицы, подъехав к дому.

— Вы выглядите прекрасно, — сказал он, открывая перед Лией дверь машины.

— Театр — это храм прекрасного, и я думаю, что те, кто собрались его посетить, должны выглядеть соответствующе, — возразила Лия.

— Ваши рассуждения меня поражают, — Ян сел за руль. — В наше время сложно найти людей, считающих так. Это делает Вам честь.

Лия вежливо улыбнулась, не желая продолжать диалог. Дорнот казался ей вечно иронизирующим, хотя, по правде сказать, она понимала, что просто настраивает себя против

него. Он был вежлив с ней и обходителен. Поэтому, причин для необоснованной неприязни к нему у Лии не было. Напротив, будь она чуточку потщеславней, ей бы даже польстило то, что он уделяет ей внимание, словно она — очень даже симпатичная и видная девушка.

Здание театра находилось в центре города. Поэтому, тогда как большинство горожан стремилось выехать с работы из центра, машине доктора предстояло проехать в обратном направлении. Они избежали опасных участков, объезжая их по неизвестным Лии улицам и, благодаря этому, оказались у здания театра вовремя.

Поднимаясь по ступеням к входу, Лия испытывала некоторый трепет, который не покидал её всякий раз, когда она оказывалась в театре. Ожидание, предвкушение, загадочность, восхищение, красота — так бы она могла описать гамму своих эмоций.

В просторном холле гардероба было многолюдно. Дорнот и Лия старались держаться рядом, чтобы не потеряться в толпе. Найдя указатель к выходу на лестницу к ярусам и ложам, они поднялись на свой этаж. Через некоторое время раздался первый звонок, и люди принялись занимать места. Сегодняшний спектакль собрал, как поняла Лия, достаточно много людей, часть из которых были влиятельные и состоятельные члены городской элиты. Это было нетрудно заметить по отчуждению, царившему между обычными зрителями и привилегированными гостями.

Занавес поднялся, и мир перестал существовать для Лии. Состав артистов, игравших сегодня, был наилучшим. Музыка охватывала все уголки сердца и разума, очаровывая, увлекая и заставляя забыть обо всем. Волшебство театра окружило Лию и забрало в свое царство, оставив лишь её и сцену, где только для неё одной происходило действие, а мир за её пределами растворился и остался где-то далеко позади.

Лишь только загоревшийся в антракте свет большой люстры заставил её очнуться. Она моргнула, приходя в себя, и оглянулась на спутника. Тот ответил ей улыбкой, словно понимая её состояние.

— Я не знал, что Вы настолько увлечены театром, — произнес Ян, — Минуту назад я думал, что Вас нет рядом, а Вы — там, за пределами сцены. Или за пределами понимания обычных людей.

— Просто я захвачена сегодняшней игрой, — призналась Лия, — Это восхитительно.

— На премьере сезона необходимо стараться, — согласился доктор, — Ведь от нее зависит — как будут поступать благотворительные средства в театр.

Лия поморщилась от услышанного, но подумала, что реальность и игра действительно слишком далеки друг от друга, и согласилась с доктором. Это горькая правда жизни, не принимать её — значит быть глупцом. Нужно лишь понимать разницу между ней и искусством, и не смешивать их. Но её неприятно царапнуло то, что хоть Дорнот и произносил эту правду, она словно служила ширмой для того, что он прикрыл словами, так понижающими красоту увиденного. Словно он не хотел, чтобы об его истинных чувствах кто-то имел хоть малейшее представление.

* * *

Они вышли в зал, где прогуливались в ожидании следующего акта зрители. Узорчатая лепнина, хрустальные люстры, освещавшие зал, тяжелые шторы, красиво собранные по бокам огромных окон — всё это создавало особенную атмосферу.

Лия медленно прогуливалась вдоль окон, выходящих в темнеющий город, освещенный

неоном и превращающийся в гигантский плацдарм тьмы и света.

Впереди неё стояла группа людей, по-видимому, являвшихся одними из привилегированных гостей, на которых театр возлагал надежды. Лия подумала — развернуться ей и продолжить прогулку в обратном направлении, или же обойти их и двинуться дальше? Поскольку времени было еще предостаточно, а зал манил изучить его, Лия решила обойти группу и продолжить прогулку.

Она поравнялась с ними и уже двинулась дальше, как вдруг её словно пригвоздило к полу. Этого не может быть. Но этот голос она никогда не перепутает ни с каким другим. Лия замерла, боясь пошевелиться, и затем медленно повернулась. Прямо рядом с ней стоял мужчина, одетый в дорогой костюм, стоивший наверно всю годовую зарплату Лии. На его руку опиралась высокая блондинка, затянута в немислимое светлое платье, обтягивающее её как чулок и не скрывавшее ни одного изгиба и выпуклости. В другой руке мужчина держал трость, знакомую Лии. Всё это вихрем пронеслось перед её глазами. Но она отказывалась поверить в очевидное, пока мужчина, разговаривая с собеседниками, не повернул голову, сверкнув затемненными стеклами очков, скрывавших тот самый неподвижный взгляд. Это был Эрик.

Лия спешно пошла прочь, опустив голову и боясь безумной мысли, что он её узнает. Она опомнилась лишь тогда, когда натолкнулась на какого-то мужчину и, извинившись, заторопилась прочь.

Дорнот не заметил её отсутствия, разговаривая по телефону. Увидев Лию, он закончил разговор и шагнул навстречу, заботливо беря её под руку.

— С Вами всё хорошо? У Вас нездоровый вид.

— Слишком много людей, — неестественно улыбнулась Лия. — Вы случайно не знаете, что вот там за люди? Мне кажется, некоторых я видела в газете или в новостях.

Ян взглянул в показанном направлении.

— А, так это действительно очень известные люди, — ответила он, — Их постоянно показывают по телевидению. Один из них — сенатор. Второй, лысый — не менее известный телеведущий.

— Тот, который в очках? — изобразила удивление Лия.

— Нет. В очках — владелец корпорации и, как говорят, восходящая звезда финансового мира.

"Мои интересы лежат в сфере экономики... Числа... Я занимаюсь свободной работой..." - Прозвучало в мозгу Лии.

— У него красивая жена, — заметила она, с усилием отводя глаза от шикарной блондинки, державшей под руку своего спутника.

— Жена? Нет, — Дорнот хищно осмотрел блондинку, — он известен тем, что каждый раз появляется с новой подругой, но его романы не продолжительны, и каждый раз его подруги — либо модели и очередные дочери богачей.

Это было слишком. Лия поняла, что в её голове звенит колоколом издевательский смех, и засмеялась сама:

— Что поделать, это ведь высший свет.

Она развернулась и пошла прочь, увлекая за собой доктора.

Лия шла к выходу, не видя и не слыша ничего вокруг, полностью пребывая в мыслях, беспокойным вихрем метавшимся в поисках ответов. Единственным желанием было — скорей добраться до дома, уйти, сбежать как можно дальше. Какой же глупой и наивной она

была, позволяя себе строить воздушные замки! И как глупо она не замечала очевидного — слов, фраз, поступков. Они разные — вот в чем суть, и это правда.

"Посмотри на себя, — Кричало её сознание, — И посмотри на него. Его мир — там, за порогом твоего дома с маленькими радостями в виде хорошей погоды, удавшегося пирога и желания помогать всем. Он — из другого мира. Он и его подруги".

Лия сказала что-то Дорноту невразумительное о том, что дома возникли проблемы, и ей надо срочно вернуться. Она отказалась от его предложения подвезти её и не обратила внимание на тревогу, звучащую в его голосе, когда он убеждал её не рисковать, на ночь глядя.

"Просто поговорить и пообщаться? Он же не виноват в том, что ты соизволила влюбиться, — ехидно отвечала Лия сама себе, — А ты уже размечталась настолько, что возомнила себя блистательной красоткой со снежными волосами и длинными ногами. Ты получила то, что построила сама — замок из песка».

"Он — влиятельный миллионер, казавшийся таким простым человеком. И он говорил, что я смогу доверять ему. Но правды о себе мне так и не сказал».

Лия ехала в такси, прислонившись головой к окну. Но, что бы это изменило? Всё это изначально было абсурдно. А более всего — то, что ты чувствовала. Остановись, зарой это, спрячь и никогда, никогда — слышишь? — не открывай этого ящика Пандоры.

Она дошла до своей комнаты, села на кровать и взглянула в окно. Светила полная луна.

"Кажется, у меня в душе образовалась какая-то странная пустота, — подумала Лия, — И я не знаю, будет ли теперь всё по-прежнему. Зато теперь понимаю многое, чего не понимала раньше. Услужливость официанта. Странное занятие для слепого. Уверенность человека, привыкшего командовать сотнями подчиненных. И, наконец — тишину. Отсутствие звонков. Мы — разные. И этим всё сказано".

Лия свернулась на кровати и закрыла глаза.

* * *

Приглашение на открытие сезона и ожидаемую премьеру Эрику доставили как обычно — в числе первых. Мешать прекрасное и деловые интересы ему казалось отвратительным, но именно там и в такой вечер он мог бы встретиться с нужными людьми, не обременяя себя тратой времени на звонки, обмены любезностями, договоренностями о встречах или избегая званых вечеров.

Но, идти одному... Это значит, что ему придется быть объектом хищнического интереса со стороны сотни женщин. Кажется, Нина, с которой они расстались по-дружески, могла бы выручить его на один вечер. Она бы получила возможность познакомиться с кем-то, а он — не отвлекаться на никчемные попытки флиртовать с ним.

— Дорогой, перед таким предложением сложно устоять.

Эрик раздраженно заметил, что в последнее время манера разговаривать женщин из числа его старых знакомых стала ему противна. Раньше он этого не замечал. Кажется, он всё бы отдал, чтобы услышать спокойный и рассудительный голос Лии, который был всегда живым, а не переключался механически в зависимости от того, на какое мероприятие собиралась его обладательница или — с кем она разговаривала.

— Благодарю. Тогда до встречи, — Эрик с облегчением отключился: кажется, Нина ожидала продолжения банкета в виде предложения остаться у него после.

Нина отлично играла свою роль и избавила его от десятка особ, желающих познакомиться или навязать свою компанию. Они вышли в зал перед ложами, где прогуливались зрители и решались негласно деловые вопросы.

— Мне кажется, дорогой, председатель торговой палаты жаждет поговорить с тобой, — Нина обладала единственным качеством, которое в свое время ценил в ней Эрик: она была прирожденным дельцом.

Председатель поговорил с Эриком несколько минут о ничего незначущих мелочах, а затем, извинившись, покинул их. На смену ему к Эрику подошел ведущий телеканала, которому хотелось пригласить его в какое-то шоу. Эрик вежливо отговорился, но в глубине души был возмущен — он не клоун, чтобы выступать для тысячи зевак. И под конец, их почти заскучавшую компанию внезапно поддержал недавно избранный сенатор, которому по видимому надоели уговоры его супруги, настойчиво требовавшей представить её слепой знаменитости.

"Болван, ты служишь очередным развлечением для этих бездельников, которые видят в тебе нечто оригинальное. С таким же успехом ты можешь залезть в клетку и выставить себя в зоопарке». Эрик продолжал спокойно обсуждать возможности поддержки сенатора в его реформах и вероятные смены политического курса, но внутри начинало закипать раздражение. Надо было заканчивать с этим.

В зале было многолюдно и шумно. Какие-то пары прогуливались, кто-то стоял, разговаривая, смеясь или скучая. Эрик не вслушивался в море звуков, стараясь казаться вежливым. Какая-то женщина шла мимо них, вероятно прогуливаясь вдоль ряда окон. Она заставила внезапно Эрика задуматься о Лии. Что она сейчас делает? Где она?

Женщина быстро пошла прочь, ускоряя шаг. Эрик мельком отметил это и так же забыл, продолжая размышлять — правильно ли он поступает, не звоня и боясь неизвестности? Он позвонит ей сегодня же.

Раздавшийся внезапно звук заставил его напряженно замереть. Он бы подумал, что у него наяву галлюцинации, если бы смех, тот самый смех не продолжал раздаваться неподалеку. Эрик повернул голову, наплевав на все приличия. Это была она. Она была здесь. Рядом. Совсем рядом, в нескольких шагах. И она смеялась, разговаривая с каким-то мужчиной.

Эрик не шевелился, внутри него рождалось какое-то нехорошее чувство, сплошь состоящее из неприязни к тому, кто был рядом с ней. Он продолжал стоять, хотя всё в нем рвалось подойти к ней. Внезапно Эрика окатила холодная волна осознания, что женщина, которая шла мимо, женщина, которая на несколько секунд остановилась рядом, женщина, которая затем быстро пошла прочь — этой женщиной была Лия.

Ум оказал ему обычную, но ненужную услугу. Известные многим собеседники, Нина, одетая, как он знал, более чем дорого, и уверенно державшая его под руку, и он — незнакомый ей мужчина, из чужого мира, не просто человек, которому она улыбалась и говорила о доверии, а чужой для неё человек. Вот, что увидела она.

Эрик сорвался и пошел за звуком шагов, расталкивая стоящих на пути людей. Он не успел. Она уехала в первой же машине, которая затормозила у тротуара. Эрик стоял на поднимающемся ветру и понимал, что каждый оборот колес уносит от него всё дальше надежду исправить всё, что он наделал.

Часть 2.1 Обратная сторона света

Тяжелая голова словно грозила отвалиться. Лия открыла один глаз. Затем второй. Кажется, она заснула прямо на рабочем месте. Сбоку на неё уныло косились упаковки шприцев, открытый шкаф с лекарствами зиял распахнутыми дверцами.

— Лия, ты знаешь, что с тобой происходит?

Мила стояла перед ней, на её лице гримаса удивления и недоумения медленно сменялась неодобрением. Лия подняла с трудом на неё глаза и качнула отрицательно головой.

— Ты пила?

— Нет, — Лия наконец-то собрала мозг и язык в одно целое.

— В таком случае вот чашка чая. Ты будешь пить чай. А потом добрая Мила попробует решить твою проблему. Не говори, что это не из-за мужика! — Она гневно взмахнула рукой, увидев, что Лия хочет возразить. — Я уж знаю, поверь, почему ты можешь ощущать себя хуже, чем после хорошей гулянки, когда на душе — словно кошки насрали.

Лия не спеша пила чай, который словно проливался по всем клеточкам тела и будил разум, уныло закопавшийся в плед и не желающий ни с кем разговаривать. Она старалась не смотреть в сторону Милы. Прошло уже пять дней с того вечера. Она и в страшном сне не представляла, что жизнь станет похожей на унылый серый кошмар, лишенный красок. Ей не хотелось ни говорить с кем-то, ни видеть кого-либо. Телефон лежал в углу комнаты, и она не подходила к нему, не имея намерения отвечать кому-либо. А вероятней — боясь, что ей позвонят или же не позвонят.

Возможно, кто-то звонил. А возможно — и нет. Лия бесцельно смотрела в окно, пока не погружалась в тяжелый и беспокойный сон. Днем она старалась избежать всего, что заставило бы её задуматься или ответить на вопрос — что с ней происходит?

— И так, — Мила дождалась, когда Лия допила чай и поставила пластиковый стаканчик, — Мы не будем вдаваться в детали. Но мужское племя тут присутствовало. И испортил и без того не простую женскую жизнь.

Лия бессмысленно уставилась на чистый белый пол. Мила подождала ответа и продолжила:

— Мне не хочется видеть тебя в состоянии овоща. Поэтому сегодня я беру на себя твое излечение. И это не обсуждается.

— Я и не пытаюсь, — ответила Лия, — Но сейчас я скорее непротив добраться до подушки, чем спорить с тобой.

— Нет, — Мила встала, — Сейчас ты поедешь домой, а я скажу, что у тебя неотложные дела. У тебя есть три часа, после чего я приеду за тобой и вытащу тебя хоть через окно, если вздумаешь мне не открыть.

Действительно, остановить Милу оказалось невозможным, и сейчас она сидела напротив Лии и нахально оскорбляла её гардероб:

— Это тебя делает слишком маленькой. Это похоже на зебру. Это вообще не годится. А вот это вполне подойдет.

Затем, с довольным видом заявила:

— Вот теперь самое то, что нужно. И пусть теперь хоть один парень не скажет, что ты

— не потрясающая.

Лия даже не повернулась к зеркалу, ей было абсолютно безразлично. Может она и не потрясающая, но теперь это ни к чему. Да и смешно надеяться, что слепой миллионер снизойдет до неё, чтобы оценить такой потрясающий вид".

— Теперь за мной, я буду лечить твою горе, — Мила бодро хлопнула в ладоши и подхватила Лию.

Они ехали в такси по знакомым ей улицам относительно недолго, пока машина не остановилась перед сияющим неоновыми огнями зданием.

— Клуб?! — Сонное наваждение Лии моментально стряхнуло как рукой негодующее удивление — вот это уж точно было абсолютно лишним сейчас.

— Да. Просто поверь мне и не беспокойся. Завтра у меня встреча с предполагаемым мужчиной моей мечты, так что бросать тебя одну и исчезать в неизвестном направлении я не планирую, — Мила вышла из машины.

Лия оглядела помещение, в котором бар и танцпол разделялись лишь тонкой декоративной стенкой. На танцполе царили тьма и отдающиеся во всем теле басы электронной музыки.

— Два коктейля, — обратилась Мила к бармену, игнорируя гневное шипение Лии.

Коктейль оказался приятным — вишневый холод и слабая толика привкуса алкоголя, который активно прогнал половину тумана в голове. "Я не буду скорбеть о том, что не может быть со мной. Каждому — свои сани. Значит, придется кататься на моих салазках».

Лия отважно нырнула во мрак танцующей толпы, стараясь не терять из виду спасительный свет и Милу. Музыка, бьющая каждым ударом по голове и отдающая где-то в груди, была сродни наркотику — её становилось мало, разум переставал контролировать ситуацию, пробуждая к жизни первобытный подвал сознания, который не спеша поднимался, заглушая все мысли. Наверно поэтому каждый первый в клубе превращался в Человека Прямоходящего, которого обуревали далеко не цивилизованные помыслы.

— Потанцуем, детка? — Очередной скучающий парень облокотился на стойку рядом с Лией, открыто заглядывая ей за вырез футболки, которая к счастью не открывала ровным счетом ничего.

— Она со мной, — обрезала Мила, не теряя времени и не выпуская Лию из глаз.

— О, вот как, — интерес парня не погас, но он его постарался припрятать, переключаясь на разглядывания высокой Милы.

"Как же мне тут неудобно. Словно я свалилась на чужую планету со своими обычаями и изображать свою просто не в состоянии потому, что никогда ею стать не смогу и не хочу». Лия отвернулась с чувством тошнотворного отвращения и одиночества, которое разливалось в груди как кислота, обжигая и проделывая большую и глубокую дыру внутри неё.

Она посмотрела в зеркальную стенку, украшавшую бар. Кажется, ей уже мерещится невеста что после всего выпитого. Лия обернулась, пытаясь понять — показался ли ей в толпе Дорнот, стоявший и смотревший на неё, или же он действительно там был. Но в полумраке и вспышках неоновых огней было сложно различить что-либо на расстоянии вытянутой руки. Так что Лия моргнула и решила, что её не касается — кто и как проводит свободное время, даже если ей это не привиделось.

"Не стоило столько пить", — подумала Лия, спустя час или два, пытаясь вслушиваться в разговор Милы и какого-то парня, который явно пытался украсить сегодняшнюю ночь знакомством с продолжением. Почему-то от неё напрочь ускользало то, о чем они говорят.

Как она не старалась сконцентрироваться, слова веселым водопадом текли отдельно, не давая слуху их направить в мозг. А тот нахально отказывался воспринимать что-либо.

"Я напилась", — весело произнесла Лия мысленно после сотой попытки понять — отчего барная стойка плавно покачивается в ритм звучащей музыке. Руки самостоятельно потянулись к сумочке, нашли телефон. Вторая Лия, трезвая и разумная, предостерегающе завопила, пытаясь удержать первую от необдуманного поступка. Минуту Лия смотрела на экран, где мигали какие-то пропущенные звонки, а затем нажала вызов.

— Мне надо послать просто тебя подальше. Хотя нет, просто прощаюсь. Жаль, я не знаю — как принято прощаться в вашем обществе, — пробормотала она, обращаясь к долгим гудкам.

— Лия? Где ты?

Лия поморщилась и, подумав секунду, ответила:

— В клубе.

— Ты пьяна, — голос его снова был прежним, спокойным и будил ненужные сейчас воспоминания о том, что когда-то она думала, будто этот человек — тот, кто действительно ей друг.

— Нет, — собрав силу воли, спокойно сказала Лия.

— Нам надо поговорить, — он помолчал.

— О чем?

— Это важно. — Эрик прознес что-то, обращаясь не к Лии. Ах, конечно. Блондинка. Она побеспокоила их обоих своим звонком.

Чувство странной обиды до самой глубины души, эмоции хлынули паводком, но Лия из последних сил удержалась и повесила трубку, не произнеся ни слова. Подняв глаза и глядя на отблески света, отражавшиеся в зеркальном потолке, Лия пробормотала: "Теперь пора домой». Неуклюже сползши со стула у барной стойки, она направилась к выходу, надеясь, что доберется домой без приключений. Милы не было видно — вероятно она все же заинтересовалась очередной авантюрой и позабыла про Лию.

То, что охватило Эрика с того вечера в театре, медленно превращалось в наваждение. Он уехал тогда со спектакля сразу, бросив дела, не попрощавшись ни с кем, нарушив все правила приличия и этикета. Поехать за ней, догнать её — вот, что безостановочно вертелось у него в уме. Но она не пустит его даже на порог, даже видеть его не захочет. Ведь он фактически предал её доверие, сознательно вводя в заблуждение иллюзией простоты. Но как он мог поступить иначе? Отпугнуть её сразу, представившись таким хозяином полумира с миллионами, который получает всегда то, что ему нужно? Ведь он сразу понял, что она — не из тех особ, которые, услышав звон набитого кошелька, прощают и позволяют всё. Но теперь, узнав, что он притворялся другим, играя в другого человека, о какой доверии она будет думать, да и может ли идти о нем теперь речь?

И Нина. Черт бы побрал его идиотизм. Решая проблемы интереса к нему окружающих, он лишь добился того, что интерес единственного человека, необходимый ему, исчез. Увидев в его окружении Нину, наверняка она предположила самое худшее. "С чего ты взял это вообще? — Возразила его логика, — Чтобы иметь такие мысли, она должна быть как минимум — равнодушна к тебе. Ведь в таком случае женщина с тобой вызвала бы определенную реакцию. Ты всего лишь обманул её доверие, предал его. Это разрушило всё. Не строй иллюзий".

Эрик сжал руками голову. С недавних пор все его дела и действия летели под откос, а

жизнь превратилась в необъяснимое течение событий, остановить которые или изменить было невозможно. Он набрал её номер — она не отвечала. К концу третьего дня Эрик понял, что готов на всё, лишь бы она ответила. Пускай она кричала, упрекала, смеялась над ним, оскорбляла. Только бы не молчала. Только бы в телефоне не слышались одни ровные и бездушные гудки.

Он сидел, слушая ночные звуки. Стук дождя по окнам. Шорох веток деревьев, колеблемых ветром. Потрескивание лампы в холле. Тишина сгущалась облаком, придавая темноте осязаемость. Наверно стоит прекратить эту бессмыслицу и забыть о ней, словно её и не было. Тысячи женщин пошли бы по его кивку на многое, и он мог позволить себе почти всё — так к чему ему сходить с ума из-за девушки, которая его просто чем-то зацепила.

Раздавшийся звонок вернул Эрика к действительности. Он повернулся к телефону, но не взял его. Его нет ни для кого. Но телефон продолжал настойчиво требовать обратить на него внимание. Эрик раздраженно вздохнул.

Раздавшийся голос Лии заставил его резко встать с кресла, ощущая, как его будто окатили холодной водой с головы до ног. Она сама позвонила ему. И плевать, что она, кажется, пьяна, и добрых слов для него нет. Главное, что номер его телефона пока еще сохранен у неё.

Застегивая на ходу куртку, Эрик продолжал разговор, понимая, что у того, что он собирается сделать почти нет шансов. Она бросила трубку. Не беда. Главное, что она позвонила. Главное, что у него появился шанс.

Эрик обратился к телохранителю, привычно возникшему за его спиной:

— Нам нужно проехать в ночной клуб, расположенный рядом с Центральной улицей.

— Насколько я знаю — там их два, — ответила тот. — Какой Вам именно нужен?

Эрик задумался — этого он не учел, ведь на его вопрос Лия отказалась ответить. И это означает, что он может гоняться за тенью между двумя клубами, оставшись в итоге ни с чем.

Это не важно.

— Поедем в оба, — Эрик направился к двери.

На улице шел дождь — небольшой, но холодный. Лия ощущала, как пары алкоголя вроде выветриваются, но в голове остается тяжелый туман, оседающий на душе пустотой и горечью.

Она медленно шла по улице, где-то краем разума отмечая, что ей крупно повезло, что пока на её дороге не возникли проблемы в лице разудалых молодчиков и прочей мерзости ночного города.

Волосы потяжелели от сырого воздуха и лежали на плечах мокрой объемной шалью. До дома еще не близко. Скользкий и мокрый тротуар. Зря она послушала Милу и надела туфли на каблуках — под ногами словно налили масла, и малейший неосторожный шаг грозил опасностью.

Обходя очередную лужу, разлившуюся на манер миниатюрного моря почти по всей ширине пешеходной части, Лия неудачно поставила злополучную ногу и поняла, что та неловко подворачивается. Восхитительно, кажется, она вывернула её. Каждый новый шаг отдавался в теле болью, словно она брела по дороге, усеянной осколками стекла.

Невезение, проклятое невезение. Лия остановилась, оперлась на столб тускло светившего фонаря и, устало вздохнув, села на край тротуара. Все безразлично, все равно никуда от реальности не убежишь. Она опустила голову на руки и закрыла глаза.

Медленно ехавшая машина злила Эрика до невозможного. Он хотел бы помчаться — но куда?

Оставалось лишь ехать, надеясь на то, что он сможет её найти, полагаясь на удачу.

Тишина улиц раздражала его еще больше потому, что пугала. Где она? Бог знает, что могло произойти темной ночью на улице. А он мог и не успеть.

До клуба, по словам шофера, оставалось два квартала, когда Эрик уловил чей-то голос там, за пределами машины в дождливой ночи.

— Останови! — почти крикнул он и открыл дверь. Судьба снова улыбалась ему.

Он медленно подошел к сидевшей почти на земле девушке, которая что-то пробормотавшей в этот момент, и присел на корточках рядом, напряженно ожидая, что она может его прогнать или же еще хуже — попытаться уйти. Кажется, она вымокла настолько, что её одежду и волосы можно было отжимать. Эрик уловил запах алкоголя и подавил вздох.

Они просидели рядом несколько секунд. Дождь перешел в мелкую пыль, которая превратился в туман.

— Пойдем, — Эрик обнял Лию за плечи, пытаясь согреть.

— Не могу, — мрачно ответила она, не поднимая головы.

— Давай попробуем? — Эрик не верил тому, что делает и говорит.

— Нога, — так же мрачно ответила Лия.

Только теперь он понял, что если бы с ней все было в порядке, она точно дошла или доползла бы домой.

— Обопрись на меня, — Эрик помог её подняться. Лия сделала шаг и поморщилась, но, хоть это и было сложнее на первый взгляд, нога болела меньше. Вышедший из машины охранник подхватил её с другой стороны и помог дойти до машины.

На заднем сидении было мягко, в машине было тепло, и Лия поняла, что голова тяжелеет, веки сами закрываются, а теплая дремота утягивает за собой.

— Поехали, — сказал Эрик. Шофер взглянул в зеркало, ожидая более точных указаний.

— Домой, — спокойно продолжил Эрик. В самом деле, не везти же её в таком виде домой, чтобы испугать её мать? Он стянул с себя куртку, накинул её на плечи Лии и настороженно прислушался.

Лия смотрела на Эрика, выныривая из мягкой пропасти полудремы.

— Тебе же холодно, — произнесла она.

— В машине тепло, — спокойно возразил он. Лия отвернулась и закрыла глаза. Кажется, она настолько устала и напилась, что даже не возразила, когда они поднимались в квартиру Эрика.

— Вы свободны, — негромко сказал Эрик Нику, который тотчас же вышел, оставив их.

Большой диван, который стоял посреди гостиной, так и манил своими мягкими подушками, приглашая заснуть. Эрик угадал мысли Лии и произнес:

— Тебе надо отдохнуть.

Справедливо оценив её возможности передвигаться, он помог её добраться до дивана. Как только голова Лии коснулась подушки, мир тотчас провалился в сонную черную дыру.

Эрик постоял, прислушиваясь к ровному дыханию спящей Лии, затем прошел в спальню, нашел плед, лежавший на кресле, и вернулся обратно. Аккуратно укрыв девушку, он снова остановился и замер. Всё это похоже на сон. Во всяком случае, он может надеяться, что утром она выслушает его...

Тишина. Непривычное состояние головы — словно её сняли, положили в медный таз,

постучали по нему и затем гудящую голову водрузили обратно.

Лия с мысленным стоном опустила глаза. Плед. Пружинистый диван. Где она? Резко поднявшись с дивана, она сразу пожалела об этом, поскольку в голове загремели барабаны и зазвонили колокола. Зажмурившись и просидев так несколько секунд, она привела мысли в порядок и медленно открыла глаза.

Это не её комната. Это не её дом. Это вообще незнакомое место. Где она? Что вчера было?

Только сейчас она увидела сидящего в кресле напротив дивана мужчину. Он выглядел так, как выглядят люди находящиеся у себя дома — спокойно и расслабленно. Правда, вид у него был немного усталый. И он спал, опустив голову на руку.

Лия некоторое время тупо смотрела на мужчину, затем её прошибло с головы до ног холодным потом — этого не может быть. Как тут мог оказаться тот, кого она уж точно не хотела бы увидеть?

"Наваждение. Я еще сплю. Это последствие алкоголя", — Лихорадочно соображала Лия. Но сон почему-то не пропал. Она провела рукой по плечам, ощущая под пальцами кожу мужской куртки. Кажется, она помнит, как ночью он отдал её вчера, чтобы хоть немного согреть.

Лия тихо встала с дивана, надеясь не разбудить его. Это ей удалось. Она прошла на цыпочках до дверей и взялась за ручку, когда внезапно ей в спину произнесли:

— Ты чувствуешь себя лучше?

— Да, спасибо, — напряженно ответила Лия, не оборачиваясь.

— Нам надо поговорить, — хозяин квартиры стоял перед ней. Лия поняла, что вцепилась в ручку двери с такой силой, что пальцы побелели, и расслабила руку.

— Почему ты не отвечаешь на звонки?

Лия молчала, понимая, что ответить ей нечего. Либо она будет выглядеть глупо. Либо выдаст себя, все свои мысли и эмоции с головой. Ни первое, ни второе ей вовсе не улыбалось.

— Я потеряла телефон, — произнесла она, — Собака играла с ним. Нашла только вчера.

— Ты говорила, что можешь доверять мне, — теперь он стоял почти рядом, подавляя Лию собой. Она закрыла на секунду глаза, вызывая перед мысленным взглядом картину в театре — мужчина и блондинка из чужого мира богатства и вседозволенности, чтобы убить чувство надежду, вспыхнувшие от его слов.

— Я не понимаю Вас.

— Нет. Ты понимаешь. Позволь мне всё объяснить.

— Не думаю, что это стоит потраченного времени. К тому же Вам надо как-то объяснить моё присутствие здесь Вашей подруге.

— У меня нет подруги. Ты должна выслушать меня, — он сделал еще шаг навстречу.

— Я не хочу. Не хочу! — Лия сорвалась на крик и рванула ручку двери. Он протянул к ней руку.

Из боковой двери шагнул какой-то мужчина, вероятно желая остановить её, но Лия почти бежала вперед, забыв о ноющей ноге. За секунду открыв замок двери, она выбежала на площадку к лифту, который был открыт, словно ожидая её.

— Почему ты её не остановил? — заорал Эрик, со всей силы ударив ногой в дверь. Телохранитель даже не пытался ответить, его повергло в состояние, близкое к шоку, поведение хозяина, никогда прежде не срывавшегося так.

Эрик прислонился к холодной поверхности и глубоко вздохнул, выравнивая дыхание. Нет. Нет. Нет. Он не позволит себе крушить все вокруг. Он возьмет себя в руки. Она все равно однажды выслушает его. Она все равно не такая как все.

— Где ты была? — Мать вышла из комнаты навстречу ворвавшейся Лии.

— Не сейчас, пожалуйста. Не сейчас, — ответила та, быстро проходя мимо. Закрыв дверь и прислонившись к ней спиной, Лия вздохнула. Что она делает? Почему мир разваливается, не оставляя ей выбора и путая привычное с новым, заставляя понимать, что она не в состоянии объяснить то, что творится с ней и в её жизни.

Лия подошла к окну. Осенний ветер трепал последнюю листву, которая незаметно опала за несколько дней. По серому небу быстро плыли рваные низкие облака, грозя пролиться на землю дождем. Она закрыла глаза, не противясь тому, что все иллюзии рассыпались тоненьким стеклянным дождем.

Эта ночь как-то действительно оживила и стряхнула унылое наваждение, охватившее Лию в последнее время. Она чувствовала себя даже как-то иначе, словно жизнь сошла с мертвого хода и двинулась в новом направлении. Жизнь уже не казалась чередой серого дня и темной ночи. Правда, никто не звонил ей... Но Лия настолько ощущала лихорадочное кипение жизни вокруг, что это факт как-то ускользал, внося лишь острый укол разочарования. Было ли это полезно, или же за этим скрывалась болезненная потребность уйти от засевшего в душе чувства?

Лия запрещала себе инстинктивно любые возможности задуматься об этом, и жизнь работала ей на руку. За прошедшую неделю её график превратился в изматывающий бег белки в колесе, который её изнурил окончательно. В понедельник Лия остановилась и сказала самой себе, что если она хочет умереть героем труда — она на верном пути. Но подобное не входит в её планы, а значит — пора сбавлять обороты.

Как можно изменить происходящее, если ты богат, силен, но при этом оказываешься бессилён повлиять на мысли другого человека?

— Вы считаете иначе?

Эрик рассеяно повернулся к говорившему и спохватился: вряд ли партнеру с другого континента можно объяснить, что ему абсолютно безразличны в данный момент валютные котировки и стоимости акций. Он провел рукой по волосам и ответил вопросом на вопрос, что бы скрыть факт, что он ничего не слышал из сказанного:

— Возможно, мне стоит довериться Вашему мнению, как мнению опытного человека?

Едва дождавшись окончания встречи, Эрик с облегчением вздохнул и, скинув пиджак, подошел к окну. Она давала ему состояние уверенности, что он не является уродцем из цирка, над которым можно потешаться и показывать пальцем. Она давала ему опору, которая заставляла быть другим.

"Что мне делать?"

Второй Эрик поднялся во всю мощь и захлестнул до сих пор невозмутимый разум эмоциями, которым тот не смог противопоставить логику. Он не может потерять эту поддержку и вернуться в прежнюю жизнь, где нет места спокойствию. Эрик выпрямился. Он

больше не будет ждать.

Пустая квартира скучно наблюдала за тем, как Лия ходит по кухне, готовя кофе и завтрак. Любимая футболка, которую она бессовестно присвоила у брата, когда еще они жили вместе, и джинсы согревали, но ощущение осенней зябкой погоды не проходило. Лия решила согреться чашкой кофе, это её и вынудило выползти из уютного гнезда в одеяле, которое она сделала себе на диване. Мать уехала к школьной подруге, в её отсутствие брат с женой не посещали Лию, поскольку после их свадьбы как-то незаметно оказалось, что, несмотря на близкое родство, их мало что с братом связывает. Самоуверенный и живущий своей жизнью мужчина не был прежним, веселым подростком, который был теплее и добрей, чем его взрослый вариант. Поскольку Лия никого не ждала, это значило, что просмотр кино, чашка кофе и полусонное состояние ей обеспеченно. Собака весело скакала по паркету, ожидая очередной подачи, и развлекая Лию умильными гримасами.

Раздавшийся внезапно звонок в дверь заставил Лию выронить из рук полотенце, настолько резко прозвучал он в тишине. Она взглянула на собаку, недоуменно пожала плечами и, подняв полотенце с пола, пошла к дверям.

Если бы внезапно ударил гром или выпал снег по самые крыши домов, это не повергло бы Лию в большой шок.

На пороге стоял Эрик. Мокрые волосы, обычно открывавшие лицо, были взлохмачены, с них стекали капли дождя. Расстегнутый пиджак делового костюма, мокрая рубашка, нервно сжимающие трость руки. И лицо. Абсолютно неизвестное Лии лицо, потерявшее привычное спокойствие, по которому пробегали, сменяя друг друга, неизвестные ей мысли и эмоции.

Лия открыла рот, но язык неожиданно отказался работать. Она стояла и смотрела, ненавидя себя за состояние столбняка, но не могла пошевелиться. словно все происходящее было во сне, когда ты и хочешь шевельнуться, но не можешь. Молчание прервал Эрик.

— Лия.

Она отступила на полшага. Он дернулся к ней и протянул руку.

— Прошу.

Это было как удар — Лия могла предположить всё, но только не это.

— Проходите, — пробормотала она, мысленно хлопая себя по щекам, чтобы поверить в происходящее. Эрик неуверенно сделал пару шагов, словно ожидая, что она передумает и прогонит его.

— Вам надо согреться, — Лии наконец-то удалось справиться с собой. Он кивнул.

Он сидел за её спиной у стола. Она делала чай, проклиная руки, внезапно задрожавшие и похолодевшие.

— Чай, — с неким подобием улыбки она повернулась и поставила перед ним чашку горячего чая.

— Благодарю, — Эрик не дотронулся до чашки, продолжая сжимать трость. Лия перевела дух:

— Наверно чай слишком горячий, я не знаю — как Вы любите. Сахар? — она потянулась за сахарницей на полку.

— Прошу тебя.

Он повторил эти слова. Лия замерла.

— Ты нужна мне.

Глаза Лии открылись настолько широко, насколько это было возможным.

"Это не правда. Я не верю этому", — губы сами произносили слова. Она медленно выпрямилась и подняла на него глаза. Он шутит, правда?

Если бы пришлось описать лицо Эрика, она не смогла бы даже объяснить — как оно выглядело. Это было странное, чужое лицо человека, который словно решился на всё или стоящего на грани чего-то, что стоило многого. По его лицу зримо пробегали сомнения, страх. И оно было незащитным. Настолько, что именно это заставило Лию поверить в реальность происходящего. Она по-прежнему и слова вымолвить не могла. А он, по-своему расценив её молчание, протянул руку и тихо, почти неслышно сказал:

— Пожалуйста.

От этих слов почему-то на глаза навернулись слезы. Он был всегда для неё спокойной скалой уверенности и холодной рассудительности. Видеть его таким — потерявшимся, незащитным казалось просто чем-то невероятным и недопустимым. Лия зажмурилась. Открыла глаза. Пересекла расстояние между ними и положила руку на протянутую ладонь. Он сжал её и притянул Лию ближе, преодолевая расстояние между ними.

— Я не хочу быть и не буду твоим другом. Я не могу быть им для тебя потому, что люблю тебя.

Лии казалось, что она сделала шаг в бездонную пропасть и летит. И этот полет бесконечен. Тьма качает её и бросает дальше, чтобы затем снова подхватить в свои объятия. И этому полету нет конца.

Она открыла глаза. Мир был прежним — осенний день, светлая кухня, приветливо посвистывающий чайник. Новым было лишь тепло в груди, наконец-то прогнавшее унылую пустоту.

Эрик перевел дыхание.

— Я не хочу больше отпускать тебя. Если ты видишь во мне только друга, просто позволь быть всегда рядом. Я не буду претендовать ни на что.

Лия повернулась, оказавшись лицом к нему.

— Я не могу видеть в тебе друга. И не хочу быть для тебя подругой. Но я не подхожу тебе, однажды ты поймешь, что привык к другому. А я — такая, какая есть. И никогда не буду меняться. Как можно соединить два разных мира, не причинив вреда обоим?

— Просто поверь мне, — он знал, что она, как любая женщина, забивает себе голову пустыми мыслями, и улыбнулся её словам.

* * *

— Как Ваши дела?

Лия оторвалась от изучения странного подчерка врача, больше похожего на то, что в листе назначений нарисовали кляксу.

— Спасибо, хорошо.

Дорнот словно ожидал более пространный ответ, поскольку повисла неопределенная пауза.

— Я подумал, что, может быть, Вы не откажетесь пообедать со мной? — Он словно невзначай обронил это, сосредоточенно рассматривая рентгеновский снимок.

Лия мысленно вздохнула.

— У меня сегодня столько дел, что даже перерыв для меня не предвидится. Прощу меня

простить.

— Не изматывайте себя бесконечным трудом, ведь кому-то небезразлично Ваше самочувствие.

Лия озадаченно взглянула на доктора, но тот уже шел прочь.

"Кажется, я что-то пропустила?" — Лия задумчиво грызла карандаш, безуспешно расшифровывая написанное.

Чем ближе была зима, тем больше окружающие превращались в медведей, которых подняли из спячки — сонные, вялые и раздраженные в большинстве. "А еще мы хвалимся, что стоим на высшей ступени эволюции?" — Лия завязывала шарф, стараясь не прислушиваться к возмущенному обмену мнениями кого-то из врачей, раздававшемуся настолько громко, что это было слышно даже через стену. Она заторопилась уйти, пока перебранка не вылилась в открытый скандал — завтра им же будет неловко, что кто-то был свидетелем происходившего.

Лия шла по улице, еще не запорошенной снегом, но уже готовой принять его. Это ощущалось в воздухе — какая-то напряженно звенящая зимняя нота уже звучала, становясь понемногу главной.

— И снова возвращаешься одна и так поздно?

Лия испуганно перевела дыхание, затем улыбнулась — любой бы почувствовал себя дурно, услышав за спиной в темноте голос, возникший почти из ниоткуда.

Эрик стоял в темной полосе дороги, куда не доставал свет фонаря.

— Позволишь проводить тебя?

— Да, — как не старалась Лия, но улыбка при виде Эрика сама просилась на губы.

Он подошел к ней и старомодным жестом предложил ей опереться на руку.

— Расскажи, как прошел день, — попросил Эрик.

Непривычное ощущение, что тебе есть с кем делиться обыденными вещами и не бояться непонимания.

Город медленно утопал в тумане, захватывающем его не торопясь, постепенно, по шагу, по улице. Казалось, всё вокруг погрузилось на дно странного океана. Медленно выплывали огни вывесок, сигнальными маяками светили окна домов. Как большие глубоководные чудовища, проплывали машины, исчезая дальше в объятиях тумана. Каждый следующий шаг становился открытием: что ожидает дальше — неизвестно. Во тьме и наползающем мраке даже люди казались призрачными тенями, плывущими как призраки по тонкой грани реальности. Мир превратился в океан.

"Мы плывем по призрачной дороге", — Лия оглянулась на спутника. В покрывающем город наваждении он казался большой темной и такой же нереальной тенью, уверенно рассекавшей привычные для него просторы мрака. "Почему меня не покидает ощущение, что я так же продолжаю полет в бездну, и она гостеприимно ждет меня?"

Эрик шел, слушая её голос. Его словно вели по извилистой дороге за направляющим во тьме маячком, указывающим путь и не покидающим его. Тьма бархатно расстилалась, наслаждаясь неведомыми доселе ощущениями.

"Она ведет меня из моего привычного мира в свой мир. И я готов идти за ней куда угодно, лишь бы она шла рядом». Куда пропали мысли, что всё это — нереально? Что он смешон в своих стремлениях? — Ты позволишь мне пригласить тебя ко мне? — Внезапно спросил он. Разум беззвучно издал вопль отчаяния, схватившись за волосы, и спрятался.

— Если ты этого хочешь, — ответила Лия. Ни тени сомнения в решении — и она даже

не удивилась: всё казалось настолько естественным, и быть с ним ей хотелось так же сильно, как и дышать, ни на минуту не оставляя эту сильную руку и постоянно слушать спокойный низкий голос.

— Я не хотел бы отпускать тебя сейчас. — Эрик остановился. Спустя несколько секунд из тумана возникла черная машина, почти бесшумно остановившаяся рядом.

— Они всегда едут за тобой? — спросила Лия.

— Да, если только я не хочу побыть один.

За окном проплывали дома, перекрестки. Лия смотрела в окно, ощущая как легко и, в то же время — крепко, держит её ладонь Эрик. Словно боится, что она уйдет или, если он перестанет её удерживать — исчезнет.

Квартира Эрика была идеальна с точки зрения дизайна и обстановки. Выдержанная в мраморно-белых тонах с идеально гармонирующей темной мебелью, она радовала взгляд. И в тоже время ей чего-то не хватало. Она была словно лишена жизни, замершая в ожидании. Лия провела рукой по мягкой поверхности кресла и невольно вспомнила события той злополучной ночи.

— Ты тогда не спал всю ночь, — произнесла она, поразившись внезапной догадке.

— Я боялся, что ты уйдешь, — Эрик стоял у окна, словно не хотел мешать ей осматривать комнату.

— Я думала — ты живешь не один, — почти оправдываясь, сказала Лия, испытывая укол совести.

— Днем приходит горничная. Кухней заведует пожилая дама, которая обычно безуспешно ждет момента, чтобы накормить меня, а я всячески избегаю этого или забываю за работой, — усмехнулся Эрик. Лия помолчала.

— А твоя подруга, — непринужденно сказала она, стараясь не выдать эмоций в голосе.

— В театре была Нина. Мы расстались полгода назад. Сейчас она встречается с местным телеведущим.

В комнате повисла напряженная тишина. Лия не знала — что сказать, и мысленно ругала свой язык, вечно некстати встречающий в разговор.

Эрик тревожно вслушивался в молчание Лии и боялся сказать что-то. Эта ситуация грозила затянуться, пока Лия не решила заговорить:

— С твоей работой тебе часто удается уделять время самому себе?

— Достаточно часто, — Эрик понадеялся, что облегчение в его голосе слышно не настолько откровенно. Он отошел от окна и оказался рядом с ней.

— Надеюсь, что я тебя еще не утомил.

— Ничуть, — Лия улыбнулась. Странно, она абсолютно не ощущала скованности, даже зная, что он не может увидеть улыбку, жест, кивок, пожатие плечами. Для нее он был и оставался нормальным человеком. Мужчиной, который сейчас стоял рядом с ней, а на его лице отражалось ожидание, настороженность и радость.

Позже Лия думала, что никогда не поймет — что заставило её поступить так. Но она просто подошла к нему ближе и взяла его осторожно за руку.

— Я была неправа тогда, когда не стала тебя слушать и убежала. Прости.

Неожиданно для неё он обнял её, ничего не говоря и не отвечая на её слова.

— Я был глупцом, считая, что всё в жизни можно просчитать, — произнес Эрик, помолчав, — Ты была права тогда, спросив в кафе — а как же сердце, и не одиноко ли в мире без него.

Он наклонил голову, прислоняясь лбом ко лбу Лии, и продолжил:

— Я не знаю теперь, как можно жить, не имея сердца, в моем старом мире.

Это было признанием. Женской интуицией Лия поняла, что никакие слова не нужны, кроме того, что она может сделать. Она пристально посмотрела на Эрика, словно ушедшего в себя, и тихо попросила:

— Поцелуй меня.

Он вздрогнул от неожиданности. Затем, подняв руку, осторожно коснулся её лица. Провел пальцами по щеке, словно обрисовывая контур.

Его губы были нежными и, в то же время твердыми, подчиняя себе. "Не отпускай меня, не прекращай этого поцелуя", — думала Лия, ощущая себя где-то далеко, за гранью разумного и привычного

— Я хочу подарить тебе весь мир, — прошептал Эрик, — Если ты захочешь. Ты должна быть самой счастливой, я хочу слышать твой смех всегда. Когда ты рядом — я словно становлюсь чем-то целым. А когда тебя нет, из жизни словно выпадает важная часть, без которой она — ничто.

— Я люблю тебя, — Лия поняла, что сказав это вслух, словно сняла с себя груз своих чувств, которые уже было бессмысленно прятать. Эрик вздохнул. Крепче обнял её. Лия провела руками по его плечам, просто испытывая необходимость ощущать реальность его присутствия рядом.

* * *

Луч осторожно пощекотал лоб Лии. Она поняла, что просыпается, находится на середине грани между сном и реальностью, когда тело еще спит, а мозг уже проснулся. Она не торопилась открывать глаза и шевелиться — еще немного удержать бы сон, который был таким приятным. И тепло одеяла, и мягкость подушек. И руки того, кто осторожно и ласково убирал её волосы.

Лия открыла глаза, встретив взглядом сидящего рядом Эрика.

— Доброе утро.

— Доброе.

Она замолчала, необычное ощущение того, что слова не нужны, не покидало её.

— Голодна?

— Есть немного.

И снова он нашел — как из молчания спокойно и незаметно перейти к разговору. Удивительная перемена в его лице заставила Лию всмотреться в него. До сих пор она никогда не видела улыбки на его лице. Сейчас же она касалась его губ, освещала лицо, пряталась в каждой черточке, превращая его лицо в мальчишеское, и смягчала спокойный неподвижный взгляд.

Эрик поднялся:

— Я жду тебя в столовой. Душ здесь, — он кивнул в сторону небольшой двери в стене спальни.

Когда Лия вышла в направлении столовой, навстречу ей заманчиво потянулся запах кофе, поджаренного хлеба — завтрака, безошибочно указывавший путь. Эрик стоял у стола, напряженно постукивая пальцами по спинке плетеного стула. Услышав шаги, он повернулся.

— Тебя что-то беспокоит? — несмело предположила Лия.

— Завтрак на столе, — Эрик улыбнулся, снова уходя от ответа.

— Спасибо, но мне пора. Я не ночевала дома и не предупредила мать. Представляю, как она волнуется.

— Я не отпущу тебя голодной, — он сложил руки за спиной, хмуря лоб.

Лия взяла стакан сока и бутерброд, неторопливо расправилась с ним, мысленно признавая, что она страшно проголодалась.

— Теперь ты меня отпустишь? — Она допила сок, наблюдая за тем, как та же улыбка снова освещает его лицо.

— Я не хочу отпускать тебя вообще. Но, — добавил он, — Я дал слово. Сейчас будет готова машина.

— Нет, — Лия встала. — Я доберусь сама.

— Почему? — Эрик нахмурился. Лия вздохнула:

— Просто дай время мне привыкнуть, что человек, которого я знала как одного, является совсем другим.

— Я не другой, — Яростно возразил Эрик, — Я тот, кем был с самого начала.

Лия обхватила себя руками, пытаясь собраться с мыслями и понятней объяснить то, что её смущало:

— Я знала простого Эрика с гениальным умом математика, который был из моего мира. Сейчас передо мной гениальный и могущественный Эрик, одним движением головы запускающий в ход многотысячную машину своей корпорации, имеющий влияние и вес в кругах, которые нам не знакомы. Это другой мир, а я о нем знаю только из телевизионных новостей и журналов.

— Это не мой мир, — Эрик оставался спокойным, но его пальцы нервно перебирали браслет часов на другой руке. — Я родился и вырос в семье простого строителя, где считали каждую копейку. Всё, что я хотел — это подарить своему отцу право на спокойную и безмятежную старость. Но не успел — работа подкосила его раньше, чем я смог сделать хоть что-то. Думаешь, я не знал — кто я и что из себя представляю? Убогий калека, не имеющий ничего, обреченный жить, опираясь и надеясь на других! Но я никогда не позволю себе чьей-то жалости, и уж зависеть от кого-либо не буду никогда!

Эрик отвернулся к окну. Спустя минуту он повернулся к ней и, словно ничего и не было, спокойно сказал:

— На улице холодно. Позволь проводить тебя.

Первое и второе не было связано друг с другом, но Лия ухватилась за протянутую ей возможность перемирия.

— Я буду только рада.

Она подошла к нему и, стараясь загладить вспышку, сказала:

— Я не хотела тебя задевать, я просто прошу время привыкнуть ко всему.

Эрик молчал. Только теперь Лия поняла, что его молчание имеет всевозможные оттенки — сейчас его молчание носило угрюмый характер, словно он закрылся от всего мира. Через секунду его настроение, как тяжелые осенние тучи, медленно ушло, подгоняемое слабыми проблесками улыбки.

— Хорошо, — он улыбнулся ей как маленькому ребенку, просящему приятную безделушку.

Зима медленно наступала на город. Накрывая его снежным одеялом, она вступала в свои права, не торопясь.

"В моей жизни всё отошло на второй план. Но, как может быть иначе, если в какой бы я уголок её не заглянула, везде он присутствует?"

— Опять спишь наяву? — Мила сдула с нового костюма воображаемую пылинку.

— Почти, — призналась Лия.

— Пошли, выпьем кофе, может тогда ты и проснешься.

В буфете было малоллюдно, и проблем с пустыми столиками не возникало. Заняв место у окна, Лия неторопливо потягивала кофе, почти не слушая болтовню Милы. Поэтому она не сразу заметила, что та резко замолчала. Зато, большую фигуру Дорнота, возникшую рядом с ними, она заметила сразу — он подавлял своей мощью, почти граничащей с угрозой.

— Приятного аппетита, дамы.

Ян был как всегда — любезен и неотразим. Единственное, что досадно подействовало на настроение Лии, это то, что появление на горизонте нового врача, которых был холост и только недавно начал работу в госпитале, заставило Милу срочно вскочить и, заявив, что она вспомнила о срочном деле, исчезнуть в том же направлении.

Доктор сел на освободившееся место.

— Как Ваши дела?

— Всё хорошо, — улыбнулась Лия.

— Я уже и не думал, что застану Вас, Вы вечно в делах.

— Зима, а это значит, что работы прибавилось, — напомнила Лия. Разве он пытался искать её общества? Это было что-то неожиданное.

— Что Вы делаете после работы? — Стальные глаза Дорнота ненавязчиво изучали её, словно она была под микроскопом.

— Отправляюсь домой отдыхать.

— Действительно, вам достается больше работы. Хотя труд сестер привыкли не оценивать так, как подчеркивают работу докторов — с неожиданной теплотой в голосе произнес доктор, — Не переутомляйтесь. Ваше здоровье дороже, чем неблагодарная работа.

Он замолчал

— Неужели Вы не можете быть менее очаровательны или же хоть чуть добрей?

Лия поперхнулась и во все глаза взглянула на него.

— О чем Вы?

— Хорошего дня Вам, — доктор улыбнулся и поднялся из-за столика. Лия смотрела ему вслед, мысленно вешая себе на грудь медаль — "Осёл Года". Судя по всему, Дорнот только что подарил ей комплимент, а она резво хлопала ушами. Большинство сказанного им так не вязалось с его обычной холодной отстраненностью, что Лия решила, будто доктор был слегка сам не свой. Иначе объяснить его резкие переходы от надменности до участия было невозможно.

Лежа под одеялом, Лия уже дремала, когда раздалась мелодия входящего сообщения на телефоне. С обреченным вздохом она вылезла на поверхность и нашла мобильный. Смс было прислано с адреса электронной почты, незнакомого Лии, и в нем было только два слова. "Ты прекрасна". Она пожала плечами, удалила его и нырнула обратно в теплые объятия одеяла.

Лия смотрела на экран телефона, перечитывая смс и абсолютно не понимая — шутка это или же что-то иное. "Ты — как поток воздуха". Она не поленилась зайти в сеть и поискать адрес, с которого пришло сообщение. Поисковая система выдала ответ об ошибке и не открыла ничего. Мысленно обещая шутнику все мыслимые и немыслимые кары, Лия убрала телефон в карман и пошла дальше по коридору.

Путь ей неожиданно преградил Дорнот, оказавшийся прямо перед ней.

— Привет, — он сегодня был более чем странный. Словно, что-то вывело его из привычного состояния. — Могу я подвезти Вас после работы сегодня?

Лия помедлила.

— Спасибо, но сегодня у меня ночное дежурство. Я не уйду домой.

Он быстро оглядел Лию. Несмотря на то, что она растерялась от неожиданности, Лия заметила, что взгляд Дорнота был каким-то непонятным, словно он был болен, или что-то его тяготило.

— Жаль, — Дорнот как обычно вежливо улыбнулся, его взгляд был опять прежним, манеры ничем не отличались от повседневного поведения доктора — словно всё происходящее было не более, чем игрой воображения Лии. Он уступил ей дорогу, сделав шаг назад. Лия двинулась дальше, испытывая желание обернуться и посмотреть вслед доктору — отчего-то ей казалось, что он смотрит на неё. Заворачивая в кабинет, она все же обернулась, но никого не было.

Недели зимней напряженной работы, по-видимому, плохо действовали на Лию. Раньше она никогда не считала себя неадекватной, но сегодня её навязчиво преследовало странное ощущение. Ощущение, что на неё пристально смотрят. Она подняла голову, огляделась — по коридору медленно прогуливались пациенты, чуть поодаль стояли доктора, обсуждая что-то. Ничего, что могло бы вызвать такие мысли, не было. Лия повела плечами, стараясь прогнать непрошеное ощущение, и принялась за работу дальше.

"Мне пора запретить себе превращаться в параноика", — подумала она, когда на следующий день её снова посетило подобное ощущение в заполненном людьми буфете. — "Было бы странным, если множество людей не смотрели бы на тебя. Если же впадать в подозрительность из-за каждого взгляда, то проще сразу пойти и повеситься, облегчив себе существование".

* * *

Эрик мерил шагами гостиную в ожидании времени, когда, как он знал, можно было позвонить Лии и поговорить с ней, не отвлекая её от работы. Она должна была скоро закончить дежурство и отправиться домой.

Он набрал её номер.

— Добрый день.

Этот голос заставлял его терять все слова и мысли, оставляя лишь жажду слушать его снова и снова, пробуждая ощущения тепла её кожи, прикосновения рук, обнимавших его.

— Добрый. Как ты?

— Хорошо. Наконец-то пора собираться домой, — она повеселела.

— Я заеду за тобой, — Эрик привычно затаил дыхание, ожидая услышать отказ.

— Если ты хочешь, то я буду очень рада, — она продолжала улыбаться.

"Ты готов приносить ей жертвы и молиться ей. А как же твой здравый смысл и логика? Куда делась твоя прежняя самоуверенность и желание управлять всем?"

Эрик закрыл глаза. Всё это неважно. Просто неважно. Он признает, что теперь все его мысли — лишь о том, как быть всегда с ней.

"Она дает мне смысл жить. Мой бег в никуда приобретает смысл. Я стремился к достижению вершины, но для чего — не знал сам. Теперь же, я готов добиваться всего, чтобы класть достигнутое к её ногам".

— Давайте проедем поскорей, — Эрик нетерпеливо обратился к шоферу. Сегодня машина словно ползла, как ему казалось. Шофер послушно прибавил скорость. Оживленный в час-пик перекресток был похож скорей на карусель из машин, пытающихся разъехаться как можно поскорей. У светофора автомобиль остановился, ожидая, когда загорится зеленый свет.

Эрик раздраженно вздохнул — купить небольшой вертолет для использования вместо машины ему до сих пор в голову не приходило. Но, вероятно, это придется сделать.

Автомобиль плавно двинулся вперед, постепенно набирая скорость. Эрик закрыл глаза, расслабил узел галстука.

Слух уловил движение справа, со стороны, ближе к которой он находился. Это двигался внушительный автомобиль, вроде внедорожника, который не справлялся с управлением. Эрик вынырнул из своих мыслей, слыша нарастающий шум. Помедлил секунду, стараясь предугадать направление движения несущегося автомобиля.

— Справа, осторожно, — крикнул он, подаваясь вперед.

Эрик ощутил, как его отбросило, встряхивая и выворачивая каждый сустав и каждую кость в теле. Звон, грохот и скрежет металла, корежащегося и разрезаемого, ударили по ушам, нарушая ощущение равновесия и уничтожая слух. Кажется, закричал шофер.

Первое, что осознал Эрик, это что-то теплое, текущее по лбу, в глаза, обжигая их. Он попытался шевельнуться, но ниже колен ноги словно отсутствовали. Эрик попробовал поднять руку, чтобы вытереть глаза. Рука двигалась неохотно, словно отдельно от тела. Вторая была неудобно повернута, каждым движением причиняя боль. В голове звенело. Эрик даже не пытался напрягать слух, понимая, что с ним тоже что-то не так.

— Влад, — позвал он шофера, как-то отстранено думая, что тот мог пострадать еще сильнее. Его голос звучал как-то тихо, словно это был и не его голос. В ответ было молчание. Эрик снова шевельнулся, морщась от боли, вгрызавшейся в тело. Кажется, вокруг был шум, голоса людей и приближались звуки сирен.

Она наверно ждет. Ждет. Эрик снова дернулся, пытаясь высвободиться. Но почти все тело было сковано металлической ловушкой, и вырваться не получалось. Он затих, экономя силы.

— Вы живы? Вы слышите меня? — Прозвучал где-то рядом мужской голос.

— Да, — отозвался Эрик.

— Вы можете выбраться?

— Нет, я не могу даже шевельнуться.

— Сохраняйте спокойствие и продолжайте отвечать мне. Мы попробуем вытащить Вас.

Кто еще в машине?

— Мой шофер.

— Понятно. Вы его видите?

— Я слепой, — безразлично отозвался Эрик. Мужчина осекся.

— Не двигайтесь, кажется, Вас слишком сильно зажало.

— Я понимаю, — громче шепота он не мог говорить, но меньше всего ему хотелось, чтобы с ним обращались как с дурачком или истеричной женщиной.

— Мы вырежем часть корпуса, чтобы освободить Вас.

Эрик молчал. Отвратительный звук разрезаемого металла разрывал уши, голова раскалывалась, утягивая его в пропасть. Он из последних сил старался не упасть в неё, все время думая лишь о том, что она ничего не знает и ждет его. Он должен выбраться. Он должен идти к ней.

— Подложите удобней носилки, у мужчины множественные переломы и не исключена травма позвоночника, — взволнованно командовал молодой врач, пытаясь помочь расчету спасателей. Толпа оглядывала залитые кровью тела, извлеченные из машин, и переговаривалась.

— Живой, кажется только один. От того, кто в них въехал, осталась лишь каша, — полицейский делился увиденным с напарником.

— Да, такой аварии в этом году я еще не видел. Бедный парень, если выживет, еще может и пожалеть, по нему скорей всего будет плакать инвалидное кресло, — докуривая сигарету, ответил тот.

— Держите кислородную маску, — рявкнул на помощника врач, спешно набирая в шприц адреналин.

— Он почти не дышит. Пульс почти не прощупывается. Мы не успеем довести его.

— Держите маску! — Врач, не отрываясь от лица умирающего, вводил лекарство.

— Он пытается шевелиться, — молодой стажер впервые был на выезде, и надо было так случиться, чтобы в первый же день на его руках умирал человек. Стажера начинала бить дрожь. — Он пытается говорить!

Врач наклонился ближе, пытаясь услышать мужчину.

— Он пытается до кого-то дойти, — поднял он голову. — Нет, нет, пока Вы будете лежать, а потом дойдете туда, куда собрались.

Во тьме медленно угасали звуки, словно отстраняясь и отдаляясь от него, оставляя одного вне времени и пространства.

* * *

Лия не могла никак сегодня уйти с работы. Каждую минуту находилось какое-то дело, которое не давало ей собраться и отправиться домой. Но больше всего ее волновало то, что молчал телефон. Это было непонятно и вызывало неприятный холодок в груди.

— Вам придётся задержаться, — старшая сестра раздраженно взглянула на большие часы, висящие на стене, — Одна особа решила, что сегодня ей надо отдохнуть, и не вышла на работу, предупредив меня лишь десять минут назад. Сделайте милость, ещё на полтора часа останьтесь, а я пока вызову кого-нибудь из сестёр.

Лия подавила вопль возмущения и улыбнулась, согласно кивнув. В конце концов, она все равно должна дожидаться звонка.

Звонка, который так и не раздавался, сколько бы Лия не смотрела на телефон. Она пару раз подумала сама позвонить, но не решилась — может у него очередные серьёзные дела.

Лия медленно погружалась в дремоту, которая незаметно оплетала ее тяжёлой паутиной. Кажется, она не доживает до конца дня, а превратится в сурка, заснув в первом же

уголочке до весны. Правда, она открывала глаза каждые пять минут, чтобы взглянуть на молчащий телефон. Сквозь сон слышались голоса проходящих мимо сестринской людей.

— Ты не могла бы сходить в приемный покой за результатами анализов?

Лия приоткрыла один глаз и кивнула. Неохотно выбравшись из сестринской, она отправилась к лифту расположенному в конце коридора. Уже спускаясь, Лия обнаружила, что оставила телефон наверху. Досадуя на свою рассеянность, она шла по коридору, ежась от холода, проникавшего сюда из постоянно открытых дверей, через которые поступали больные из машин скорой помощи. Кто-то сидел у стойки регистрации, кого-то везли на каталке. Кто-то стонал, кто-то просто ожидал своей очереди.

Лия прижалась к стене, пропуская толпу врачей, окружавших каталку, которую почти бегом везли мимо неё. Она успела разглядеть кислородную маску на том, что следовало называть лицом, и покрытую кровью простыню, укрывавшую сверху тело.

Мысленно пожелав бедняге удачи, Лия покачала головой и пошла дальше. Забрав анализы, она, окончательно озябшая, вернулась на отделение и взяла в руки телефон. Тишина.

Медленно, как морозные нити, её начала охватывать паника. Она набрала номер. Гудки. Тишина. Гудки. Паника проникала в сердце, которое лихорадочно ускоряло удары, словно пытаясь торопить время. Лия беспокойно провела пальцами по экрану, решая — позвонить ли снова, но в этот момент её позвали.

Новым раздражителем был незнакомый ей хирург, который чересчур нетерпеливо озирался вокруг.

— Кто из врачей сейчас может пройти в операционную? — Не дав сказать ни слова, он ринулся в наступление. Лия наморщила лоб, пытаясь подумать над его вопросом.

— Позовите кого-нибудь, любого немедленно! — Видя, что она помедлила, он заорал, — Быстрее, черт возьми!

Лия схватила трубку телефона, набрала номер ординаторской и, стараясь не смотреть на врача, быстро заговорила с первым же, кто поднял трубку.

Спустя минуту, на пост прибежал доктор, на ходу начав разговор с хирургом, явно терявшим терпение. Лия притворилась пустым местом, надеясь, что её не замечают. Но надежда оказалась напрасной, поскольку, продолжая разговор, врач повернулся к ней и сказал:

— Найдите Эйду, скажите, что нас ожидают в оперблоке.

Лия, сломя голову, помчалась в сторону смотрового кабинета, где была Эйда. То, что происходило, явно выходило за рамки обычных ситуаций. А значит, надо было просто превратиться в послушную машину и беспрекословно выполнять все, что потребуется.

Эйда занималась заготовкой необходимых материалов на завтрашний день. Услышав Лию, она подошла к шкафу, где хранились необходимые на такие случаи наборы инструментов.

— Думаю, тебе следует пойти со мной — надо учиться новому, — сказала она, видя, что Лия уже собралась уходить.

Поэтому сейчас Лия, держа в руках половину необходимого груза, ехала в лифте. На ней, как и на невозмутимо молчавшей Эйде, были надеты маска и шапочка, превращавшие их в нечто странное для обычных людей, которые спешно уступали им дорогу.

Этаж реанимации был одним из тех мест, куда почти никого не пускали. Но даже при большем желании тягостная атмосфера, царившая там, не позволила бы задержаться

надолго. Это тяжёлое состояние тонкой двери в другой мир, тяжёлое для обычного человеческого разума, сложилось на плечи, окутывало разум, который почти сразу начинал протестовать против того, что не мог осознать, и причинял этим своему хозяину состояние необъяснимого волнения.

Стараясь не отвлекаться, Лия следовала за Эйдой, которая уверенно шла мимо шоковых залов, белых операционных. Они дошли до поста, где их ждала пожилая медсестра.

— Ваш доктор задерживается, а мы не можем терять ни секунды, — недовольно сказала она, — проходите, третья дверь налево.

Лия проскользнула в дверь и притихла, застыв от неожиданности. Это было предоперационное помещение, в котором мог находиться персонал, не участвующий в процессе. Судя по атмосфере истеричной торопливости, происходящее в самой операционной было трагичным.

Эйда так же, внезапно сменив невозмутимость на торопливые движения и поговорив с кем-то, исчезла в дверях.

Лия стояла у окна в стене, разделявшей помещения, и смотрела на толпу, окружавшую операционный стол. Безупречные белые костюмы покрывались новыми брызгами крови, сложившимися яркими пятнами. Быстро подавались инструменты. Не отрываясь, смотрел на монитор, где показывались всплески жизни, анестезиолог.

"Боже, помоги этому человеку", — Лия подумала о том, что где-то сидят его родные, считающие секунды до того, как к ним подойдут с известиями о том, что с их близким.

— Если его и можно собрать, то только сшивая по частям. Поверьте, там нет ничего целого. Если он и живёт до сих пор, то это только чудом назвать и можно, — донесся до Лии голос одного из стоявших поодаль врачей.

— Сюда собрали весь госпиталь, похоже, — недовольно ответили ему, — Будто мы сможем его оживить.

— Во всяком случае, его оперирует сам главврач, а это означает, что всё не так просто.

Лия тихо вышла из блока, затворив за собой двери. Ей не хотелось больше оставаться немым наблюдателем неравной борьбы со смертью. Она дошла до выхода, сняла маску и, выйдя в вестибюль, подошла к кофейному аппарату.

Кофе, живительный напиток. Неспешно потягивая его, Лия закрыла глаза, расслабляясь и отпуская тревогу. Спустя секунду раздался приближающийся шум голосов, которые звучали как крики чаек — пронзительно, шумно и раздражающе. Это было настолько необычно для всегда спокойной и негромкой атмосферы госпиталя, что резало по ушам. Лия оглянулась — вестибюль заполнялся толпой репортеров, журналистов, которых безуспешно пыталась остановить охрана госпиталя.

Несколько прорвались и достигли поста дежурного администратора с видом завоевателей.

— Скажите, Вы можете подтвердить, что в Ваш госпиталь в тяжелом состоянии доставлен известный владелец финансовой корпорации Маргулис?

— Это правда, что он не выживет, настолько он в тяжелом состоянии?

— Что говорят врачи, и каковы их прогнозы?

Сердце пропустило удар и замерло. Голоса превратились в один нестройный шум, поверх которого звучало лишь одно имя.

Лия медленно развернулась в сторону операционной, оставшейся где-то там, словно на другом краю пропасти и застыла. Сердце все так же пропускало удары, молчаливый холод

струился по венам, замораживая каждую клеточку. Это было страшное состояние пустоты, чем-то отдаленно похожее на спокойствие, но мертвое изнутри.

Заученным механическим движением выкинув пластиковый стаканчик, Лия пошла прочь, назад, туда, откуда только что ушла. С каждым шагом ускоряя движения, она распахивала одни двери, проходила коридоры. И, почти добежав до той третьей двери налево, ослепительно белой в тишине коридора, за которой еще билась жизнь, Лия остановилась.

Распахнулась дверь, пропуская кого-то.

— Он не жилец, — раздражение в голосе было усталым, так звучит почти смирение перед тем, что невозможно изменить.

— Если его оперируют уже третий час, и всё безуспешно, то только упорством главврача можно объяснить то, как они бьются за него.

— Тогда у них работы еще на всю ночь.

Лия протянула руку к двери и опустила её, так и не коснувшись холодной ручки. Прислонилась к стене. Медленно сползла по ней, обхватила колени и замерла. Она никуда не уйдет отсюда. Только с ним.

— Вам плохо?

Кто-то пытался поднять её. Лия с трудом открыла глаза.

— Вы же совсем замерзли. Что с Вами?

Лия вскочила, в голове пронеслась безумная мысль — всё кончено.

— Операция? Все закончилось?

— Да, больного уже увезли в реанимационный зал.

Лия еле стояла, ноги ломило от холода и неудобной позы, в которой она провела столько времени.

— Вы тут сколько пробыли, сестра? Операция закончилась полчаса назад.

— А сейчас сколько времени?

— Уже утро. Пять часов утра.

Лия еле шла, теряясь в реальности и полубредовом состоянии. Словно из тумана выплывали чьи-то лица, чьи-то голоса звучали далеко от нее.

— Где ты была? Что с тобой? — закричала Мила, вскакивая с дивана навстречу. — Что с тобой?

Лия молча опустилась на край дивана и закрыла глаза.

— Я позову кого-нибудь из врачей.

— Не надо.

— Ты себя видела? — Мила всматривалась в её лицо.

Лия не ответила. Кажется, через несколько минут стало чуть легче, туман в голове немного рассеялся. Она поднялась.

— Я скоро приду.

Мила пожала плечами:

— Если ты — самоубийца, то иди. В таком-то состоянии.

Зал реанимации находился этажом ниже. Но у его дверей стояла охрана. Вероятно, уже и сюда пытались проникнуть вездесущие репортеры.

Лия прошла в сестринскую, зная, что лучший способ узнать необходимое — это общительный сестры. На её счастье одна из них сейчас устало наливала чай в небольшую чашку с пингвинами.

— Ох, ты напугала, — она подняла голову, глядя на вошедшую Лию.

— У вас тут привезли нашего бывшего пациента, — Лия взглянула в окно. — Врачи все интересуются о нем.

— А, даже знаю — о ком ты, — кивнула медсестра, — о нем уже вся больница говорит.

— Так все плохо?

— Парня располосовало почти полностью, такое ощущение, что у него все кости переломаны.

— Как же так, — Хрипло спросила Лия.

— Авария, он хоть еще живой. А вот второй — говорят, что там даже на человека ничего похожего не осталось для похорон.

Лия сглотнула ком в горле, боясь моргнуть, чтобы не полились слезы, которые обжигали глаза.

— Родные уже в курсе?

— У него никого нет, даже подруги.

— А охрана? — Кивнула Лия на дверь.

— Миллионеров без охраны не бывает.

— Ну ладно, хорошего дня тебе, — постаралась естественно улыбнуться Лия.

Мир продолжал существовать, его привычный бег даже не замедлился. Лия продолжала каждый день подходить к реанимации, стараясь узнать хоть какие-то крохи новостей.

"Он там. Один. А я даже увидеть его не могу, чтобы сказать, что готова отдать всё, лишь бы он был всегда рядом".

Горячие струи воды в душе обжигали кожу, но Лия, обхватив плечи, словно не замечала, как кипяток полосами хлещет по телу.

"За один только миг с ним я сейчас готова платить любую цену, лишь бы он жил".

К концу третьего дня Лия, придя снова к разговорчивой сестре, узнала, что больного больше здесь нет. Кажется, его перевели. Говорили, что увезут лечить за границу.

Словно от хорошего удара Лия с трудом перевела дыхание.

— Ему уже лучше?

— Да, поразительно, но он цепляется за жизнь так, что врачи удивлены, они не думали, что он сможет выкарабкаться.

— А на какое отделение его перевели?

Часть 2.2 Обратная сторона света

Отделанный с иголки коридор. Светлые стены, выложенные панелями, окрашенными в жизнеутверждающие цвета. Экзотическая пальма в углу у входа. Здесь царила надежда. Ощущая себя маленькой песчинкой в вихре страха и надежды, Лия шагала по коридору. Получится ли его увидеть? Если понадобится, она использует всю свою хитрость, чтобы попасть к нему?

Она миновала ряд палат, когда впереди появилась фигура мужчины в костюме, стоявшего около двери в одну из них. Лия мысленно застонала — только не это. Возможно, миновать персонал и можно, но телохранителя?

Собрав все присутствие духа, она шагнула вперед. Мужчина повернул голову, глядя на неё. Лия спокойно подошла к застекленному проёму, который позволял наблюдать за палатой извне.

Мерно мигающие датчики. Ритмичная полоса жизни в кардиограмме. Распростертое тело, почти невидимое под повязками. Лия сжала ладони, впиваясь ногтями в кожу. Казалось, её разрезают изнутри на части, медленно растягивая каждый момент боли.

— Простите, чем-то могу помочь?

Лия качнула головой, не отрывая глаз от того, кто был Эриком. Всегда спокойным и мощным, как скала. Он не может, не может быть таким — чужим, далеким, он должен вернуться.

— Сестра?

Лия повернулась к телохранителю. Минута немого изучения, и в его глазах проскользнула искра узнавания. Он перевел взгляд на её руки и еле заметно нахмурился. Лия взглянула на ладони — из пары царапин от её ногтей начинала показываться кровь.

— Он поправится.

Мужчина оставался все таким же отстраненно-невозмутимым. Но это была маска. Он так же переживал за того, кто лежал там, за стеклом.

— Спасибо, — прошептала Лия.

Снег кружился, заметая аллею. Лия шла, подставив лицо снежинкам. Впервые за столько времени она понимала, что глаза жжет не ветер, а слезы. Слезы, которые вот уже столько дней не могли прорваться наружу.

Луна тускло пробивалась через быстро бегущие по небу тучи. Лия остановилась. Неважно. Что будет завтра. Неважно, что будет с ней. Лишь бы он жил.

Она опустилась на колени, прямо в снег. Столько боли, сколько разрывало её изнутри, не могло больше удержаться. Слишком маленьким, обычным человеком оказываешься тогда, когда сталкиваешься со всепоглощающим отчаянием, надеждой и собственным бессилием.

Она подняла голову и зашлась в бессмысленном вопле, не мешая слезам течь по лицу. Лишь когда в легких закончился воздух, она замолчала. Опустила голову, глубоко вздохнув до рези в груди и радуясь чувству освобождения, наконец-то сменившему беспросветный мрак.

Сколько прошло времени — Лия не знала. Только когда колени стало сводить от холода, она неуклюже поднялась и пошла дальше, оставляя позади все, что не оставляло её эти дни.

Зазвонил телефон, оповещая о новом сообщении. Негнушимися от стужи пальцами Лия вытащила его и взглянула на экран.

"Я хочу быть воздухом, которым ты дышишь".

Не ощущая эмоций, Лия удалила его и побрела дальше.

* * *

Звуки. То приближающиеся, то удаляющиеся. Словно выныриваешь и снова погружаешься. И вместе с этим ощущение, что тело изломанно, где-то оно не его, где-то вообще его нет.

Эрик шевельнул пальцами — одна рука работала. Вторая лежала мертвым грузом. Собственное дыхание вырывалось из легких с хрипом. Послышались голоса, кто-то приближался.

— Он пришел в сознание, доктор! Смотрите!

Заглушая тихий рокот голосов, мужской голос медленно и негромко произнес:

— Вы слышите меня?

Эрик шевельнулся, пытаясь качнуть головой.

— Не тратьте много сил. Вы находитесь в госпитале. Вы попали в аварию. Сейчас Вы уже поправляетесь.

Авария. Скрежет металла. Госпиталь.

Эрик дернулся, призывая на помощь все силы.

— Спокойно, спокойно. Вам нельзя шевелиться! — Руки осторожно, но крепко удерживали его.

— Я должен идти, — голос не слушался его, превращая слова в подобие хриплого карканья.

— Все хорошо, успокойтесь.

Эрик затих, понимая бессмысленность своих действий. Темнота нежно баюкала его, обнимая искалеченное тело, но остановить мысли она не могла.

— Вы — Лия?

Лия вздрогнула. В последнее время ощущение чьего-то взгляда не только не прошло, но напротив — усилилось. Отвратительно было то, что она не могла понять — кто играет с ней в эту неприятную игру.

Сейчас перед ней возвышался телохранитель Эрика, ожидающий ответа.

— Да, — пришла в себя Лия.

— Я нарушаю правила, оставив босса. Но, он хочет видеть Вас.

Лия сорвалась с места. Врачи, люди, пациенты, двери, коридоры, лестницы — всё мелькало в безумном хороводе. Кто-то успевал отойти, давая её дорогу. Лия бежала, не видя и не слыша ничего.

Путь закончился. Через несколько шагов только дверь отделяла её от неизвестности. Коридор с витающим в нем духом надежды ждал. Лия открыла дверь. Все так же работали приборы, так же царил тишина. Преодолевая расстояние в несколько шагов, Лия старалась успокоить колотящееся сердце.

Вот он. Лежащий в сети проводов, окруженный массой приборов, борющихся за такую хрупкую искру жизни в его теле.

— Я пришла, — глухо, почти шепотом произнесла Лия.

Невидящие глаза открылись навстречу ей.

"Не плачь. Не плачь. Не смей плакать, не смей".

Губы шевельнулись, пытаюсь произнести что-то.

— Не говори, тебе нельзя, — Лия коснулась свободного от крови и бинтов предплечья.

Ощущение его кожи, столько раз касавшейся её тела, его тепла, так часто согревавшего её, его тела с удвоенной силой вернули на глаза слезы. Он снова пытался что-то сказать.

— Не говори сейчас, — повторила Лия, яростно кусая губы, чтобы голос не дрожал, — прошу.

Он закрыл глаза и вновь открыл их.

— Я люблю тебя, — Лия смотрела на него.

Позади кашлянул телохранитель.

— Вам следует уходить, скоро придут врачи.

Лия вытерла непрошенные слезы и улыбнулась, словно всё было хорошо. Словно не было больничной палаты. Словно всё и было так как всегда.

— Я приду, — пообещала она.

Лия стояла, опираясь обеими руками на края раковины в ванной, и смотрела на свое отражение в зеркале. Обычное лицо, каких много. Большие темные глаза, неправильной формы брови — одна насмешливо приподнята. Легко не заметить в толпе, сложно запомнить надолго. А теперь еще и большими синяками под глазами, словно не спала пару недель.

Негромко заурчал вибровывоз телефона. Лия взглянула на открывшееся сообщение.

"Я не могу смотреть на то, как ты грустишь, превращаясь в тень. Я всегда рядом. Тебе нужно только позвать меня".

— Да кто же ты? — Разъяренно крикнула Лия невидимому отправителю, отбрасывая телефон на стопку полотенец.

Игра переходила всё границы. Если кому-то нечем заняться, она будет просто игнорировать его идиотские выходки.

Телефон внезапно вновь разразился тихим вибрированием. Лия протянула руку, подавляя неожиданно нагрянувшее состояние дурноты, подступившее к горлу.

"Я всегда рядом".

* * *

Эрик ощущал себя словно выбирающийся из трясины липкого состояния бесчувствия. С ним снова был его слух, который беспокойно метался между звуками, радуясь своей свободе. Вот только ноги... Они не слушали его. Он просто не чувствовал их. И это с каждым днем заставляло Эрика ощущать холодящий страх, что так будет всегда.

Если бы не Лия.

Кажется его телохранитель установил с ней своего рода согласие, проводя её незаметно для всех и оставляя в безопасности. Её пальцы, её голос внушали желание встать, взять её и уйти прочь отсюда, от всех, чтобы никогда больше не возвращаться. Но вот только встать он не мог.

— Доктор, что с моими ногами? — Эрик почти на вкус ощущал, как тот задержал дыхание, а пульс его участился.

— Все хорошо, мистер Маргулис. Просто последствия травмы.

Он явно не договаривал. Несмотря на то, что в его голосе не было и намека на фальшивую бодрость, Эрик был уверен, что тот его обманывает. Скрывает правду.

— Правда? Так когда я смогу подниматься и ходить?

— Всеу свое время, — произнес врач, — Пока Вам надо лежать и набираться сил.

Эрик криво улыбнулся. Лишь только за ним закрылась дверь, он приподнялся, насколько позволяли провода, повязки и прочая ерунда, мертвым грузом приковывающая его к постели. Тело послушно отозвалось, но ноги продолжали оставаться чужими. Эрик зарычал, сжимая кулаки. Нет, нет, нет. Только не это. Он не может превратиться в слепого и неподвижного калеку. Нет. Это несправедливо.

Скрипнула дверь. Распространяя вокруг атмосферу тепла и улыбки, вошла она. Эрик повернулся к ней, изо всех сил пряча за улыбкой все, что только что мучало его.

Лия изучала незнакомое ей выражение напряжения, скользившее в каждой черте лица Эрика.

— Как ты?

Эрик протянул руку, ища её пальцы. Лия накрыла его ладонь своею.

— За что ты меня любишь?

Она на мгновение растерялась, затем встряхнулась, беря себя в руки:

— Просто за то, что ты есть.

— Подойди ближе.

— Я рядом, — возразила Лия. Она стояла почти вплотную к больничной кровати. Эрик с силой притянул её к себе, наклоня над собой. Он прижал ладонь Лии к щеке, закрыл глаза. "Безногий и слепой — думаешь, что таким ты её удержишь? А если и удержишь, то имеешь ли на это право?"

Эрику хотелось рычать, круша всё вокруг, но он лишь сжал чуть крепче руку Лии.

— Я всегда буду с тобой, — прошептала Лия.

— Я хочу побыть один, — Эрик стиснул зубы, стараясь удержать последнее самообладание.

— Хорошо.

Полумрак коридора действовал успокаивающе, стоявшие в нише кресла манили своей мягкостью. Лия шла, тяжело ступая, к выходу. Сейчас она чувствовала, как устала за эти дни. Проходя мимо большого зеркала, Лия оглянулась на свое отражение. Ничего нового, кроме того, что там отражалось жалкое подобие, тень прежней Лии.

"Еще немного, и от тебя будет только ветерок пробегать", — невесело подумала Лия, шагая дальше.

В полутьме зрение всегда шалило, вот и на этот раз ей внезапно показалось, что за одним из поворотов стоит кто-то.

Тусклый свет падал из-за спины стоящей фигуры, не позволяя понять — действительно кто-то есть или нет.

Лия чувствовала себя настолько уставшей, что даже возникший перед глазами призрак не смог бы напугать её сильно. Она даже не повернула головы, продолжая идти дальше.

Эрик набрал номер Лии, борясь со смешанным чувством раздражения и тревоги. Она не приходила уже два дня.

"Конечно, видеть жалкое подобие человека, не способное даже подняться и сделать шаг, требует слишком больших обязательств. Она уйдет от тебя, и ничто не удержит её".

Лия ответила не сразу. В трубке раздались чьи-то голоса, музыка. Но более остро Эрик различал мужские голоса. Или голос? Он услышал только фразу, произнесенную мужским голосом, и в голове разлилась волна ярости, возникшая из ниоткуда.

— Где ты?

Это прозвучало неожиданно резко. Лия взяла телефон поудобней, подхватывая именинный торт, свечи на котором следовало задуть жене брата, которая именинницей и являлась.

— Дома.

— Почему ты не приходишь? — Эрик подавил желание спросить: "С тобой кто-то есть?"

— Я приходила вчера, но ты спал.

— Ты нужна мне, — помолчав, почти шепотом произнес Эрик. Лия заколебалась.

— Я приду завтра. Обещаю.

— Хорошо.

Гостиная, еще хранившая дух праздника, устало и приветливо ожидала Лию, неторопливо собирающую со стола сервиз. Возможно, всё прошло не совсем так, как хотелось, но даже Мелани, всегда всем недовольная невестка, от вида украшенного дома и приветливой атмосферы сменила привычный заносчиво-самоуверенный вид на более простой.

Зимний вечер за окном сиял светом фонарей, разгонявших мглу. Лия подошла к окну, задергивая штору. Зрение опять играло с ней в игры. Прямо напротив дома, на противоположной стороне улицы ей показалась фигура человека, стоявшего в тени дома и смотревшего наверх, на окна. Кажется, их взгляды встретились, как показалось Лии. С неровно бьющимся сердцем она задернула плотную ткань и застыла, пытаясь успокоиться. Волна раздражения прилила к голове, накрывая полностью розовым туманом.

"Хватит", — злобно подумала Лия, — "Пора положить конец этому".

Накинув на плечи куртку, она открыла входную дверь и вышла в морозный полумрак.

Там, где стоял человек, было пусто. Лия сжала кулаки, зажмурилась и медленно выдохнула. Ладно, она слишком переутомилась. Сейчас она пойдет и ляжет спать. Всё это — не более чем разыгравшиеся нервы и усталость.

* * *

Впервые разговор с Эриком пугал Лию. Скорей всего, он может сказать, что не хочет больше её видеть.

Лия озабоченно хмурилась, постукивая карандашом по стопке карт пациентов.

— Добрый день.

— Добрый, — она кивнула, не поднимая глаз на говорившего.

— Что сегодня нового?

— Да вообще ничего, — Лия повернулась к доктору, — Вас искали по поводу консультаций.

Давно она не видела Дорнота. Он непонятно изменился, Лия не смогла бы объяснить — в чем именно состояли эти изменения, но это не был прежний Ян. Он был, как и обычно, безупречен и подтянут, но темные круги под глазами говорили, что доктор либо провел не одну бессонную ночь, или крайне устал.

— Все хорошо? — Участливо спросила Лия, на миг испытывая укол жалости к нему. Доктор безмятежно улыбнулся:

— О, просто прекрасно.

Трудней дня, чем сегодня, у Эрика еще не было за всю жизнь. Он знал, что должен сделать всё, чтобы поскорей подняться. Но он не знал — что сделать, чтобы раз и навсегда оставить Лию рядом.

— Ты снова хмуришься? — она провела рукой по залегшим на широком лбу морщинам.

— Послушай, — Эрик глубоко вздохнул, набираясь сил. Лия замерла, ожидая неотвратимо надвигающихся слов.

— Я хочу, чтобы ты была со мной. Всегда.

— Разве я не с тобой?

— Послушай, возможно, я не смогу ходить, — Эрик выплюнул эти слова, ужасаясь одной мысли о такой вероятности.

— Не говори глупостей, еще неделя, и доктор разрешит уже начать разрабатывать ноги.

— Вряд ли тебе нужен никчемный парень, который и ходить не может

— Ты настолько низко ценишь чувства, что считаешь, будто я была с тобой лишь до тех пор, пока ты мог ходить?

Лия не могла вспомнить — когда она в последний раз приходила в такое бешенство.

— Нет, — возразил Эрик, — Это не так.

— Знаешь, тебе пора понять, что в мире не всё измеряется числами и логикой. Не всё стоит на крепком курсе валюты. Я — не биржевой индекс, понятно?

Лия вскочила, отдвигаясь от него. Её начинало мелко, но безостановочно трясти. Она была скорее взбешена, чем оскорблена. Какой-то частью ума Лия пыталась убедить себя, что всё это — не более чем банальный срыв. Но остановиться не могла. Казалось, что всё, что создавалось, угрожало обрушиться в один миг.

— Может я и не так хороша, как твои подруги, но для меня люди не становятся хуже от того, что с ними что-то случилось.

— Послушай, — Эрик пытался остановить её.

— Нет, — Лия мотнула головой, пятясь назад, — Лучше я сейчас уйду. Приду...завтра. Надеюсь, ты пересмотришь свои взгляды.

Она развернулась и вышла, не смотря в сторону телохранителя, напряженно наблюдавшего за ней.

Темнело быстро. Лия куталась в большой шарф, стараясь спрятать лицо от мороза, нещадно обжигавшего кожу. Зима обещала быть крепкой и жестокой. Под ногами мерно поскрипывал снег.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Стараясь не задумываться о том, что было днем, Лия шла по улице, обходя темные углы. Он не прав, тысячу раз не прав. Внезапно она поняла, что в темноте раздаются не только её

шаги. И, хотя предательский холодок скользнул под кожей, она не стала останавливаться. Никакой паники. Страх — это преждевременная смерть, даже если с тобой пока ничего не случилось.

Лия так же спокойно дошла до своего дома, толкнула тяжелую дверь и мысленно выругалась — словно специально, в холле не было света. Это уже серьезно осложняло ситуацию. Лия пересекла пространство и остановилась, выжидая.

Как и следовало ожидать, дверь отворилась, пропуская темную фигуру. Лия затаила дыхание. "Надо же так — всегда находить проблемы на свою голову", — пронеслось в уме. Тот, кто вошел, не двигался, очевидно, ожидая её действий. Лия молчала, притаившись.

— Доброй ночи.

Теперь внезапно раздавшийся шепот испугал Лию. Она затаила дыхание, стараясь раствориться в темноте. Но больше её испугало то, что человек, не произнося больше ни слова, открыл дверь и вышел.

Трясущимися руками Лия расслабила шарф на горле, который внезапно стал удушающе тяжелым. Что это значит? Кто это был?

Мелькнувшая мысль — пойти в полицию, была смехотворной идеей. В городе каждый младенец знал, что проще самому найти управу, чем ожидать, что полицейский участок сподобится что-то сделать.

"Надо быть осторожней. В любом случае можно полагаться только на себя".

Лия хмуро вертела в руках телефон, перечитывая новое послание.

"Не бойся, я никогда не причиню тебе вреда".

— Охотно верю, — кивнула Лия, — Смотря, что вкладывать в понятие вреда.

Проблема была. Решения не находилось. Значит, стоило или ждать, или же принимать меры. Какие только, чтобы её не выставили чокнутой те, к кому она могла бы обратиться за помощью?

Утро на отделении начиналось хмуро. Когда на Лию в третий раз ни с чего накричал дежурный врач, не понявший своего же подчёрка, но решивший, что лучший способ поднять настроение, обвинив её во всех грехах, она поняла, что вот-вот расплатится. Это было унижительно — оскорбления, выкрикиваемые в её адрес, слышали все, кто был рядом. И не важно, что их возмущенные взгляды были обращены на врача, Лия еле сдерживала желание убежать. Но, после того как в лицо ей врач почти кинул карту больного, она, из последних сил улыбаясь, словно ничего и не происходило, поднялась и вышла в коридор. Дошла до уголка отдыха со стоящими в больших кадках, пальмами и декоративными папоротниками.

Это был последний аккорд в цепи всех проблем и неурядиц, и Лия поняла, что простые слезы превращаются в истеричный плач. Она ненавидела себя за такую слабость. Но остановиться не могла. Сколько она просидела, прячась за кадкой с большой пальмой — она не знала. Слезы продолжали литься ручьем, не желая останавливаться. Волна тягучей тоски и жалости к самой себе, как в детстве, когда несправедливо наказанный ребенок ощущает себя покинутым, захлестнула с головой.

Словно издали, спасительным якорем, вторглись чьи-то руки, осторожно притягивающие к себе, и негромко, успокаивающе обращающийся голос.

Издали, медленно приближаясь, до Лии доносились слова, складываясь во фразы, колдовским дурманом проникая в голову.

— Все хорошо. Все хорошо. Ничто не стоит слез, всё это — пустяки.

Лия уткнулась лицом в плечо говорившего, постепенно затихая и возвращаясь в свое

опустошенное сознание. Её продолжали осторожно удерживать, укачивая как ребенка. Наконец, Лия осознала, что мир снова встал на ноги, и поняла, что что-то не так. Она резко отодвинулась, испытывая неловкость перед свидетелем её истерики.

Неторопливым движением, поднявшись с одного колена и невозмутимо встретив её взгляд, доктор Дорнот будничным тоном произнес:

— Сегодня Вам стоит пойти домой. Я сам поговорю со старшей сестрой, чтобы Вас отпустили.

Лия смотрела ему вслед, стирая слезы с лица. Люди. Кажется, что знаешь их, чтобы в следующий момент понять, что не знаешь о них равным счетом ничего. Что же он представляет из себя, совершенно непонятный и странный человек, не показывающий никогда — какой он на самом деле?

Эрик метался по кровати, проклиная себя за глупость. Он ненавидел себя за унижительное состояние беспомощности, за слова, сказанные так зря. Себя — за невозможность взять ситуацию в свои руки, как было раньше.

Злость — мощный стимулятор. Особенно, злость, которая не может найти выхода. Чувствуя, что он задыхается от невозможности выплеснуть эмоции, Эрик рывком подтянулся, вкладывая в это движение всю силу, и сел на кровати.

— Ты встанешь, — произнес он сквозь зубы, обращаясь к самому себе. Правая нога неуклюже шевельнулась, когда он попробовал двинуть ею. Левая нога упорно не шевелилась. Эрик подтянул её, помогая себе рукой. Опустил ноги вниз на пол.

— Помоги, — он протянул руку подбежавшему телохранителю.

Шаг. И пускай, он почти не ощутим, но как же он волнующе приятен.

— Вы делаете большие успехи, — доктор одел и снова снял очки, — У Вас поразительное желание восстановиться.

Эрик усмехнулся — когда есть цель, которую надо достигнуть любой ценой, вряд ли что-то может оказаться препятствием, которое нельзя будет преодолеть.

— Я планирую поскорей выписаться. Возможно — даже на этой неделе.

Тогда, когда из-под маски бесстрастного наблюдателя, которого ничто не могло вывести из себя, вырывался живой человек, Лия не могла устоять перед желанием всеми силами поддерживать это выражение искренности на лице Маргулиса.

Вот и сейчас она смотрела, как её рука почти исчезла в его больших ладонях, и не знала — продолжать ей обижаться на него или же просто забыть это?

Он провел пальцами по её руке, поднимаясь вверх.

— Я хочу наконец-то оказаться рядом. Подальше от этой надоевшей больничной обстановки. Переезжай ко мне, — пальцы замерли на её щеке. Лия перевела дыхание — ничего страшного не произошло.

— Я не буду нарушать твое личное пространство?

— К черту это пространство! — Пальцы Эрика впились в её плечо, почти делая больно. Через мгновение он отдернул руку, опомнившись, и торопливо сказал:

— Прости. Не знаю, что на меня нашло. Но я хочу, чтобы ты была рядом со мной постоянно. Понимаешь?

Лия разгладила складку на голубых брюках медицинской униформы.

— Давай обсудим это, как только ты выпишешься?

— Хорошо, — Эрик с облегчением вздохнул. На самом деле ему стало не по себе — на

какой-то момент он понял, что если бы не сдержался, то мог бы причинить ей боль. "Что с тобой происходит?"

Лия стояла у зеркала, отстраненно глядя на багровеющие отпечатки пальцев на плече. Резко задул в приоткрытую форточку ветер, отчего она поежилась и натянула футболку, скрывая синяки.

"Что с нами происходит?"

Давно следовало закрыть окно, но Лии не хотелось выползть из-под одеяла, где царили покой и защищенность. Глухо зазвонил телефон. Лия пошарила вслепую под подушкой, нашла его и, свернувшись поудобней, взглянула на экран.

"Обожать тебя на расстоянии тяжело. Прикоснуться к тебе — мечта. Спи спокойно".

Трясущимися пальцами Лия набрала номер центра обслуживания

— Мне необходимо сменить мой номер, — Заявила она оператору. Вежливый молодой человек попросил её подождать на линии.

— Ваш номер успешно изменен, а новый номер Вам выслан сообщением.

— Скажите, могут как-то узнать его через интернет? Или другим способом?

— Нет, — радостно ответил оператор, — подобное исключено.

Лия облегченно вздохнула и, поблагодарив его, отключила телефон. Глупо прятаться от кого-либо, знающего, где тебя найти. Но это помогало создать хотя бы иллюзию защищенности.

* * *

— Как дела? — Мила стянула с себя пальто, — Как поживает наш незаметный для всех твоих друзей парень?

— Хорошо, — Лия приоткрыла один глаз: после утомительной ночи она наслаждалась мягкостью дивана сестринской.

— Правда? И как, всё идеально? — Мила с загоревшимся взглядом застыла в предвкушении рассказа.

— Почти, — Лия разрушила её надежды на это, явно не собираясь распространяться.

— Кстати, ты знаешь, что Эйда в положении?

Лия широко улыбнулась — за единственного хорошего и не подверженного пороку сплетен человека она была готова порадоваться от души.

— А наш красавчик- доктор совсем, кажется, изменился, — Мила печально покачала головой.

— Что с ним? — Лениво ответила Лия, чтобы поддержать разговор.

— Он стал каким-то... — Мила повела руками, пытаясь подобрать слова, которых явно не находила, — Одним словом, он очень изменился.

Лия вскинула одну бровь, посмеиваясь над тем, что Мила потеряла запас красноречия в кой-то века.

— Он очень мало разговаривает. Допоздна сидит на работе. И перестал флиртовать! — Последний факт потрясал Милу сильнее всего.

— Возможно у него много работы, или же он пишет какую-нибудь диссертацию. Ну, или же просто повзрослел, — с трудом сдерживая смех при виде горя Милы о потерянном шансе флиртовать с доктором, предположила Лия. Она поднялась, дотянулась до косметички и, достав щетку для волос, принялась наводить порядок в хаосе пушистых волос.

Мила безутешно вздохнула.

Спустя полчаса Лия осторожно открыла дверь в палату.

— Ты никак не привыкнешь к тому, что я почти здоров?

Эрик повернулся к ней и, прихрамывая, двинулся навстречу.

— Наверно, — отозвалась Лия, глядя на него.

— Сегодня я выписываюсь, — Эрик сделал еще шаг навстречу ей. — Ты помнишь, что мы собирались обсудить?

Его голос упал почти до шепота. Лия закрыла глаза. Голос. Этот голос, он сводил с ума своим низким звучанием, обволакивая то заботой, то нежным прикосновением.

— Я хочу, чтобы ты жила со мной.

Он сделал еще шаг, оказавшись почти вплотную стоящим к ней.

— Я хочу засыпать и просыпаться с тобой.

Его голос рассыпался по коже электрическими искрами.

— Я не могу жить без тебя, поэтому хочу, чтобы нас ничто не разделяло. Ничто, понимаешь?

— А что будет, когда я тебе наскучу? — Внезапно сорвалось с языка, Лия на секунду опешила, но затем подумала: " Не жена, но подруга. Не известная модель с аппетитными формами или светская девушка, умеющая подать себя, как дорогую вещь. Обычная и не заметная. Он любит, но я не хочу стать просто прихотью. Да, видимо я — глупа, мне предлагают всё, а я с воплем останавливаюсь и задаю вопрос — хочет он быть со мной всегда или же на время, пока не пройдут эмоции?"

— Я не представляю своей жизни без тебя. Как может наскучить то, что дает смысл жить?

Эрик прислонился лбом к голове Лии. Рука, опиравшаяся на трость, дрожала.

— Тебе нельзя сильно напрягаться, — Лия подхватила его под руку.

— Ты не ответила, — напомнил ей Эрик.

— Давай пока я буду у тебя по выходным?

— Конечно, ведь тебе нужно привыкнуть к новому, — понимающе кивнул он, — Хорошо, пусть будет так. Но это ненадолго.

До Рождества оставалось меньше недели. Погода не капризничала — напротив, засыпав город в начале зимы снегом и застудив его, теперь улеглась небольшими морозами и ярко светившими в ночном небе звездами. Всюду царило предпраздничное настроение, весело перемигивались огоньки гирлянд. Запах корицы, ванили и цитрусов щекотал обоняние, заставляя погружаться в невообразимое смятение даже самых сухих и невозмутимых. Наступал праздник. Ощущение волшебства не покидало ни на секунду и придавало жизни яркие краски.

Вместе с тем Лию не покидало ощущение надвигающихся перемен. Изменений.

Она стояла возле дома, ожидая, когда пес напрыгается в снегу и вернется к ней. Сугробы были настолько велики, что достигали почти пояса. Хотя нельзя было исключать того, что весьма посредственные старания уборщиков просто смели снег с дороги на газоны и соорудили такие насыпи.

Закат окрашивал небо в радужные тона, придавая вечеру завораживающий оттенок. До этой части города не доносились шум и суэта центра, где сейчас достигал апогея предпраздничный ажиотаж — работающие на всю мощь бары, магазины, рестораны, множество людей и машин.

Лия медленно прокатилась по раскатанной детьми полоске льда. Собака подбежала и в приступе восторга решила помочь ей ехать дальше, для чего обхватила её своими большими лапами. И естественно, уронила. Сидя в снегу и пытаясь смахнуть его с лица, Лия засмеялась. Да, праздники — это чудесно.

Эрик откинулся на сидение и закрыл глаза.

Он сидел в машине, в квартале от её дома. Сегодня он понял, что нужно сделать, чтобы она никогда не оставила его. Правда, он сомневался, что она поймет его, если он вот так, внезапно обрушит на неё свои слова.

Он не мог ничем заниматься, что бы мысли о ней не преследовали его каждую секунду. Ему хотелось постоянно ощущать её присутствие, чтобы запах её духов витал везде — в доме, в кабинете. Чтобы протянуть руку и коснуться её в любую секунду.

Он не был пятнадцатилетним подростком, но ощущения и чувства, внезапно проснувшиеся в нем, были похожи на безумный водоворот, затягивающий безвозвратно. Она придавала ему уверенности в себе, и это было ему необходимо.

Эрик глубоко вздохнул и распахнул дверь машины. Мягко скрипел под подошвами обуви снег, напоминая о том, что все усыпано пушистым ковром, и в городе царит зима.

Пес настороженно тьякнул на приближающегося мужчину. Лия наконец-то отряхнула снег и взглянула на него. Она сидела на снегу, шапка съехала на затылок. Волосы растрепались и выбились. Эрик протянул ей руку, предлагая подняться.

Лия отряхнулась.

— Я должен лететь в Италию.

Лия кашлянула, заправляя волосы. Начал падать снег. Эрик молчал, ожидая ответа.

— Ты едешь туда надолго? — Лия взглянула на него.

— Нет, на пять дней.

— Это деловая поездка?

— Не совсем. — Видя, что Лия молчит, Эрик произнес:

— Я хотел бы поговорить с тобой. Не знаю, как ты отнесешься к тому, что я скажу.

Лия кивнула, словно он мог её увидеть.

— Переезжай ко мне.

— Хорошо, — одно единственное слово разорвало скованное молчание. Она думала, что Эрик произнесет другое, и ощутила странное разочарование.

Он струсил, произнеся совсем не те слова, которые хотел сказать, прося её стать частью его жизни. Вместо этого он произнес какую-то пустяковину, совсем не имевшую ничего общего с предложением. Почему он не смог сказать этого в последний решающий момент? Что останавливало его от того, что он считал нужным и хотел воплотить в жизнь?

Он струсил, произнеся совсем не те слова, которые хотел сказать, прося её стать частью его жизни. Вместо этого он произнес какую-то пустяковину, совсем не имевшую ничего общего с предложением. Почему он не смог сказать этого в последний решающий момент? Что останавливало его от того, что он считал нужным и хотел воплотить в жизнь?

Просыпаться рядом с любимым человеком — что может быть прекрасней? Ощущая, что в жизнь вошло нечто новое, заставляющее стремиться отовсюду обратно, туда, где ждут и словно горит теплое пламя, жар которого защищает и ласкает. Эрик закрыл глаза, глубоко вздохнул, понимая, что улыбается, и повернулся к Лии.

— Привет, — она улыбалась.

— Привет, — Эрик нашел её руку, сплетая пальцы, — Какие планы на сегодня?

Она приподнялась на локте, видимо, пытаясь выглянуть в окно. — Даже не знаю.
— На улице метель, — произнес он, — кажется сегодня мы — заложники стихии.
Ветер бросал снег горстями в окно, шорох метели легко проникал сквозь стены.
— Или у тебя? — Предположила Лия, посмеиваясь.
— Или у меня, — заверил Эрик, притягивая её к себе.

* * *

Никто не знает — где в его жизни проходит граница, и когда он приближается к ней. За редким исключением, когда все чувства так обострены, что малейшая перемена ощутима еще в самом своем начале.

Лия всегда жила тихо, стараясь не оказываться в водоворотах жизни. Но сейчас ощущение чего-то надвигающегося не покидало края сознания. Так чувствуется гроза в еще ясном небе. Когда ничто не предвещает её, но все уже замирает в ожидании. Она старалась не задумываться, неясно понимая — если что-то должно произойти, то никакие мысли не остановят и не изменят этого.

Лия шла по застывшей аллее, в зябкой тишине только снег потрескивал под ногами, нарушая мертвый сон парка. Бежавшая рядом собака тоже была поражена вирусом зимней сонливости — ни привычных прыжков, ни лая, только деловитое помахивание хвостом.

Верится ли, что все судьбы подчинены чему-то неведомому, направляющему каждого туда, куда ведет его судьба? Не каждый захочет признавать, что он — лишь в малой доле кузнец своей жизни, способный только корректировать её изгибы своими действиями. Человеку необходимо доказывать всем и себе — в первую очередь, что он самостоятелен, никому не подчиняется и ни во что не верит. Когда же жизнь продолжает разрушать его старания, он впадает в состояние озлобленного отчаяния, не желая понимать, что сам изначально допустил ошибку, принимая на себя слишком много.

Ведь и правда, сложно понять, что от маленького шага зависит куда как больше, чем от полновластного размаха.

— Лия!

Неожиданный окрик заставил Лию вздрогнуть и вынырнуть из своих размышлений. Она замедлила шаг, удерживая собаку на поводке.

Распахнутое пальто, спешно наброшенный шарф. Дорнот шумно выдохнул, останавливаясь рядом с Лией.

— Добрый вечер, — она решила не обращать внимания на странности встречи.

— Гуляете?

И снова, за светлыми глазами прошло что-то необъяснимое. Словно при взгляде в зеркало, в отражении видишь, как там — в зазеркалье проходит что-то неспешно и уверенно. Но разум уверяет, что это — лишь блик, игра воображения. И только подсознание упорно вторит, что — нет же, там есть что-то.

"Что-то со мной не так", — подумала Лия, прогоняя некстати появившиеся мысли.

— Да, — кивнула она на собаку, — Долго сидеть дома сложно.

— А я возвращался с госпиталя, — Доктор вновь был очарователен, улыбка играла на лице, и Лия невольно тоже улыбнулась, — Одной в темном парке гулять не стоит. Даже с таким грозным зверем. Я провожу Вас?

Он был, вообще-то, прав — темнота парка давила, внушая желание пойти скорей прочь,

ближе к свету. Лия зябко поежилась, представляя — как пойдет в одиночку мимо темных поворотов аллей, застывших в снежном молчании. На ум начинали приходить только жуткие истории. Она кивнула:

— Да, спасибо.

Лицо Дорнота словно осветилось изнутри, придав ему более спокойное выражение. Словно то, что его беспокоило, ушло и разгладило все хмурые тени, менявшие взгляд, интонацию.

Под ногами хрустел снег, сухой и звонкий звук оживлял тишину. Первой прервала молчание Лия.

— Как ваши дела?

— Хорошо, — доктор улыбнулся, — Надеюсь, что так и будет дальше.

Лия помолчала и вновь заговорила, стараясь не терять искру разговора, словно маячок, освещавшую молчание.

— А как Ваша семья?

— Жива и здорова. Проживание на природе в поместье всегда шло им на пользу.

— У Вас есть свое поместье? — Удивилась Лия. Доктор кивнул. Это была любопытная новость, но вполне ожидаемая, дабы разъяснить некоторые белые пятна в понимании поведения Дорнота. Он отличался манерами и презрительным высокомерием человека, ставящего себя на другую ступень общества, а его привычки в обыденной жизни так же говорили о том, что над его воспитанием работали долго и плодотворно.

— Наверно это здорово — собственные угодья, земля, — Лия размышляла вслух. Ян засмеялся:

— Чтобы Вам было понятней, с одной стороны оно граничит с лесным массивом, с другой — начинаются предгорья. Там часто стоят туманы, но каменная кладка до того прочно сложена, что вполне вынесет еще лет триста непогоды.

Лия озадаченно взглянула на него. Нарисованная им картина поражала воображение.

— А зимой всё покрыто снегом, порой только центральная дорога остается проезжей и соединяет с остальным миром.

Она попыталась представить услышанное, но в голову отчего-то приходили старинные замки.

— Зимой всё покрыто снегом, а туманы превращаются в морозную дымку, которая ложится между небом и землей. Покрываются инеем камни, словно их укрыли кружевом. Стоит такая тишина, что слышно, как от мороза потрескивают деревья в соседнем лесу.

Если это место существовало таким, как его описывали, оно было волшебным. Но самое удивительное было в том, что голос рассказчика оживлял каждое слово. Это был странный голос, рисовавший каждым звуком, паузой и интонацией картину, проникавший в каждый уголок сознания, которое заморожено смотрело на открывавшиеся перед ним виды.

— Вы выросли в прекрасном месте, — покачала головой Лия.

Ян кивнул. Опустил руки в карманы пальто и замолчал, размышляя о чем-то.

Они подошли к выходу из парка, и он остановился.

— Помните, мы говорили о любви? — внезапно спросил Дорнот. Лия кивнула. — С тех пор, как она входит в жизнь, ты отравлен ею. И это неизлечимо.

Он помолчал, затем беспечно улыбнулся:

— Доброго вечера.

Уже которую ночь непонятные кошмары не давали Лии спать. В них она бежала куда-то, стараясь достигнуть спасительного рубежа, но кто-то, стоящий у границы, отворачивался раньше, чем она успевала позвать на помощь. Бег, погоня, безнадежность и свет, обманно манивший спасением, но превращавшийся в тупик — это преследовало ее. Но днем неприятные воспоминания рассеивались.

Вот и сейчас, она подскочила на кровати, выныривая из липкого кошмара. В окно смутно светила убывающая луна, пробиваясь сквозь рваные облака. Лия закрыла снова глаза. Нельзя позволять ничему выводить себя. Она повернулась, сворачиваясь поудобней под одеялом, и стараясь не думать о сне.

Граница, манящая спасительным светом, приближалась, обнадеживая и успокаивая. И стоящая у черты фигура медленно поворачивалась навстречу. Лия знала, что это — тот, кто ей поможет, кажущийся родным и знакомым. Но до черты оставалось полтора шага, и свет внезапно откидывал её, а человек так же медленно шагал прочь, оставляя её на той стороне.

И почему то каждый раз она знала, кто этот человек. И от этого становилось еще страшней.

Мила скучаяще разглядывала ногти, обдумывая — насколько правильно будет потратить деньги на французский маникюр, или же приобрести те дизайнерские туфли, которые она присмотрела вчера по дороге с работы? Выбор был крайне непросто, поэтому требовалось хорошо поразмыслить.

Но все мысли внезапно вылетели из головы, когда её рывком подняли на ноги.

— С кем она встречается?

Жесткие пальцы впились в плечи, а перед глазами возникла отвратительная до невообразимого гримаса, не имеющая ничего общего с человеческим лицом. Мила зажмурилась.

Её тряхнули с ощутимой силой так, что зубы непроизвольно лязгнули, угрожая расколоться. Она открыла глаза настолько, насколько позволяла храбрость. Светлые глаза, оставались светлыми, но при этом Мила понимала, что они кажутся ей черными и пустыми. Перекошенное же лицо каждой черточкой дышало ненавистью, абсолютно не напоминая ей никого, кому бы она могла так досадить.

От увиденного Миле показалось, что она сходит с ума, если уже не сошла. Она действительно не узнавала этого человека, но в тоже время могла поклясться, что знает его.

— С кем она встречается?

Это точно была не шутка. Подсознание предостерегающе завопило, что всё может стать еще хуже. Вызвать охрану она не сможет, находясь прилично далеко от кнопки вызова, а уложить ненормального — тем более ей не по силам.

— Кто? — прошептала Мила.

— Твоя подруга.

В голове сразу возник образ Лии. Выдать её явному недоброжелателю Мила не хотела и, набравшись смелости, прошелестела:

— Я не знаю, не знаю.

Нависшая над ней фигура словно стала увеличиваться, подавляя темнотой вырывающейся из неё. Пальцы цепко ухватились за горло. "Лия, прости", — подумала Мила,

осознавая безнадежность своего положения. Она не хотела умирать вот так — сейчас, нелепо и болезненно, но продолжавшие сжиматься пальцы напоминали ей об этом.

— Клянусь, не знаю! — Мила вцепилась в руки на своей шее, пытаясь хоть на миллиметр освободиться, чтобы вздохнуть. — Он приезжал за ней, но я не видела его.

Лицо приблизилось к ней, он почти прислонился ко лбу Милы.

— Для тебя же лучше, чтобы ты не лгала, — прошелестел шепот. Мила заметалась, хрипло втягивая в себя последним усилием воздух. — Надеюсь на это, — прозвучало из надвигающейся черноты, и вместе с этим в легкие ворвался воздух, унося Милу в пустое и спасительное никуда.

Часть 2.3 Обратная сторона света

Лия шла по улице, ощущая новый приступ паники. Она так надеялась, что это пройдет, но вновь появившийся чей-то пристальный взгляд, словно прицел, остановившийся на ней, сообщал ей, что она глубоко заблуждается. Борясь с желанием ускорить шаг и оглянуться, Лия продолжала идти. До кафе, где она встречалась с братом и его женой, оставалось несколько шагов и, поэтому бежать от собственных домыслов было нелепо.

Вечерело. Город медленно погружался в очередную ночь, при этом, вовсе не затихая и не засыпая. Она попросит брата подвезти её обратно, и все страхи пройдут сами.

Лия вошла в кафе. Теплый воздух приятно согревал кожу, возвращая ей чувствительность после морозного онемения. Кажется, она сегодня даже опоздала — брат сидел за столиком, а Мелани недовольно оглядывалась. Положительно, эта женщина никогда не была довольна жизнью, или же была крайне редко.

Пробираясь между посетителями, Лия подошла к столику.

— Привет, — радостное пожатие большой руки брата и скупой поцелуй золовки в щеку — словно клюнула.

— Мы ждем тебя уже полчаса.

— Зато согрелись, — перебил брат жену, — Я заказал тебе кофе. Уверен, что после такого холода он будет кстати.

Лия улыбнулась, сейчас она была приятно утешена, что брат поставил на место склочную бабу. По крайней мере, та не пыталась вмешаться в разговор.

— Спасибо, — Лия уселась поудобней.

— Как мама?

— Спасибо, хорошо. Собирается поехать на неделю, отдохнуть с подругой. — Лия не стала говорить, что не всегда теперь бывает дома. Позже, с глазу на глаз она расскажет новости брату, но не сейчас. Не при длинном и сплетнивом языке Мелани. Сейчас же она пила кофе, слушая рассказы и новости, с увлечением передаваемые золовкой, обо всем, что произошло за последние полгода. Большинство из них, правда, было далеко не ново, но Мелани это не смущало.

— Кстати, я хотела бы познакомить тебя с нашим другом. Мы как раз ждем его с минуты на минуту.

Лия взглянула на брата — он снисходительно выслушивал всё, очевидно, за недолгое время поняв, что представляет из себя его жена, и почти безразлично относясь к её выходкам. "Они на пути к разводу", — внезапно подумала Лия, делая вид, что слушает Мелани.

— Кстати, вот и он, — встрепенулась та.

— Добрый вечер всем.

Лия медленно вдохнула, пытаясь скрыть кашель. Кажется, она поперхнулась, чуть не захлебнувшись от неожиданности.

— Познакомься, это доктор Дорнот, — Мелани встрепенулась, принимая "боевую стойку", как и все женщины, сталкивавшиеся с доктором и его чарами. Лия поставила чашку и подняла глаза. Неторопливо расстегивая пальто и оглядывая зал, перед ней стоял Ян. Лия взглянула на брата — судя по всему, тот был тоже хорошо знаком с доктором.

— Очень приятно, — Дорнот сел на плетённый стул, — Но мы с Лией уже знакомы.

Мелани казалась неприятно пораженной.

— Мы работаем в одном госпитале, — сдержанно пояснил доктор. Лия пребывала в недоуменно-раздраженном состоянии, стараясь не показывать этого и не прерывать разговора. На удивление, брат и его жена оживленно беседовали с Дорнотом, совершенно непринужденно и по-дружески участвовавшим в беседе. Он почти не смотрел на Лию, словно её и не существовало.

Тем временем Мелани разошлась не на шутку, заливисто смеясь и почти заигрывая с доктором.

— Как Вы думаете, стоит женщине заниматься научной деятельностью? — она пыталась продемонстрировать свой ум. Вероятно. Но со стороны, это выглядело смешно.

— Почему бы и нет, — Доктор чуть вскинул бровь.

— Но, это ведь настолько не свойственно женской натуре, — протянула Мелани.

— Женской натуре свойственно очень многое, — пожал он плечами.

— Но она теряет крайне много.

— Например?

— Например, — Мелани постучала пальчиком по подбородку, — Смотрите, вот наша Лия. Она вся в учебе, в работе. А наши родители в её возрасте уже имели семьи, и детей. Разве это нормально для женщины?

Лия оглушено качнула головой. У неё горели уши. Нет, не горели, а полыхали. Это было настолько унижительно, что она хотела провалиться сквозь землю. Её только что опозорили, далеко не тонко намекнув на то, что она не имеет ничего стоящего для женщины, являясь, по сути, именно пустым местом.

— Мне кажется, Лия — отличный пример того, что её будущей семье повезет не только с хорошей матерью, но и с умной женой, способной понять и поддержать мужа.

Лия задержала дыхание, стараясь справиться с непрошеными слезами обиды. На её руку внезапно ободряюще опустилась большая ладонь Дорнота, мягко и успокаивающе пожимая её пальцы. Голос доктора словно продолжал звучать в воздухе.

Наконец пришел в себя брат, на его лице играла гамма неприятных эмоций и казалось, что он бы сорвался, если бы не находился в полном посетителей помещении:

— Уверен, если бы спросили моего мнения, я бы предпочел женщину, умеющую мыслить, похожую на мою сестру. А не тратил бы время на то большинство, что торопится выйти замуж и затем умеет лишь тратить деньги и съедать мозг мужа.

Мелани побагровела от возмущения, но взглянув на супруга, не решилась возразить. Рука Яна продолжала бережно и успокаивающе держать ладонь Лии. При этом сторонний наблюдатель решил бы, что доктора абсолютно не волнует сидящая рядом соседка, настолько он был поглощен своими мыслями и наблюдением немой сцены между сидящими напротив супругами.

Лия уже оправилась от обидного выпада золовки, но теперь ее повергало в немое удивление то, что происходило на невысказанном уровне между Дорнотом и ею. Такого молчаливого участия и чуткости она могла ожидать от кого угодно, но только не от него.

Она чуть шевельнула пальцами, и в ту же секунду рука доктора исчезла.

— Кажется, я дурно себя чувствую, — заявила Мелани, осознавая, что ей пора удалиться, не потеряв последних остатков уважения со стороны мужа.

— Я подвезу тебя, Лия, — брат достал бумажник, мельком взглянув на счет.

— Не беспокойтесь, я позабочусь о ней, — отозвался Дорнот. Брат облегченно вздохнул — даже дураку было ясно, что совместное времяпровождение Лии и Мелани грозит только новыми бедами, пусть даже это будет просто поездка в одной машине.

За столиком опустело, после шумного голоса Мелани, словно лезшего в уши наподобие назойливого мотива воцарилась долгожданная тишина. Лия поежилась.

— Вы замерзли? — Дорнот проводил глазами проходящую официантку.

— Пожалуй, я пойду домой, — пробормотала Лия. Она была не в настроении изображать разговорчивость, и без того неприятное состояние словно окутало её холодящим воздухом. Кажется, слова глупой Мелани задели её куда как больше, чем она ожидала. Да, в какой-то мере ей казалось, что она медленно шагает вперед, тогда, как другие уже обогнали её и умчались за горизонт. Но с другой стороны Лии всегда казалось глупым торопиться жить, все должно приходиться в свой момент. И жизнь казалась вполне насыщенной, чтобы жаловаться на пустоту. И все же было обидно. Одно дело, когда шепчутся за спиной, другое — когда в глаза называют неудачницей. Особенно — при людях, при которых такой казаться не хочется.

Лия вышла из помещения, вдыхая свежий морозный воздух. Неторопливо пошла вдоль освещенных домов. С каждым новым шагом из головы уходило все плохое, и Лия остановила себя на мысли, что смотрит на горящую огоньками вывеску с изображением рождественских оленей, и на лице появляется улыбка.

Позади неё раздался сигнал машины, притормозившей у тротуара. Ян открыл дверцу и неторопливо поправил зеркало заднего вида, пока Лия садилась. Когда она пристегнулась, он положил руки на руль:

— Я думаю, Вам стоит сперва развеять дурное настроение, а потом ехать домой.

— Но я не хочу, — возразила она.

— Поверьте мне, — доктор плавно вывел машину на полосу трассы. Он был прав — вряд ли она сейчас сидела дома спокойно, скорей остаться наедине с обидой и гнетущим состоянием было бы куда как хуже.

— Как давно Вы знакомы с моим братом и его семьей? — Лия смотрела на проносящиеся за окном дома, мерцающие огни, заснеженные деревья.

— Недавно. Я консультировал их, затем как-то стали общаться.

— А как давно? — продолжала спрашивать Лия, отчего-то это казалось ей важным.

— Около полугода, — беспечно кивнул доктор.

Лия смотрела в стекло на отражение Дорнот и боролась с волной острого недовольства, поднимавшегося в ней. Недовольства от непонимания поступков этого человека

— Если Вы не очень замерзли, давайте выйдем из машины. На это лучше смотреть, стоя на своих ногах.

Дорнот заглушил мотор и вышел из машины. Лия последовала его примеру.

Он оставил машину наверху склона одного из холмов, окружавших город, который лежал под ногами словно в чаше, мерцающий и нереально далекий. В холодном воздухе остро светили звезды, маленький рожок месяца словно покачивался в ясной черноте ночи. Лия смотрела на открывающуюся перед ней картину и наслаждалась ею. Тишина спокойно оплетала, баюкала и уносила вдаль.

Наконец она оглянулась, ища своего спутника. Он стоял, прислонившись к машине, и Лия натолкнулась на пристальный взгляд, наблюдающий за ней.

— Спасибо, что привезли сюда. Это прекрасное место, — Лия потеряла застывающие

пальцы.

— Вы замерзли, садитесь, — он кивнул на машину. Лия молча направилась к ней. В салоне было тепло, от приборной доски расходился тусклый свет.

Она взглянула в окно на ночной город, переливающийся огнями, запоминая его таким.

— Люди никогда не ценят то, что имеют. И просто бросают в угол то, что так легко им достается. — Голос доктора был полон ядовитого сарказма, звучавшего неожиданно.

— Не все, — возразила Лия.

— У них есть все. Подобная ночь и красота — не единственные в своем роде, но разве их кто-то замечает? Люди никогда не ценят достающегося даром. — Он повернулся к ней и продолжил: — Если бы Вы имели все, что пожелаете, обратили бы внимание на то, что Вам скромно предложили бы?

— Я не понимаю, — тихо ответила Лия, растерявшись. Дорнот подался вперед, и с каким-то непонятным холодом в голосе повторил:

— Если бы Вам предлагали душу, ни в обмен на что-то, а просто так. А Вы при этом имели бы все, что может только человек пожелать. Обратили бы Вы внимание на это?

— Конечно да, — Лия старалась оставаться спокойной.

— Вы устали. Я отвезу Вас домой, — помолчав несколько секунд, сказал Дорнот.

Переход от злобного сарказма до внезапной заботы и внимания довел Лию до крайней точки кипения. Она молчала, пытаясь найти объяснение происходящему.

— Если Вам хочется что-то сказать мне, скажите, — Ян слегка постукивал пальцами о руль. — Не молчите. Вы кипите, но пытаетесь оставаться леди. Не стоит, просто выпустите эти слова наружу.

Казалось, что он или тонко смеется над её эмоциями, или же хочет услышать то, что она скажет.

— Я знаю Вас не так давно, — Лия сжала пальцы, заставляя себя говорить отчетливо и спокойно, — Но, по-видимому, раз разговор зашел настолько далеко, то я могу позволить себе сказать, что не знаю Вас вовсе. Я видела Вас разным. И каждый раз Вы играете, словно меняя маски. К чему это? Я не могу понять. Не могу понять — кто же Вы.

Дорнот молчал, глядя вдаль. В полутьме не было видно его лица, но повисшее в воздухе напряжение наполняло все чем-то похожим на электричество, настолько ощутимыми становились эмоции и мысли.

— К чему всё это? Неужели просто нельзя быть кем-то одним?

Ей показалось, что она почти выкрикнула эти слова. Наступила тишина, нарушаемая лишь глухим рокотом работающего мотора. Лия мучительно искала слова, чтобы загладить ситуацию, но почему-то ничего не приходило в голову. Лицо Дорнота смутно вырисовывалось в отражении на стекле, насмешливо напоминая ей маску. Спокойная не так давно тишина превратилась в опасное затишье перед бурей.

Внезапно Дорнот спокойно улыбнулся и расслабился:

— Возможно, Вы правы.

Кажется, он хотел еще что-то добавить, но заменил это своей странной полуулыбкой, которая словно говорила, что её обладатель понял то, что не прозвучало, и услышал отзвук мысли, промелькнувшей, но невысказанной. Вместо этого доктор уверенно вывернул руль, поворачивая с холма. Затем плавно вывел машину назад на дорогу.

Снова повисло ощущение, что ничего не было, и Лия устало закрыла глаза. Хватит с неё этих шарад на сегодня. Хватит. Что-то в них грозило надвигающейся бурей, которая

приходит незаметно, но если пришла — не оставляет ничего прежним.

* * *

Тихо потрескивающий огонь в электрическом камине убаюкивал, навевая дремоту. Лия сквозь ресницы смотрела на Эрика, неспешно перемещавшегося по комнате и погруженного в свои мысли. Под тканью простой рубашки перекачивались мускулы, когда их хозяин машинально проводил рукой по волосам или протягивал ладонь навстречу предметам, возникавшим на его пути. Это тренированное тело напоминало, что, несмотря на недостаток зрения, его хозяин обладает силой и может быть опасен. И это успокаивало, хоть Лию и не покидало странное и неприятное ощущение чьего-то взгляда, словно она была на прицеле.

Эрик ощущал её взгляд на себе. Где-то в груди разливалось теплое удовлетворение, словно все пустующие ниши его жизни были заполнены, а всё, что он мог пожелать, он получил.

Правда её напряжение было несколько ощутимым, словно что-то вкрадывалось непонятное в спокойное и надежное течение жизни. Эрик стряхнул непонятную тревогу, но повернулся к Лии.

— Все хорошо?

Она села, подобрав ноги по-турецки, и помедлила, прежде чем отвечать, взвешивая свои слова:

— Да, всё хорошо.

Заставить себя улыбнуться было не так сложно, зная, что он услышит эту улыбку в оттенке голоса. Лия размышляла — сказать или нет о том, что происходило с ней в последнее время.

— Я знаю, что это выглядит глупо, но иногда мне кажется, что кто-то следит за мной.

Ветер бросил снег в окно, ударяясь в стекло. Лия напряженно смотрела на язычок ненастоящего огня. Эрик улыбнулся, опустился рядом с ней и обнял за плечи:

— Ты столько переживала за последнее время, что это все не удивительно. Поверь, моя охрана не просто так получает деньги. Просто старайся думать о хорошем. И это пройдет.

Она криво улыбнулась, хотелось верить в его слова. Но что-то упорно твердило, что это не просто игра воображения. Доказывать же и возражать, разрушая тепло и уют этого вечера, Лии не хотелось.

Впервые за всё время Лия поняла, что работа не приносит ей прежней радости. Дух болезни и боли, кружащий над госпиталем, проникающий в душу и отравляющий, овладевал и Лией. Она понимала, что на смену прежнему состраданию, которое помогало в работе, приходит какое-то болезненное онемение, а мозг, уже уставший от постоянных картин чьих-то страданий, больше не хочет воспринимать их.

Лия доставала ампулы для вечерних процедур, сверяясь со списками назначений. Случайно подняв глаза, она натолкнулась на Дорнота, неподвижно стоящего в дверях процедурного кабинета. От неожиданности Лия уронила журнал и спешно наклонилась за ним, скрывая испуг.

— Вы вся в работе.

— Вы напугали меня, — призналась Лия, поднимаясь и открывая журнал на нужной

странице.

— Я только зашел, — доктор кивнул на дверь, — Решил спрятаться на несколько минут в тишину. Вы позволите?

Лия пожалала плечами и отвернулась к столику с лекарствами. Повисла тишина — непонятная, но и не тягостная.

— Гнетущее состояние раздражает всё внутри, — внезапно сказал доктор, — Что-то внутри требует уйти как можно дальше. А разум его не слушает и продолжает засыхать в атмосфере напряжения и боли.

Лия замерла. Читать мысли доктор не умел. Или умел — иного объяснения ей в голову не приходило, ведь он как нельзя четко описал то, что творилось с ней.

— Возможно, — осторожно ответила она.

— Только тепло дома и любви спасает от полного онемения.

Лия медленно поставила очередную упаковку препарата на блестящее покрытие стола, полностью превратившись вслух и понимая, что всё это имеет свой смысл.

— А если их нет? Что спасет тогда?

Лии не требовалось оборачиваться, чтобы понять, что доктор подошел ближе и, вероятно, стоит за её спиной. Она молчала, понимая, что ответа ей не придумать.

— Что если внутри создается пустота, которая разъедает изнутри, пуская корни все глубже? Если она превращает прежнюю жизнь в повторяющийся кошмар из вчера и сегодня? В котором ты задыхаешься, не находя выхода, а мир вокруг превращается в серые краски, навязчиво бросающиеся в глаза?

Его голос упал до лишнего оттенка шепота. — Как заполнить эту пустоту?

Раздался хруст стекла, и Лия молниеносно обернулась. По руке доктора, набирая скорость, стекали капли крови, собираясь в маленькие струйки и звучно падая на пол. Доктор заморожено, как во сне, смотрел на руку, будто не ощущая и не замечая ничего. Затем одновременно с Лией поднял голову, и их взгляды пересеклись. Вероятно находясь в своих мыслях, он взял со стола ампулу, как обычно люди бесцельно держат в руках предметы, порой и, не замечая их.

Лия очнулась первая и, схватив лежащий в кармане бинт, шагнула к доктору. Кровь продолжала течь. Стараясь остановить её, Лия сжала запястье Дорнота, лихорадочно думая, что надо убрать осколки, промыть рану и продезинфицировать её. На всё это требовалось время, а осколки похоже зашли глубоко в ткань, поскольку кровь продолжала течь.

— Поверните руку, — попросила Лия, — надо её промыть.

Когда происходило что-то незапланированное и экстренное, время словно замедляло бег. Как сейчас. Она продолжала удерживать пальцы на точке прижатия, как учили в колледже. Оглянулась, рассчитывая — как далеко до раковины и до стоящего на углу антисептика для обработки.

Рука доктора дрогнула и внезапно сомкнулась на её ладони, словно связывая их. Лия ощутила горячую влагу крови, распространяющуюся по ладони. Дорнот шагнул ближе, наклоняясь к лицу Лии и крепче сжимая кровавоежатие. Осколки ощутимо царапали кожу, и Лия внезапно подумала, что он будто специально сжимает ладонь, загоняя их глубже. Кровь звучно ударялась о пол, как метроном, отсчитывая секунды.

Лия успела решить, что доктор явно не в себе. Это все объяснило бы. Но тот внезапно поцеловал её. На обычный поцелуй это просто не было похоже, настолько неожиданно и быстро всё произошло. Он осторожно и почти благоговейно коснулся её губ и отстранился

так, что Лия не успела ничего даже предпринять. Дорнот был гораздо выше неё, и Лия смотрела на него, почти запрокинув голову.

И снова из глубины глаз на неё смотрел кто-то другой. Чужой. Хотя она не могла сказать, что что-то изменилось в облике доктора. Сейчас она не могла сказать вообще ничего, лихорадочно думая, что любое её действие способно скорей навредить.

Он отступил на шаг, медленно расслабляя пальцы, удерживающие её руку, и по-прежнему пристально глядя на неё. Словно что-то искал в выражении её глаз и пытался заглянуть туда, где люди прячут невысказанное. Затем внезапно отпустил её и вышел из кабинета.

Лия набрала полные легкие воздуха и шумно выдохнула. Это было похоже на выходку больной фантазии, но чересчур реалистичную, о чем многозначительно напоминала кровь на полу. Любитель ужасов пришел бы в неописуемый восторг, видя подобное зрелище. Но она восторга не испытывала, даже наоборот — запоздало проснувшийся испуг брал свое, заставляя руки мелко дрожать, а тело — покрываться холодным потом.

Нетвердой походкой она добралась до кушетки для инъекций и опустилась на неё. Она не позволит ничему вывести себя, насколько бы ей это не было выходящим за рамки.

— Всё хорошо? — Мила шумно толкнула дверь, пытаясь удержать большой пакет с рентгеновскими снимками, — Ты поранилась?

— Нет, — Лия качнула головой, ощущая, что на неё накатывает волной ужасное желание заорать, разбить что-нибудь и при этом — засмеяться. Это всё выглядело самой обычной истерикой, будто она — наитупейшая баба из анекдотов, увидевшая мышь или паука. От возникшей перед глазами картины смеяться захотелось ещё больше. Лия закашлялась, сдерживаясь.

— Мне кажется, что тебе точно нужно взять выходной, — с опаской оглядывая кабинет, посоветовала Мила, — но сперва, расскажешь, что тут произошло?

— Собственно говоря, ничего, — Лия поднялась, — Доктор разбил ампулу и, решив помочь прибраться, порезал палец. Это оказалось слишком для его впечатлительности, и он оставил нас с осколками в гордом одиночестве.

— Ну, иного ожидать и не следовало, — поморщилась Мила.

Лия кивнула, надеясь, что Мила удовлетворится подобным объяснением.

* * *

Сегодня был особенный день. Особенный тем, что уже было полгода, как они впервые встретили друг друга. Такому дню соответствовала солнечная погода, вносящая разнообразие в последние зимние дни.

Машина затормозила, останавливаясь напротив госпиталя. Эрик поднял лицо, выходя из салона, сужавшего мир до размеров металлической конструкции. В лицо дохнул ветер, несущий с собой отзвуки приближающейся весны, и он улыбнулся. В последнее время улыбка так прочно поселилась в нем, что он ловил себя на том, что просыпается с ней, что она появляется сама по себе подчас на пустом месте.

Пальцы коснулись бархата коробочки, надежно спрятанной в кармане пиджака. Прошлись по мягкой поверхности. Он повернул лицо навстречу лучам солнца еще не таким жарким, но уже достаточно теплым. Эрик уже давно не носил темных очков, пытаясь

прятать за ними глаза как раньше. Как-то само собой он перестал испытывать в них необходимость, не задумываясь о том, что скажут или подумают окружающие, увидев его незрячий взгляд. Это было так необычно и прекрасно — ощущать себя свободным. Да, именно — свободным. И таким он смог стать тоже благодаря ей.

Эрик приблизился к дверям госпиталя.

— Вам помочь? — Окликнул его кто-то из проходящих.

— Спасибо, я сам, — дружелюбно отозвался Эрик и толкнул массивную дверь.

Лия уловила вибрация телефона, неотрывно наблюдая за последними каплями препарата в капельнице, перехватила момент, когда тот закончился, и перекрыла систему. Теперь можно было добраться до телефона.

Белые панели вестибюля усиливали освещение в два раза, поэтому казалось, что лампы горят гораздо ярче. Никто до сих пор не встречал Лию ни в колледже, ни в старшей школе, поэтому ощущение смущения и гордости одновременно было ей новым и приятным. Словно говорящее: эй, смотрите — этот красивый мужчина встречает меня!

Лия хихикнула, одернула себя и направилась к стоящему у стены Эрику. Он привлекал взгляды, даже не подозревая о том, что сейчас на нем прожигают глазами отверстия все присутствующие в помещении женщины.

— Вы кого-то ждете?

— Уже дождался, — он, не теряя ни секунды, заключил её в плотное кольцо своих рук.

— На нас смотрят, — напомнила Лия, попутно думая, что вобщем-то наплевать — смотрит ли кто-то или нет.

— У меня для тебя есть сюрприз. Но сперва нам надо оказаться как можно дальше от твоей работы и толпы зевак, — он сделал гримасу.

— Я только за, — засмеялась Лия, — И если ты тоже так думаешь, то нам надо поскорей уходить.

Эрик направился к выходу, подстраиваясь под её шаги. У самых дверей Лия поняла, что в спину ей опять направлен чей-то взгляд. И на этот раз это не было фантазией. Или же было? Времени оборачиваться не было — рядом с ней шел человек, который был куда как важней, чем все страхи. Она изо всех сил отбросила прочь морозящее ощущение. Закрывшаяся за ней дверь оставила всё надежно позади.

Небольшой, уютный ресторан, приветливо встречающий посетителей стилизованной под Индию атмосферой, окутывал полусветом, дурманил ароматами специй и очаровывал негромкой музыкой. Заказанный для них столик находился за аркой, в отдельном зале, где не было никого. Лия, не очень любившая рестораны и кафе, ощущала себя довольно-таки уютно. Ничто не мешало расслабиться и просто наслаждаться местом и временем. Эрик словно видел её эмоции, тонко полуулыбаясь в полумраке. Это тоже не беспокоило Лию, скорее — как то согревало. Она давно не ощущала такого полного спокойствия и удовлетворения. И именно сейчас понимала, что работа крадет у неё куда как больше, чем она сама предполагала.

Мягко ступающий официант наполнил бокалы и так же неслышно исчез в игре теней. Эрик протянул руку, беря ладонь Лии.

— Сегодня не простой день. Сегодня полгода, как ты вошла в мою жизнь. Я не смог бы дождаться до круглой даты, величиной в год, — улыбнулся он, — Мне хочется сказать тебе — я тебя люблю. И благодарю за всё, что позволило мне встретить тебя.

Лия сжала обеими руками его пальцы. Предательски защипало глаза.

— Я хочу выпить за тебя. Чтобы каждый день был только нашим.

Вино с дурманящим ароматом букета каких-то южных цветов дразнило и согревало.

Лия прикрыла глаза, смакуя его вкус. Как в сказочном сне. Эрик улыбнулся.

— Я знал, что тебе понравится.

— Правда?

— Когда ты довольна, ты улыбаешься. И это ощутимо.

— У меня нет никаких секретов от тебя, даже если я не буду улыбаться, — засмеялась

Лия.

Вновь появившийся официант ловко расставил блюда и снова исчез, уступая место второму, снова наполнившему бокалы. Лия смотрела на мерцающую рубиновыми искрами струю, медленно заполнявшую собой тонкое стекло. На какой-то момент ей показалось, всего лишь показалось, что официант склонился чуть ниже и смотрит на неё. Лия спокойно перевела взгляд на картину, висевшую наискосок от столика, получив, таким образом, возможность взглянуть на официанта, не привлекая внимания. Она уже знала, что ей это показалось. Кажется, у неё действительно развивается паранойя. Вино достигло незримой отметки на бокале, и официант отступил на шаг, исчезая.

Эрик почти вслух торопил время. Сейчас, как наступит подходящий момент, он попросит её быть с ним всегда. Сердце гулко стучало в висках, время же, словно посмеиваясь над ним, замедляло ход.

Убирая блюда, официант вновь вернул белизну скатерти, почти мерцающую в темноте. Вот. Эрик коснулся пальцами заветной коробочки, словно предупреждая, что настал её черед. Но, рядом с ним возникли второй официант и телохранитель.

— Мистер Маргулис, — Эрик поднял голову, — Вас просит подойти начальник службы безопасности.

Эрик кивнул.

— Я сейчас вернусь, — он улыбнулся Лии, вставая.

Она взглянула в темноту за витражным окном — на улице уже царили сумерки, поглощая город. От созерцания её отвлек шорох шагов, прозвучавший очень близко. Белеющий в темноте светлой формой официант стоял почти рядом.

— Могу я чем-то помочь?

Казалось, руководство ресторана стремилось обезличить своих работников, прекрасно осознавая, что в намеренной полутьме взгляд привлекает только форма, оставляющая лицо в тени.

— Мне нужно в дамскую комнату, — Лия наклонилась над сумочкой, жалея, что никому не пришло в голову встроить в неё фонарик, чтобы не искать вслепую нужную вещь.

— Я покажу, идемте, — официант шагнул в полосу темноты, и Лия поспешила за ним.

Это произошло неожиданно, когда на выходе из-под арки он резко остановился, загораживая ей дорогу, и обернулся. От неожиданности Лия резко затормозила, теряя равновесие. Её удержали, прижав к стене. Всё это произошло в считанные секунды, так что она успела только сдавленно охнуть, и звук её голоса подавили самым неожиданным образом — закрыв ей рот поцелуем.

Это был жестокий и непонятный поцелуй. Словно на грани желания причинить боль и в то же время — непонятной надрывной жажды остановить. И забрать с собой. Лия дергалась, пытаясь вывернуться и проклиная свой небольшой рост и бессилие. Это

неожиданное нападение, если его можно было так назвать, подстегнуло прежний страх, сдабривая его волной злобы. Проблема заключалась только в том, что он был во много раз сильнее. Одним словом, это было унижительно.

И все это было хорошо продуманно, чтобы быть простой случайностью. Лицо мужчины оставалось в темноте, выбранное место освещало всё, но при этом свет светил из-за его спины, ослепляя стоящего лицом к нему и скрывая.

Он отстранился, продолжая удерживать её и низко опустив голову, не давая рассмотреть его лица. Затем так же неожиданно повернулся, и быстрыми шагами двинулся в полутемный зал. Лия закрыла глаза, справляясь с бешенством, и скрипнула зубами. Но как оказалось, это был далеко еще не кошмар. Тот следовал дальше — когда она открыла глаза и увидела стоящего в десятке шагов от неё телохранителя Эрика. А затем и его самого, приближающегося к ней. Кажется, телохранитель видел всё и сделал свои выводы, хороня их под лишенным эмоций лицом.

Страх, переходящий в приступ паники, пролил под кожу кипятком, через мгновение остывший до ледяной стужи. Лия сглотнула, пытаясь избавиться от кома в горле. Если телохранитель скажет о том, что произошло, ни один мужчина не поверит, что она не причем. Мужчины поверят, если бы её пытались избить, убить. Покалечить. Но то, что произошло, было куда как умно сделано. И ей никогда не доказать правды.

Но вероятно, её пожалело Небо. Охранник с каменным лицом шагнул к боссу, занимая свое место. Лия наконец-то оторвалась от проклятой стены и шагнула навстречу Эрику.

— Прости, вышло небольшое недоразумение. Администрации показалось, что кто-то из посетителей то ли затеял драку, то ли на официанта напали. Прости, что оставил тебя одну.

Лия поежилась. Кажется, он ничего не слышал. Порой Лии казалось, что его слух заменяет ему глаза. Но сейчас все обошлось.

Поглощенная непонятными и неприятными мыслями, она взяла его за руку, и они вернулись к столику. На секунду ей показалось, что ничего не произошло. Словно они и не расставались десятков минут назад.

Эрик вздохнул. Эти слова, словно золото, манили и тяжело сковывали почему-то, не давая произнести их так легко и свободно.

— Сегодня я хочу тебе сказать, — он расслабил внезапно ставший похожим на петлю галстук, — спасибо, что ты есть.

Затем достал из кармана коробочку, открывая её. — Выходи за меня.

В таинственной полутьме камень на кольце вспыхивал искрами, как мерцает в почти потухшем костре затаившееся пламя.

Лия вздохнула. Она понимала, что и улыбается, и хочет заплакать одновременно. Как это было неожиданно и, в то же время, просто. Нереально и одновременно легко. Мир кружил вокруг словно карусель, вспыхивая огнями и проплывая мимо, но оставляя их вдвоем в тишине.

На улице поднимался туман, окутывая всё покрывалом. Лия ощущала себя опьяненной самым крепким вином, испытывая желание смеяться, кричать, петь. Она неловко споткнулась, ухватила крепче за руку Эрика, испытывая необходимость ощущать реальность происходящего. Он улыбнулся, словно разделяя это ощущение.

Во влажном воздухе застыло ожидание, каждая тень словно удлинилась. Туман уплотнялся, окутывая напряженным и замершим состоянием. Капли воды, падающие с радиатора на стене здания, словно замирали в невесомости, неслышно долетая до земли.

Бесшумно опустившееся стекло машины открыло вид, ничего не пряча, ни малейшей детали от скрытого темнотой салона водителя.

* * *

— О, дорогая, как же я рада за тебя! — Мать обняла Лию, растроганно всхлипнув. Сидевшая напротив Мила неловко и напряженно отвела взгляд, но, спохватившись, улыбнулась и легко подскочила, принимая эстафету объятий.

— Нам надо устроить по случаю помолвки ужин, — добавила мать, возвращая всех к реальности, — Пусть будет все как принято.

— Но, мама, это лишнее, — возразила Лия.

— Не спорь. Будет только наша семья, — нахмурилась мать, — И не говори, что ты не хочешь.

Это было, понятное только им двоим, выражение мысли о том, что-то может косо взглянуть на Эрика. " Он тысячи раз бывал на вечерах и встречах, где на него были устремлены разные взгляды. А дома не найдется заносчивый и бестактный человек, способный нарушить всё".

Лия повернулась к Миле. В последнее время с ней творилось что-то не то. Болтливая и веселая искательница приключений внезапно замыкалась и становилась какой-то настороженной и молчаливой. Вздрагивающей от неожиданности. Лия раздумывала, что ей стоит помочь подруге, хотя бы расспросив о том, что происходит. Её размышление прервала Мила.

— Лия, но я за все время так и не услышала истории о том, как ты познакомилась с ним! Ты так долго его прятала, что теперь просто обязана все рассказать!

— Если ты настаиваешь, — Лия улыбнулась, садясь напротив.

— О, еще как настаиваю! — с жаром подхватила Мила.

Пересказывая вновь яркие воспоминания, Лия словно проживала их заново, разглядывая и ощущая всё как наяву. Это было так странно. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, реальностью. Она уже закончила рассказывать, а картины остались висеть в комнате невидимым кружевом.

— Как романтично, — стряхивая замороженность, произнесла Мила, — Ох, но так поздно! Мне пора. Я еще успею тебе надоесть расспросами, гарантирую. Но клуб ждет меня. В отличие от тебя я то и дальше остаюсь в поисках принца.

Лия мысленно облегченно вздохнула. С такой Милой было легче, чем с хмурящейся незнакомкой

Огни неона освещали шест, у которого, играя мускулами, выделял замысловатые движения стриптезёр, соблазняя полупьяных дам игрой мускулов. На такую вечеринку Мила никогда не взяла бы Лию, перед которой испытывала бы непонятное смущение за происходящее. Но сейчас она была одна, уровень выпитого алкоголя близился к отметке "опасно", и казалось, что весь мир принадлежит только ей.

Небольшая толпа девушек, оставивших столики ради более близкого рассмотрения танцора, аплодировала и издавала возгласы восхищения, более похожие на первобытное кошачье урчанье. Мила полностью поддерживала их. Свет прожекторов освещал только подиум, играя на теле мужчины. Остальной зал был погружен в темноту.

Сейчас Мила не отказалась бы от более захватывающего приключения, даже если бы

оно завершилось утром в чьей-то чужой квартире. Словно отвечая на её мысли, внезапно на талию опустились мужские руки. Мила улыбнулась — пусть будет так. Руки были крепкие и держали аккуратно, но сильно. Стоящий позади неё опустил лицо в небрежно уложенные пряди, словно вдыхая аромат духов. Музыка струилась, окутывая ритмом. Губы незнакомца приблизились к уху Милы, корпус двигался в такт мелодии, увлекая и её в полутанец.

— Ты неплохо проводишь время.

Если бы под ногами разверзлась земля, и оттуда дохнуло пламя, Мила испугалась бы не меньше. Она узнала этот голос, несмотря на то, что воспоминание скорей походило на кошмарный сон. Теперь ей напомнили, что это не сон. Аккуратно и почти нежно рука говорившего поднялась, убирая пряди с шеи. Провела по плечу и замерла. Это было больше, чем намек.

Он снова наклонился к ней.

— У меня нет желания портить этот вечер. Поэтому просто ответь на мои вопросы.

Алкоголь испарился из головы моментально, разрывающийся в истерике разум призывал обернуться или бежать.

— Не стоит.

Пальцы сжались чуть крепче. Мила замерла.

— Молодец, — он прислонился к её затылку. Со стороны — эта пара просто двигалась под музыку, явно захваченная своими эмоциями, — Сегодня ты была у неё. Кто он?

Шепот словно замораживал всё существо Милы, но она плохо повинующимся языком ответила:

— Они помолвлены.

— Неверный ответ. Я спрашивал — кто он?

Мила судорожно вздохнула.

— Я знаю только фамилию. И имя.

Вдох. Почти нежное объятие. Почти ласковые руки.

— Почему Вам не спросить её? — внезапно спросила Мила, пугаясь собственной смелости и безграничной глупости. Она затылком, каждой клеточкой ощутила, что в ответ ей улыбаются.

Свет медленно угас, сопровождая замирающие звуки. Неожиданно всё исчезло — словно не было ни пугающего шепота, ни обманчивого объятия. Мила резко повернулась, надеясь увидеть того, кто заставил её теперь видеть ночами кошмар, пугающий хваткой на шее и опрокидывающий в бездонную тьму.

Но никого не было. Сидящие за столиками сидели, пьющие у стойки бара пили, танцующие двигались. Мир кружился, словно гигантская карусель, оставляя Милу в центре островка затишья с гулко стучащим сердцем. Она преодолела себя и двинулась к стойке бара. Ещё выпить. И ещё.

Часть 3.1 Дорога в зазеркалье

Сегодня Лия поняла, что ей пора взять отпуск. Что-то неумолимо менялось в ней или вокруг неё. Словно сужающееся кольцо приближалось к ней всё ближе. Она подняла голову на проходивших мимо людей, и перевела взгляд на кольцо, напоминавшее, что жизнь дала ей новый сюрприз. Это было похоже на шаг в нечто бездонное, куда можно лететь и лететь. Или падать.

— Оно прекрасно, — нарушил её размышления голос Дорнота, который подошел к столу и разбирал бумаги.

— Спасибо, — Лии отчего-то захотелось спрятать руку за спиной.

— Мои поздравления.

Лия все больше теряла привычное спокойствие, с каждой секундой испытывая нарастающее смущение.

— Приятно, когда человек счастлив, — доктор смотрел на её пальцы, где поблескивало кольцо, и выражение его лица все больше напоминало маску, на которой блестели глаза, не выдавая его мыслей. Лия перевела дух, постаралась вернуть самообладание и невольно спросила то, что вертелось на языке:

— Всё хорошо?

— Вы проницательны, — Ян подошел к ней, оказываясь лицом к лицу.

— Я могу помочь?

— Не думаю, — он пожал плечами, снова безмятежно и спокойно, — Хотя возможно — да. Вы можете помочь мне просто разобраться в том, что я не могу понять.

— Если это в моих силах, — Лия не могла объяснить овладевшее ею ощущение скованности, но придавать этому значения не решила, чтобы не преувеличивать. Она кивнула на циферблат настенных часов, напоминавшие про свободные полчаса, — Давайте спустимся и за чашкой кофе попробуем разобраться.

В полупустом зале царило настроение заканчивающегося рабочего дня, когда остается всего лишь пара часов, и люди могут вернуться к своим диванам, пледам, горячей чашке чая, в круг семьи, чтобы собраться вместе. Или же отправиться развлекаться, проводя время так, как хочется.

Лия прижала ладони к горячим бокам стакана и вдохнула аромат. Божественно. Вспомнив о присутствии доктора, она подняла глаза и извиняюще улыбнулась. Он же словно и не замечал её, задумчиво глядя на искорку камня в кольце, будто та завораживала его. Лия прервала тишину.

— Так чем я могу помочь?

— Ах, да, — он улыбнулся кончиками губам, спохватившись, — Это прозвучит немного смешно, но помочь Вы можете простой беседой.

Ян свернул салфетку, мастера из неё какую-то причудливую фигурку.

— Скажите, Вы когда-нибудь испытывали ощущение, что всё, во что Вы верили, оказывалось ненастоящим? Ваши мечты вдруг разбиваются, а то, что казалось таким близким, внезапно становится недостижимым?

Лия удивленно подумала, что тема разговора оказалась куда как сложнее, чем она предполагала, и ответила:

— Да, такое было.

— И что же Вы делали, поняв это?

— Я продолжала идти дальше. И не ждала, пока все изменится, — видя, что он ожидает более подробного ответа, она пояснила, — Я всегда знала, что если просто сидеть и ждать, то ничего не сможешь добиться. Если мои надежды разбивались, значит, я смотрела на них не под тем углом. И я все равно добивалась, но не останавливалась.

— И всё так просто? — пальцы доктора порхали, превращая салфетку в сложную вещицу, отдаленно напоминающую оригами.

— Я бы не сказала, — Лия сделала еще глоток, — Главное — не сдаваться, что бы ни происходило. Даже если кажется, что все потеряно.

Она взглянула на Дорнота. Его руки напряженно работали, но при этом он смотрел на её пальцы, охватывающие стакан с кофе. В глазах отражались искры отточенных граней камня, причудливо искажая цвет глаз до чернильной темноты и серой прозрачности одновременно.

— Всё хорошо? — Лия участливо заглянула в его лицо. С ним явно было что-то не так, словно его мучили его персональные демоны. Одним, из которых, точно была пустота, овладевающая людьми, внезапно выбитыми из колеи.

Дорнот перевел на неё взгляд.

— Не беспокойтесь, все хорошо. Просто я понял, что то, что я привык считать одним, прячет в себе массу сюрпризов. Неприятных, надо сказать.

Его лицо снова приобрело насмешливое и отсутствующее выражение. Лия, с затаенным вздохом досады, подумала, что он снова ушел от ответа, надевая одну из многочисленных масок. Она надеялась увидеть хоть на миг его настоящим, но каждый раз он словно играл в прятки, оставляя её в догадках и сомнениях, затягивая в новый виток лабиринта разгадывания.

— Наверно с моей стороны будет грубо, если я не объясню причину своих вопросов, — доктор повел плечами и улыбнулся, словно речь шла о погоде, — Это касается близкого мне человека, оказывается, гораздо тяжелей узнавать в какой-то момент, что ты его совсем не знаешь.

Лия кивнула. Она не нуждалась в более детальных объяснениях. Сказанное вполне раскрывало непонятное поведение Яна. Нет ничего тяжелей, чем узнавать, что близкий человек оказывается чужим, словно между вами пролегает миллиард световых лет, и всё это — после того, как ты думаешь, что знаешь его лучше, чем себя.

— Спасибо, — доктор поднялся, словно стряхивая минутную откровенность, — разговор с Вами кое-что прояснил для меня. Доброго вечера Вам.

Он положил на стол то, что раньше было бумажной салфеткой, и направился к выходу.

Она продолжала пить кофе, уже остывший, но не потерявший своих достоинств, глядя на фигурку. Затем протянула руку через стол и взяла её. Это было странное, причудливо сложенное сердце. Она невольно оглянулась, почему-то надеясь увидеть Дорнота, но его уже не было. Он ушел.

Лия машинально опустила сердце в карман, поднимаясь из-за столика. Этот разговор затронул что-то, что было ей понятно. И не хотелось ворошить память, воспоминания, которые лезли в голову. Но было что-то, что не давало ей просто забыть разговор, и слова Яна продолжали звучать в голове.

Непонятное ощущение чего-то смутно важного преследовало её весь вечер, заставляя

мысленно возвращаться снова и снова к разговору. От этого не могло отвлечь даже то, что в доме царил суеда, принесенная женой брата, которая приехала с мужем навестить мать.

— Ты еще не знаешь, Лия собирается замуж, — обратилась мать к брату.

— Могу пожелать счастья, — кивнул он.

— Поздравляю, выйти замуж за коллегу весьма перспективно и умно, — подала голос Мелани, плохо изображая участие.

— Он не коллега, — возразила Лия.

— Правда? А кто? Менеджер?

— Он финансист, — вмешалась мать.

— Тогда есть надежда, что он не будет десяток лет оплачивать кредит на дом, а создаст более крепкие перспективы.

В воздухе запахло очередной ссорой.

— Как его зовут, не расскажешь? — постарался разрядить обстановку брат.

— Эрик. Эрик Маргулис, — Лия поправила штору.

— Не может быть, — пораженно выдохнула Мелани, — ты знакома с ним и до сих пор молчала?

Лия неопределенно повела плечами. Разве ей надо было кричать налево и направо про то, с кем она встречается?

— Это же тот парень, о котором писали в журнале, — Мелани возбужденно всплеснула руками, но внезапно осеклась, — постой, но он же вроде слепой? Боже, тебе придется жить со слепым. Хотя, за такое состояние на это легко можно закрыть глаза, не правда ли.

Она натянуто хихикнула, пытаясь загладить неловкость момента. Повисла напряженная тишина. Лия мысленно выкапывала топор войны и размахивала им над головой безмозглой особы, стараясь оставаться внешне спокойной.

— Я думаю, что ты перепутала, — спокойно произнес брат, не глядя на жену, — не стоит преувеличивать совпадения имени.

Мелани кашлянула, пытаясь изобразить невинность.

— Как дела на работе? — Мать обратилась к брату, давая понять, что тема исчерпана.

— Прости меня за неё, — несколько часов спустя сказал брат, позвонив Лии, — Я обещаю, что это была последняя выходка с её стороны.

— Все хорошо, — заверила его Лия.

— Через две недели мы разводимся, — он помолчал, — я старший, и поэтому хочу тебе дать совет. Не сделай моей ошибки, не принимай того, что видится тебе за истину.

Лия подавила рвущиеся слова сочувствия, сейчас стоило обойтись без этого.

— Я стараюсь смотреть на всё трезво, — заверила она его.

— Надеюсь, что ты будешь благоразумной, какой и была всегда с детства. Иногда нам кажется, что те, кого мы выбрали, действительно нас любят. А потом оказывается, что мы были для них просто поддержкой, которая поставила их на ноги и больше не нужна.

— Всё будет хорошо, — добавил брат, что бы смягчить горечь прозвучавших слов, — Просто я не хочу, что бы ты ошиблась в своем выборе.

Он помолчал.

— Будь сильной, несмотря ни на что.

* * *

Неделя пролетела быстро, оставляя позади лишь череду приятных воспоминаний.

Кажется, почти каждый день они провели вместе, если и расставались, то на короткие часы, после которых вновь оказывались вдвоем.

В открытое окно доносились птичьи голоса, посвежевший по-весеннему ветер врывается в кабинет, шевеля бумаги на столе. И пока дела компании шли великолепно, словно завершая картину благополучия.

Эрик удовлетворенно вздохнул. Мелодичная трель телефона заставила его отвлечься от приятных размышлений. Голос в трубке был ему незнакомым, но уверенным, словно человек имел большой опыт в умении братья за дело.

— Добрый день, мистер Маргулис. Надеюсь, Вы сможете уделить мне пару минут?

Эрик почему-то испытал неприятное напряжение, словно через волны сигнала, доносившего до него голос, надвигалась какая-то опасность.

— С кем я разговариваю?

— Простите, что не представился. Я — сотрудник Вестника, — Вестник был изданием, не тратившим время на дешевые слухи и сплетни, и имевшим значительное влияние во многих кругах. Это заставило Эрика поморщиться, но продолжить разговор. Не стоит отказываться от шанса, даже если стоишь достаточно высоко, что бы ни заботиться о нем.

— Вас должно быть удивило, что я звоню на личный номер, а не настаиваю на встрече.

Вокруг словно сгушался воздух, с каждым новым словом Эрик ощущал это каждой клеткой тела.

— Да, признаться, я удивлен такой настойчивости. Кто снабдил вас моим личным номером?

На том конце не отреагировали, проявляя будто бы полное отсутствие эмоций, словно человек или не боялся, или был достаточно наглым.

— Мистер Маргулис, это весьма личное дело, поэтому Вы будете скорей рады приватности нашего разговора.

Эрик выдержал паузу.

— И в чем же суть Вашего звонка?

— К нам попали некоторые материалы, мы готовим статью. О Вас.

— И что тут такого сверхсекретного? — Эрик оперся рукой о спинку кресла. Предчувствие не обещало ничего хорошего.

— Всем известна ваша позиция и благотворительность в поддержку семьи и молодежной пропаганды. Насколько сами вы придерживаетесь продвигаемых Вами взглядов? Скажите, как Вы можете прокомментировать то, что ваша подруга имеет роман не только с Вами?

— Прощу прощения? — Эрик выпрямился. Услышанное почему-то доходило до него словно из какой-то ватной пустоты.

— Ваша спутница, с которой Вас видят в последнее время, заводит интриги почти на виду у Вас. Означает ли это, что Вы — сторонник свободных отношений? Как Вы прокомментируете слухи о предстоящей помолвке и данной истории в ресторане? Означает ли это, что в жизни Вы придерживаетесь иных взглядов?

Удар. Второй. Сердце словно переместилось в голову.

— Вы располагаете недостоверной информацией, — сохраняя спокойствие, ответил Эрик.

— К сожалению, мы располагаем записью видеокамеры и фотографиями. Понимая Ваше недоверие, мы переслали копии файлов на Вашу почту.

— В ресторане, — повторил Эрик. От него ускользал весь смысл сказанного, кроме этих слов. Очень важных слов. Он медленно положил телефон на стол. Шаг. Другой. Бред. Какая-то чушь, которая может быть выдумана только идиотами. Файлы. Они переслали их на почту. Эрик нажал кнопку вызова.

— Мне нужен Ник, — бросил он секретарю.

Телохранитель вошел в кабинет, остановился у дверей, ожидая дальнейших распоряжений. Эрик вновь нажал кнопку связи.

— Позвоните в редакцию Вестника и узнайте — пишут ли они статью, спросите, — Он осекся, ведь звонивший не назвал себя, — Нет, не надо. Не звоните.

Эрик немного помедлил. Затем повернулся к Нику.

— Зайди в почту и посмотри новые письма.

Он старался говорить спокойно. Не показывая недоумения, Ник приблизился к столу, наклонился над клавиатурой компьютера и быстро защелкал кнопками, входя в систему.

— Ну что там? — Эрик не мог ждать.

— Одно новое.

— Открывай.

Щелчки кнопок. Тишина.

— Ну и что? — Не поворачиваясь к Нику, спросил Эрик. Тот помолчал.

— Тут несколько фотографий и видеофайл.

— Что на фотографиях? — Он снова замолчал, — Ник? — Повысил голос Эрик.

— На них мужчина, — бесстрастно произнес Ник.

— Мужчина? — Эрик напряженно вслушивался в тишину.

— И женщина.

— Что за женщина? — Эрик невольно затаил дыхание.

— Ваша девушка, — без оттенков, как робот, произнес Ник.

— И что же они делают на фото? — Словно чужим голосом поинтересовался он.

— Они целовались.

— Не может быть, — Эрик чувствовал, что улыбается.

— Мне очень жаль, — с проскользнувшей ноткой участия внезапно произнес Ник, — Но это было так. Я сам их видел в том ресторане.

— Ты перепутал. Обознался, — улыбка словно приклеилась к губам, растягивая их.

— Нет, — Ник снова говорил без тени эмоций, — Рядом с ней был мужчина. Он ушел при вашем появлении.

— Убирайся, — Эрик поднялся из кресла. Телохранитель вышел, об его уходе напомнил лишь шорох закрывавшейся двери.

Ну что же. Вот и правда. Она просто использовала его в своих неведомых целях. Хотя, впрочем, в известных целях. Богатство и известность, неважно, что рядом будет нечто, что скорей похоже на циркового уродца. Он сам виноват, поверить в то, что что-то может быть иначе, мог только полный идиот.

Лия удивленно взглянула на телефон. Сегодня она собиралась остаться дома, разбирая коробки с вещами, которые привез старший брат, собиравшийся погостить неделю после возвращения из командировки. Неожиданный звонок и почти требование приехать её поразили. Таким она еще никогда не слышала тон Эрика. И дело было не в том, что он изменил планы внезапно. Было ощущение, что его голосом говорил кто-то чужой. Лия тряхнула головой и решила не надумывать себе ничего — кто знает, может у него какие-то

свои проблемы, испортившие ему настроение.

В вечернем воздухе царила свежесть, граничившая с морозцем, на темнеющем небе зажигались звезды. Лия на секунду остановилась, наслаждаясь красотой вечера. Пронзило ощущение, что на секунду мир замер, словно давая ей возможность запомнить этот момент. Словно всё затихло в ожидании. Она шагнула вперед, отгоняя непрошенные мысли. Снова появилось ощущение направленного на неё взгляда, но отчего-то он уже не так волновал её как раньше.

Оказавшись перед дверями квартиры Эрика, Лия позвонила. Никто не ответил. Она вновь протянула руку к кнопке дверного звонка, но поняла, что дверь не закрыта. Возможно, её забыли запереть.

Лия осторожно открыла её и прошла внутрь. Навстречу ей вышел телохранитель Ник, изредка заставлявший её думать, что он — как тень, привязан к Эрику. Он, как и всегда, кивнул ей и сказал, что Эрик ждет её. Немного напряженная официальнойностью такого обращения, Лия вошла в гостиную, удивляясь непонятному духу пустоты и тишины, вновь поселившемся в квартире. Словно кто-то пригласил его обратно, выдув все теплое и уютное, что было здесь в течение несколько месяцев.

Эрика она заметила не сразу, он стоял у окна в тени шторы. В комнате царил полумрак, усиливая ощущение пустоты.

— Привет, — Лия остановилась посреди комнаты, где было светлей.

— Здравствуй. Присядь.

Он не поворачивался к ней, говоря так, словно перед ним была одна из самых младших сотрудниц, вызванная для выговора. Лия недоуменно посмотрела на него, но подчиниться фактическому приказу не стала, оставшись стоять на месте.

— Что случилось? — Как можно мягче спросила она.

— Ничего, — абсолютно ровно ответил он. Лия внимательно смотрела на Эрика. Спокойная, чуть ленивая поза, без тени скованности и напряжения. Это отчего-то еще больше настораживало.

— Знаешь, — прервал он молчание, — Я вот всё думаю. Почему человеку постоянно чего-то не хватает?

Лия поняла, что ответ на этот вопрос будет нести какой-то свой смысл для него, и ответила:

— Наверно потому, что таков человек.

— О, да, — кивнул он, все так же не оборачиваясь, — Скажи, а чего не хватало тебе?

Лия ощутила, будто её ударили пыльным мешком. Такого поворота она не ожидала никак.

— Мне хватает всего, — не показывая ошеломления, возразила она.

— Правда. Есть богатый придурок, готовый бегать за тобой, предлагающий жениться на тебе. И есть другой, для души, с которым встречаешься тогда, когда надоедает убогий поклонник. Так ведь удобно, не правда ли?

Кажется, кто-то из них двоих сошел с ума. Или же она слышит нереальный бред, или он просто спятил. Лия широко раскрыла глаза, набрала воздуху в легкие, но затем просто пожала плечами, не находя слов.

— Я не понимаю тебя, — наконец сказала она, надеясь, что это безумие рассеется, оказавшись не остроумным розыгрышем. Но вместо этого Эрик рассмеялся.

— Конечно, не понимаешь. Это сложно понять, трудно объяснить, но проще сделать. Ты

встречаешься с двумя сразу, это тебе дается проще, чем понять меня. Как умно, как трогательно и как хитро продумано.

— С двумя? — Лия машинально повторила его слова, отказываясь понимать — о чем он вообще говорит.

— Хватит наконец! — Маргулис повернулся к ней, — Чего тебе не хватало? Я готов был дать тебе всё, а ты в это время пряталась по углам с дружкой, чтобы через десяток секунд соглашаться стать моей женой. Ты думаешь, я не понимаю, что ты и дальше крутила бы роман, когда тебе наскучил бы слепой муж под боком?

Он швырнул на пол керамическую вазу, стоявшую на окне, та разлетелась на осколки с жалобным звоном. Лии казалось, что вместе с вазой распадается всё то, что было между ними, а то, что он говорил сейчас, было безумным бредом.

— Ты сошел с ума, Эрик, что ты такое говоришь — она попыталась воззвать к остаткам рассудка, если те могли отозваться ей. Он шагнул еще ближе. Удар. Со стола полетели лежавшие книги, журнал.

— Так чего тебе не хватало?

— Я не понимаю — о чем ты, в чем меня обвиняешь, — Лии становилось не по себе. Сейчас перед ней стоял незнакомый человек, чужой и странный тем, что именно он был тем, кого она считала, что знает полностью.

— Я не обвиняю, — он вынул из кармана какие-то фотографии и кинул ей. Почти в лицо. Одна из них упала у ног, Лия наклонилась, поднимая её, и уже зная, что может увидеть на неё. Ну, конечно же. Ресторан. Тот самый мужчина, приставший к ней. Как она могла усомниться в том, что это была случайность.

— Говорят, на фото ты вышла просто очаровательно, — обманчиво спокойно произнес Эрик, — А мне крайне интересно — каково это было, ставить мне рога, даже не скрываясь.

— Этого не было, — сдерживая нахлынувшее бешенство от того, что человек, говоривший о доверии и любви, сейчас оскорблял её такими утверждениями, возразила Лия. Эрик сжал кулаки.

— Ложь, — сейчас он почти кричал, — Ты лгала мне всё время, строя из себя маленькую, рассудительную святую.

— Мне пора, — Больше Лия не собиралась выслушивать оскорблений, заплакать или кричать о своей невиновности не позволяла гордость.

Внезапно Эрик схватил её за руку, достаточно больно и сильно.

— Ты такая же, как и все, — почти в лицо ей проскрежетал кто-то, лишь внешне напомилавший прежнего Эрика, — Я обожал тебя, ты была для меня всем, опорой и поддержкой, которая помогла мне измениться. А ты просто предала меня и смеялась над моей глупостью.

"А потом оказывается, что мы были для них просто поддержкой", — внезапно произнес голос брата в голове Лии. Вот о чем он предупреждал её. Сперва клялись в любви, а при первом же подозрении, не разобравшись, облили грязью и утопили все хорошее в ней. Лия не смогла сдержать смешка разочарования, стараясь не дать себе заплакать.

— Ты смеешься мне в лицо?

Звонкая пощечина погрузила комнату в шум и наполнила голову гудением. Словно в полусне Лия смотрела на руку, зависшую в воздухе и только что ударившую её по лицу. Этого не может быть, это просто кошмар. Спустя секунду шок отступил, сменяясь острой болью. Кажется, сделанное повергло в шок и мужчину, назвать которого по имени она больше

бы не смогла. Он отпустил её, секунду оба стояли, не шевелясь, словно не веря в разыгравшуюся только что сцену.

— Уходи, — шепотом произнес Маргулис, — Ты для меня умерла.

Лия как во сне спустилась в лифте в холл. Вышла на улицу. Отстраненно двинулась навстречу вечернему кварталу, не замечая морозца, заползавшего под расстегнутое пальто, и горячей стороны лица. Кажется, зубами она поранила щеку, стальной привкус во рту пробивался приглушенно сквозь болезненное онемение.

Холод делал свое дело, возвращая ей безрадостную реальность, от которой некуда было бежать. Лия подняла руку к лицу, дотронулась до щеки и тихо заныла — вроде ничего не сломано, но так больно, что слезы сами выступают на глазах. Хорошенький у нее вид — наверняка синяк на половину челюсти.

" Бог ты мой, как я попала», — Лия остановилась, не желая идти дальше. Прислонилась к стене дома, сползла по ней устало. Ей не хотелось ничего — просто сидеть вот так и не шевелиться. Начинало понемножку трясти и почему-то стало смешно. Она засмеялась — сперва тихо, затем неудержимо переходя на сотрясающий хохот. "Слепой оказалась я, — она обхватила голову, — Я не думала, что всё так, не представляла себе правды. Я просто всё напридумывала». В один момент её спустили с небес на землю, созданный ею герой оказался таким же обиденным, использовавшим её как костыль, называя это любовью, и унижившим при первой буре. Лии просто хотелось исчезнуть с улицы беззаботно спешившего по своим делам города, остаться одной наедине с пустотой, образовавшейся внутри. Она построила будущее — будущее рассыпалось от одного прикосновения. Да и было ли оно?

Было холодно и пусто. Лия не была никогда ни героем, ни кем-то особенным, кто встанет, сожмет эмоции в кулак и, улыбаясь, пойдет дальше. Поэтому она просто сидела, зажмурившись и не желая замечать колючего холода опускавшейся ночи.

Кто-то прошел почти рядом. Остановился. Чьи-то руки осторожно обхватили Лию за плечи, отодвигая от холодного кирпича стены, в который она, кажется, начала вмерзать.

— Спасибо, оставьте меня, — слова вырвались хриплым и малоразборчивым карканьем. Наверно не разобрав их, её не оставили в покое, а как ребенка подняли с земли. Затекшие в неудобной позе ноги сразу напомнили о себе ощутимым покалыванием. Лия приоткрыла глаза. Темнота улицы мешала увидеть того, кто проявил к ней участие. Да и за поднятым воротником пальто его лица было не разглядеть. Свет ближайшего к ним фонаря не доставал до них, теряясь в нескольких шагах. Из салона машины дохнуло теплом. Лию посадили на сидение, захлопнули дверцу. Она постаралась взять себя в руки и стряхнуть хоть немного состояние пустоты и безразличия к происходящему.

— Пристегнитесь.

Из головы Лии вылетели все слова, которые она собиралась произнести. Она могла только обескуражено смотреть на сидящего на соседнем сидении Дорнота.

— Как Вы тут оказались?

Он не ответил, сосредоточенно глядя на дорогу перед машиной. Лия подавила желание повторно задать вопрос, и прислонилась к стеклу, безразлично смотря на пролетающие за окном дома. Холодная и пустая темнота, зияющая из темных арок, пролетов и подворотен, протягивала свои щупальца, затягивая её в себя. А то, что внутри внезапно опустело и покрылось ледяным безразличием, радостно отзывалось навстречу, замораживая каждую клеточку и превращая сердце в кусок льда.

Фонари за окном светили всё реже. Дома становились всё ниже и меньше, превращаясь

постепенно в небольшие коттеджи. Небольшие скверы городских улиц разрастались до приличных рощ. Лия внезапно вынырнула из мутного забытья и отпрянула от окна, пораженная тем, что до неё только что дошло — город закончился. Он остался достаточно позади.

— Что происходит? Куда мы едем? — неприятное ощущение тревоги начало поднимать голову как просыпающийся зверь, но Лия пыталась её удержать.

Ян, по-прежнему не отвечая ей, смотрел вперед и не оборачивался. Лия нашла ручку двери, дернула её, понимая глупость своего поступка — не будет же она выпрыгивать на ходу, изображая из себя горе-каскадера. В ответ на её мысли щелкнула блокировка дверей. Она замерла. Ко всем эмоциям прибавилось нарастающее бешенство, от которого мелко задрожали руки. Лия повернулась к водителю.

— Что происходит? — Как можно спокойней повторила она, — Куда Вы меня везете? Вы понимаете, что делаете?

— Прекрасно понимаю, — это был всё тот же спокойный человек, словно не уводивший машину в неизвестную темноту, а находящийся на каком-то приеме в окружении сотни человек. Лия подавила желание броситься на него с кулаками.

— Вам придется объяснить. Или же отпустите меня. Это бред какой то! Вы хотите оказаться в полиции за это?

Вместо ответа он взглянул в зеркало заднего вида. Лия не поняла, что произошло, когда ей в бедро, легко проходя сквозь ткань брюк, ощутимо вонзилась игла шприца. Это было достаточно больно.

— Меня будут искать, — это только в фильмах человек моментально теряет сознание и отключается. Лия поняла это, когда в течение еще пары минут продолжала слышать и видеть, а вот тело, как тряпичная кукла, безвольно придерживалось ремнем безопасности, да и язык отказывался хоть как-то пошевелиться. Дорнот не ответил ей и сейчас. А затем всё вообще исчезло в великолепном сонном забытии.

* * *

Первое ощущение — тепло от крадущегося по лицу солнечного луча. Тишина. Лия шевельнула рукой, та нехотя отозвалась, словно в ней не был вовсе костей. Тяжело. Подняла веки, которые словно придавило камнем. Комната. В голове проносились, словно перья встрепанной стаи птиц, обрывки мыслей. Лия зажмурилась от достаточно яркого света солнца и повернула голову вбок. Кресло. Это точно не её комната. Потому, что из кресла на неё смотрел Ян. Она всё вспомнила, в голове наконец-то все прояснилось — то, что казалось того, почему она находится тут. Лия попробовала подняться, далеко не молниеносно собирая тело воедино.

— Где я? — она достаточно враждебно взглянула на виновника этого абсурда.

— Доброе утро, — пока она воевала с собой, он уже поднялся и стоял, без всякого выражения глядя на неё.

— Ну и куда Вы меня привезли? Чего Вы хотите?

Дорнот подошел к окну, поправляя штору, чтобы солнце не падало прямо ей в лицо.

— Отдыхайте, сейчас Вам нужен отдых.

— Родные будут меня искать, — Лия сменила тактику, взывая к здравому смыслу,

окончательно покинувшему мир в последние два дня.

— Не беспокойтесь, их предупредили, что Вы уехали.

Это было слишком.

— С какой стати? Вы в своем уме? — Она почти завопила, вскакивая и пытаясь добраться до ненормального. Но не вышло. Он сам преградил ей дорогу. А вот ноги заявили, что абсолютно не горят желанием помогать ей. И, если бы не подхвативший её ненормальный, она просто села бы на пол.

— Что Вы мне вкололи? — Раздраженно спросила Лия, призывая все кары небесные на голову Дорнота.

— Не беспокойтесь, это что-то среднее между сильным успокоительным и легким наркозом, безопасное для жизни, — её водворили обратно на кровать, — Вам действительно лучше отдохнуть, чтобы действие препарата закончилось.

— Вам никто не говорил, что Вы — сумасшедший? — не удержалась Лия. На миг он остановился. Затем, не говоря ни слова, вышел из комнаты. В замке повернулся ключ.

Лия глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Кажется, жизнь превратилась в сплошное безумие. И отсюда надо выбираться, она не будет сидеть сложа руки. На окне висели длинные шторы, и, судя по всему, это был второй этаж. Исторические способы выбраться были всегда актуальны, не будет же она сидеть и ждать, сложа руки — что произойдет дальше. Но в одном Дорнот был прав — сперва надо отойти от тумана в голове, подождать, пока тело вновь не станет послушным.

Она лежала на краю удобной и мягкой постели, просматривая как киноленту события прошедшего дня. Это была игра, игра в которой её использовали как пешку почти все — и Эрик, и тот, кто её так подставил, причем она сама взяла на себя роль пешки слепо и восторженно. И это было обидно. Каждый раз, когда она натыкалась на его имя, в груди словно поворачивали острый нож, и становилось трудно дышать. Это было несправедливо. Это было больно. И вместе с тем крепла решимость — она не даст никому и ничему сломать себя. Ни тому, кто её предал, ни тому, кто привез её сюда в своих целях.

Часов у неё не было — она никогда их не носила. Но судя по солнцу, прошло достаточно времени. Близился закат. Лия пошевелилась — вроде всё уже работало, как и раньше. Она потерла глаза, задела рукой злополучную челюсть и зашипела от боли. Кажется, отек и синяк украсили её лицо от души, ведь в удар, судя по всему, вложили всю силу любви, избавляясь от чувств таким образом.

Лия поднялась, посидела минуту, приводя в порядок голову. Дошла до окна и выглянула наружу. Она не узнавала этого места — перед ней расстилалась луговина, еще не покрытая травой, переходящая в лес, который вдавался в неё клином. От него до дома было не так уж далеко. А за лесом, взбиравшимся на холмы, виднелись склоны кряжей, таких далеких и в то же время — таких близких, залитых вечерним солнцем. Лия потрясла головой, пытаясь оторваться от чарующей красоты местности и вернуть себя к действительности.

И так. Она находилась в комнате на втором этаже. Если связать шторы и добавить к нему, по необходимости, простыню, до земли будет легко добраться.

Было очень жалко симпатичные шторы, которые оказалось трудней снять, чем связать на подобии доисторического каната. "Это просто сон, весьма странный и увлекательный", — Лия понимала, что если не будет что-то делать, ею овладеет самая настоящая паника. Открыть окно оказалось сложней, она даже ободрала два ногтя до крови, пытаясь справиться с задвижкой. Лия не давала себе ни минуты остановиться, чтобы не дать мыслям завертеться

в голове и погрузить все в беспросветную тьму — Почему? Зачем? Что происходит? Как-то получалось, что она и думала об этом, и запрещала себе думать.

Кажется, всё позади. Лия, стиснув зубы, сжимала в руках импровизированный канат и приказывала себе не смотреть вниз. Высоты она боялась до невозможного, неважно — была ли это просто стремянка с десятью ступеньками или кабина колеса обозрения. Вот и сейчас. Пока её ноги не коснулись земли, она не могла даже перевести дух. Она снаружи. Теперь — прочь. Надо идти в сторону дороги, туда, где есть люди. Только сперва надо понять — в какой она стороне.

Лия направилась через расстилавшуюся перед зданием луговину. Солнце почти скрылось за деревьями, но было еще достаточно светло. Она оглянулась только один раз, чтобы оценить — насколько далеко смогла уйти. Дом скорей напоминал замок, будя в памяти какие-то сказочные ассоциации из детства. Лия оборвала себя, споткнувшись о какой-то корень. Она почти была в лесу, пройдя несколько метров между еще голых стволов деревьев, когда позади неё раздалось сопение и тяжелое дыхание, вслед за которым её схватили за ногу, вынуждая потерять равновесие и ощутимо уткнуться лицом в мокрые старые листья и мох, выстилавшие землю. Лия повернула голову, сталкиваясь прямо с влажным носом огромного мастиффа, с видом выполнившего свой долг солдата стоявшего над ней, не враждебного, но и не собиравшегося отпускать её. Собак она тоже боялась, как и высоты, поэтому шевелиться или уж тем более — бежать, просто не собиралась.

Спустя несколько минут раздался шелест шагов, подошедший окликнул собаку. И Лия с раздражением подумала, что вряд ли иной кто-то мог бы оказаться тут, кроме Дорнота. Она повернулась, собираясь подняться, но в ту же минуту её достаточно невежливо, как мешок, перекинули через плечо и понесли обратно, к дому.

— Вам повезло, что собака не только дрессирована, но и не глупа, чтобы сразу не загрызть чужого.

Если бы она была крепче, толще и выше, её бы просто так не превратили в куль с мукой. Которому еще и прочитали нотацию. Лия попробовала брыкаться, но достаточно безрезультатно. Получилось лишь ощутимо стукнуть по спине мужчину. И она с удовлетворением услышала, как тот сквозь зубы шумно выдохнул, очевидно, сдерживая ругательство. Вниз головой было крайне неудобно ориентироваться — куда её несут. Тем более — разобраться в проплывавших вверх ногами дверях, коридорах и стенах. Судя по ним, дом был достаточно старым. Лия не упустила шанса еще раз пустить в ход кулаки, но её скинули с плеча и перехватили руки, удерживая мертвой хваткой.

Глядя в лицо Яну, Лия вызывающе бросила:

— И что дальше? — Он по-прежнему молчал, — Я так понимаю, внутри доброго доктора прячется жаждущий острооты психопат? Ну, так что же дальше — начнем убивать?

Он отошел от неё и остановился, отвернувшись, так что она могла видеть только его спину.

— Хорошо, играйте в свои игры, главное — не торопитесь и получите максимум удовольствия.

С непонятным звуком, скорей похожим на рычание, Дорнот сжал кулаки и обрушил их на стоявший поблизости массивный шкаф. От удара деревянная панель раскололась. Он ударил вновь. С грохотом, ломаясь, на пол упали остатки, прежде бывшие дверцей. Лия испуганно затихла, инстинктивно вжавшись в стену позади неё.

— Всё, что ты можешь — смешивать меня с грязью, — негромко, спокойно и от этого

ещё опасней прозвучал голос Яна, — Без сомнения, всё, что я могу — убивать и мучить. Мучить.

Он так и стоял, не поворачиваясь к ней, и Лия не знала — радоваться ей этому или наоборот.

— У тебя это получается лучше. Стоит вспомнить — сколько раз ты не скрывала, как брезгуешь и презираешь мерзавцев с раздутым самомнением, не задумываясь, что может им есть что тебе сказать.

Он обернулся. Вместо маски насмешливого спокойствия появилось то лицо абсолютно другого человека, лицо, на котором поглощали свет глаза, полные черноты и чего-то, водящегося в самых темных глубинах души.

— Мне тоже есть что сказать. Сколько раз я проходил рядом, наблюдая за каждым твоим шагом. Помнишь, как ты пила в клубе со своей бестолковой подружкой? Сколько уродов, протиравших о тебя глаза, обсуждало — насколько ты пьяна, чтобы развлечься с тобой! Далеко бы ты ушла той ночью? — Ян шагнул к ней и схватил за плечи, хорошенько встряхивая, — Сколько раз ты не замечала ничего вокруг себя, а было достаточно одного только взгляда, чтобы всё изменилось.

Он почти повысил голос. Лии ужасно хотелось зажмуриться, чтобы не видеть его.

— Сколько нужно тебе было времени, чтобы увидеть правду? Нет же, ты выбирала то, что блестело ярче и говорило громче.

Дорнот внезапно убрал руки, словно обжегся.

— Я устал ждать. " Не ждать, а идти вперед" — так ты сама советовала, если помнишь.

Хлопнула дверь, закрываясь за ним. Мир продолжал крушиться, взрываясь и распадаясь на обломки, разрушая последнее, что еще оставалось. Ноги не держали, и Лия опустилась на пол. Закусила почти до крови губу, не давая себе погрузиться в панику и бессмысленные в эту минуту размышления. Этого позволить себе она не могла. Не стоило размахивать кулаками, изображая из себя героиню, это было глупым.

Лия потеряла глаза, которые щипало и жгло. Она не могла предположить, что флиртовавший с самыми видными девушками доктор обращал на неё внимание. Всё это походило скорее на вымысел или несменную пародию на сказку. Сказку. Лия внезапно задумалась. Разные фрагменты мозаики вихрем пронеслись в голове, складываясь в что-то странное, что пока не получалось осмыслить. Начала болеть голова, напоминая о себе и о синяке. Сейчас Лия не смогла бы ответить, кто был хуже из них двоих, причинивших ей за последнее время столько бед.

Судя по всему, она просидела достаточно долго. Дверь вновь открылась, впуская Яна. Он поставил на небольшую тумбочку у кровати поднос, как подсказывало обоняние — с чем-то съедобным. На миг Лии показалось, что ему неприятна та вспышка, которую она спровоцировала в нём.

— Те сообщения, их присылал ты? — Прервала тишину она, — Это ты следил за мной?

— Ты сама знаешь ответ. В наше время не сложно отследить номер человека и написать ему.

— Так все же зачем понадобилось привозить меня сюда?

— Сама бы ты никогда не остановилась в своем желании тонуть и дальше в самообмане.

— И ты решил все сам за меня? — Лия поднялась, — Решил, что увезти меня, напичкав какой-то дрянью — это верное решение?

Похоже ничто не могло заставить его снять с себя маску спокойствия. Он повернулся к

ней, внимательно смотря на её лицо. Взял за подбородок, поворачивая на свет голову.

— Само собой. Неправильней было не делать этого, что бы ты оставалась и дальше превращалась в том, чем можно пользоваться. А при случае — даже выражать свои чувства, разукрашивая твое лицо синяками.

Лия отдернула голову и отвернулась, не желая продолжать тему, не предвещающую ничего хорошего.

— Меня начнут искать на работе. Думаешь, что это сойдет тебе с рук?

— Почему, вовсе нет. Родные знают, что ты уехала. А на работе, — он пожал плечами, — Еще вчера вечером твое заявление об увольнении легло на стол заведующему.

Лия возмущенно вскинула голову.

— Не беспокойся, я не убиваю и не ем своих гостей, — Ян скрестил руки на груди и качнул головой, — Так что ты в безопасности.

— Сколько я буду тут находиться? — От злости горло словно перехватило спазмом.

— Тебе нужно поесть и отдохнуть. Это комната для гостей, душ там, — он кивнул на дверцу в стене.

— Ты забыл, что меня будут искать не только родные, — бросила Лия, глядя на Яна. Тот остановился. Абсолютно пустое лицо не выражало никаких эмоций.

— Надеюсь, тебе здесь будет удобно, — словно она ничего не говорила, произнес он и вышел.

* * *

Она выглядела неважно. Вопреки ожиданиям, лицо не было так уж очень страшным, правда, не заметить синяк было весьма проблематично. Но это не было большой бедой. Чего нельзя было сказать о реальности.

Стоя под горячими струями воды, Лия думала, что ей хочется смыть не только усталость и грязь, но и всё, что не давало вздохнуть, ноя как воспаленная рана. Нет, не мог, не мог Эрик оставить всё так, не разобравшись.

Маргулис допивал вторую бутылку коньяка, как заправский алкоголик. Всё, что произошло, было просто кошмарным сном. Он не хотел, чтобы всё так вышло. Прошло уже несколько дней, но ничто не менялось, а оставалось прежним. Пару раз он порывался позвонить ей, но гордость останавливала. Нет, ждать, что после того, что было, она вернется, было бы глупо. Внутри боролись два желания — вернуть её и забыть. Последнее росло, подавляя первое, поскольку Маргулис не пытался им помешать в их борьбе. Не важно, что на следующий день Ник несколько напряженно произнес:

— В редакции утверждают, что никаких материалов не отправляли.

Маргулис промолчал. Это означало, что кто-то умело использовал попавший компромат. Но дело было уже не в неизвестном мерзавце. Он мог бы поднять всех на уши, найти его. Но это не изменило бы того, что сделала она. Как она могла? Ведь он был готов положить к её ногам весь мир.

Эрик глотнул еще обжигающего коньяка. Ладно, плевать. Он сможет жить и без неё, раз она так легко разменяла его на другого. Нашел телефон, на секунду помедлил, но затем привычно коснулся кнопок. Еще глоток.

— Привет, Нина.

Прошло вероятно больше недели, дни летели как косяки перелетных птиц, пролетающих над деревьями назад, к своим гнездам. Если бы не изматывающая боль где-то там, куда не может проникнуть ни одно лекарство, эти дни можно было бы назвать даже спокойными и приятными.

Лия не ощущала себя пленницей большого дома, ей было скорей одиноко. Большинство времени она проводила сидя на подоконнике за шторой, прятавшей её. Это был спасительный островок, дававший ощущение тишины и умиротворяющей пустоты. А просыпавшаяся за окном природа напоминала, что, несмотря на всё, она не остается одна.

Яна Лия почти не видела. Она ощущала его присутствие, но каждый раз, оглядываясь или ожидая его увидеть, оставалась ни с чем. Нет, конечно же они пересекались. То он спускался по лестнице, застегивая верхние пуговицы черной рубашки, и спокойно здоровался с ней. То он предлагал её свою компанию во время ужина в большой комнате, освещенной причудливой люстрой, позвякивавшей многочисленными подвесками, и они проводили полчаса вместе, но так, словно кроме них еще присутствовало множество народа, а они — словно и не были знакомы.

Лия ждала. Она не верила, что Эрик не придет за ней. Она знала его. Или же не знала вовсе. Слишком живо звучали в голове его слова, заверения в любви. Они могли поссориться, но он не мог бы бросить всё вот так. Он должен был искать правду.

Вместе с тем Лия злилась на Дорнота. Он не давал ей повода бояться его. Не давал повода обвинять его в чем-либо, хотя и не имел права так поступить. Увезти, вколоть лекарство, морочить ей голову.

Она обхватывала себя за плечи, кутаясь в шерстяной плед. Оставалось слишком много вопросов, на которые она сама ответить не могла. Поэтому Лия решила, что разумней будет задать их тому, кто ответы на них знал.

Зная, что найдет Яна внизу, Лия спустилась по лестнице. Он действительно был там стоя у окна и смотря в темнеющую даль.

— Это и есть то поместье, где Вы родились?

Дорнот обернулся.

— Да, — казалось, что он будто избегает её, что противоречило ощущению, что при этом он всегда поблизости.

— Разве ты бросил работу? — Отчего-то Лия внезапно перешла на "ты", словно тишина и ощущение того, что они одни в большом доме необъяснимо сближало. Все же они — взрослые люди, а конфликтовать — не лучшее решение.

— Работа — это не самое важное в жизни, — Ян приподнял уголки губ в улыбке, не затрагивавшей его лица.

— Чего ты добиваешься? — Лия задала вопрос будничным тоном, как если бы спрашивала о погоде.

— Абсолютно ничего.

— Тогда к чему все это? Ты пересмотрел фильмов с похищениями или просто решил показать на что способен? — Она развела руками, широкий свитер превратил её жест в какой-то забавный взмах птичьих крыльев.

Ян подошел к ней. Присел, опуская лицо на уровень с её глазами.

— Знаешь, я мог бы ведь одной рукой свернуть тебе шею, — задумчиво произнес он, опуская руку на плечо Лии и поднимая с него прядь её волос. — Мне хотелось это сделать. Особенно, когда я узнал, что человек, которого я считал самым скромным и чистым из всех

кого знал, оказался совсем другим, — Он пропускал сквозь пальцы волосы, глядя как они обворачиваются вокруг, — Знаешь, как это больно, когда человек, на которого ты можешь смотреть издали, боясь побеспокоить тем, что подойдешь ближе дозволенного, так легко раздавливает твое восхищение, спускаясь до уровня обыденности?

Он не смотрел на неё, изучая изгибы пряди на ладони. Затем поднял руку к лицу Лии и нежно провел по щеке. Это прикосновение было легче дуновения ветра, настолько трепетно его пальцы касались кожи, но вместе с тем оно было почти болезненным в своей легкости.

— Как же ты могла? — Пальцы застыли, — Как ты могла так легко стать другой?

Лия замерла, боясь даже вздохнуть. Ян качнул головой, — Я не верил, не мог поверить, что ты так изменишься. Что ты легко можешь предать всё, став такой же, как все вокруг. Чем он тебя изменил? Деньгами? Красивыми словами?

— Это не так? — Лия почему-то не могла говорить громко, только шепотом, словно от этого могло что-то измениться в худшую сторону. Ян поднял голову, пальцы ощутимо сжали её волосы, впиваясь в затылок и приближая её лицо почти вплотную к нему.

— Посмотри мне в глаза, — его голос ощутимо резал слух скрежещущими звуками. Лия смотрела на то, что секунду назад было достаточно симпатичным лицом, но сейчас напоминало отталкивающую маску с чернеющими глазами. — Чего я добиваюсь? Ничего. Тебе нужны были деньги? Они вокруг тебя. Красивые слова? Ты уже и так утонула в их лжи. Мне стоило поступить так раньше, но я думал, что всё будет иначе. Я не отпущу тебя.

Он почти оттолкнул её, поднимаясь. С силой толкнул дверь, от чего та с грохотом отлетела, ударяясь о стену. Лия осталась сидеть на ступенях лестницы, шумно вдыхая воздух, которого ей почему-то не хватало. Что же, теперь было яснее ясного, что её угораздило попасть из огня в самое пламя.

Она не понимала, как в этом человеке могло уместиться столько трепета и непонятной жестокости воедино. Сидя в полумраке гостиной, на холодной ступеньке, она осознавала, что в его тоне, полном злобы и сарказма, ухитрялась скрывать забота, которую он так извращенно прятал. А в его почти грубых прикосновениях сквозила бережность, будто он касался хрупчайшей вещи. Лия не понимала, почему перед её глазами до сих пор стоит его взгляд, и почему она больше не ощущает себя прежней, уверенной в правоте своих поступков девочкой.

Часть 3.2 Дорога в зазеркалье

Считается, что пословица про то, что время лечит — не более, чем утешающая ложь. Но, как бы то ни было, но любые потрясения утихают. На смену им приходит затишье, которое помогает начать медленно приходить в себя.

Действительно, говоря, что её не отпустят из этого полузабытого миром островка, Дорнот не шутил. И даже намёка на то, что его помрачение пройдет, так же не предвиделось. С новыми днями, приходившими на смену вчерашним, Лия понимала, что это, возможно даже шло ей на пользу. В доме была почти незаметная горничная и кто-то еще из обслуживающего персонала, что позволяло делать выводы, что о том, кем был Дорнот, никто в госпитале толком и понятия не имел. А о масштабах его состоятельности — не догадывался и давно.

Лия изучила целиком то крыло, которое было ближе к её комнате. Провела сутки почти в большой библиотеке, поглощенная книгами от новых изданий до старинных томов, которые до сих пор могла найти лишь в электронных каталогах сети, как раритетные. Её путешествие в дебри книжного леса в первый день закончилось тем, что она заснула на полу, прислонившись к шкафу, с большим томом энциклопедии в руках.

Наступившее утро встретило её пасмурной погодой, от неудобной позы ломило спину. Но вот то, что пледа, которым она была укрыта, не было в библиотеке накануне, и она его не приносила с собой из комнаты — в этом Лия могла поклясться. Значит, кто-то зашел и, сжалившись над сироткой, укрыл её. А судя по тому, что так поздно никто не ходил по дому, напрашивалось только одно вероятное предположение, что это мог сделать Ян.

Порой казалось, что Лия совсем одна в доме. Но время от времени уже знакомое состояние взгляда, направленного на неё, напоминало о том, что обманчивое ощущение одиночества не было истинным. Лия была даже рада, что очевидно безумный Дорнот не появляется. Она и боялась встречи, ожидая о неё новых и неприятных сюрпризов, и не знала — как теперь вести себя с ним.

Почти парк, на территории которого стоял дом, охранялся. Поэтому Лия оценила бессмысленность той смехотворной попытки сбежать, и просто решила радоваться тому, что могла пройтись, вдыхая весенний воздух, по раскинувшейся перед фасадом дома лужайке. Поскольку у неё теперь была масса времени, она могла обдумать то многое, на что раньше просто не хватало времени. В какие-то минуты её охватывала острая боль от того, что ничто не происходит. Что никто даже не звонит узнать — где она.

Но спустя день после того пугающего разговора она убедилась в том, что была права. Телефон, который она так и не могла найти, Лия обнаружила на столе в своей комнате. Это только добавило растерянности, примешав к ней долю странного любопытства к тому, что представляет из себя Ян.

Первым делом Лия позвонила домой, и убедилась в том, что он не солгал, сказав о том, что сделал так, что бы её близкие не волновались о ней. Не желая разрушать созданную им картину, она поговорила немного с матерью, сказала, что задержится на некоторое время. Закончив разговор, Лия задумалась. В какой-то мере она и не солгала. Ей и вправду не хотелось возвращаться туда, где все будет словно усеяно лезвиями воспоминаний.

Всё было бы просто замечательным, если бы не гнетущая тишина и отсутствие каких-

либо перемен. Лия сидела с книгами, листая старые фолианты. Бродила по молодой траве, упорно пробивающейся навстречу солнцу. Смотрела вечерами на то, как лениво шевелится пламя огня в старинном камине. Здесь жизнь остановила ход времени, а она, как привыкший к суматохе ребенок города, ощущала капающие каплями мгновения дней, останавливающие безумный бег прежней жизни.

Думать о прошлом было больно. Думать о безумном и незаметном хозяине дома было опасно. словно любая мысль о нём грозила увести в лабиринт, из которого нет возврата. Не потому, что он так опасен, но потому, что с каждым днем ей было всё интересней понять — что же прячет в себе темнота за поворотом.

— Вам не скучно?

Внезапно раздавшийся из ниоткуда голос заставил Лию вздрогнуть. Был уже поздний вечер, а она всё продолжала сидеть на большом ковре, прислонясь к спинке кресла. Оно скрывало говорившего.

— Спасибо, совсем не скучно, — отозвалась Лия, оставаясь на месте. Дорнот приблизился. В комнате царил полумрак, стиравший грани между светом и тенями. Он присел на ручку кресла, оказываясь на расстоянии, но в то же время — рядом. снова воцарилась тишина.

— Как давно Вы продолжали следить за мной?

Лия спокойно смотрела в небо, темневшее за окном. Где-то далеко у края горизонта его окрашивало нежно-сиреневым цветом уходящее солнце, бросая последние лучи на облака перед тем, как полностью уступить место ночи.

— Я "следил за тобой", как ты говоришь, с первого дня, как ты появилась в госпитале.

Он тоже смотрел в вечернее небо, словно заглядывая дальше облачной короны, раскинувшейся вдоль горизонта.

— Я все равно не понимаю всего этого, — в успокаивающем полумраке слова зависали как светлячки. И Лия почему-то знала, что сейчас ничто не сможет нарушить этого покоя. На небе тихо загорались звезды, сменяя последние отблески заката. Ян повернулся и посмотрел на Лию, ожидая, что она скажет еще.

— Я хотела понять — какой же Вы настоящий. Я вижу только обилие масок, меняющихся постоянно. Но никогда не вижу настоящего человека.

Лия замолчала. Она ждала ответа, хоть каких-либо слов, пусть даже безумных или неприятных. Но в ответ так же было лишь молчание. Дорнот протянул руку, словно хотел дотронуться до неё, и отдернул, так и не коснувшись. Казалось, что на её слова у него не было ответов. Или же то, что он мог сказать, не приняла бы она. На несколько мгновений повисла тишина, пронизанная несказанными словами. Затем Ян поднялся и так же молча вышел из комнаты, оставив её наедине с тишиной и звездами, заглядывавшими в окно.

* * *

Тишину кабинета разрезал звонок, вернувший Эрика из раздумий, которые неожиданно одолели его. В жизни было всё упорядоченно и логично. А всё, что не входило в систему, подлежало уничтожению. Всё, что шло вразрез, что когда-либо было выдающимся за рамки четкого порядка, было отформатировано и удалено.

Жизнь шла своим чередом, ничто не могло выбить его из колеи. Прошло около пары месяцев с того момента, как он чуть было не пустил свою жизнь под откос ради

сиюминутных эмоций. Это было закрыто раз и навсегда.

Эрик поднял трубку телефона, сделанного в стиле прошлого века.

— Мистер Маргулис, это Ваш врач. Я думаю, что такие новости Вам стоит узнать.

Спустя час он сидел в пахнущем цветами кабинете и недоверчиво выслушивал безумную фантазию. Это звучало невероятно, нереально и таким маняще. Раньше Эрик бы не поверил, но теперь всё было иначе. Надо было отдать должное тому полугоду эмоций, в который он научился верить в себя. Это было парадоксально, что человек, которому нельзя было доверять, который предал его, помог ему поверить в себя. За это он был благодарен, но надо было двигаться вперед.

— Вы понимаете, что гарантий нет, но всегда есть шанс. И если дефект был не врожденным, то можно надеяться на успех.

Маргулис кивнул. Никто и не обещал выигрыш, но если не поставить всё, бессмысленно даже начинать.

— Я свяжусь с знакомым профессором, проконсультируюсь у него. Затем будем напрямую разговаривать с хирургом, который предложил эту методику.

— Я согласен, — половиной разума осознавая авантюренность предложения, Эрик был уже согласен, он не терял ничего даже в случае неудачи. Поверить в невозможное — разве не этим он занимался несколько месяцев?

* * *

Когда понимаешь, что то, чего ждешь сильнее всего, не произойдет — сложно и тяжело принять правду. Хотя разум и шепчет утешающее, что так будет правильной, но сердце упорно стоит на своем. Наверно, если бы Лия могла поделиться с кем-то тем, что клокотало внутри, заставляя терять спокойствие, ей было бы только хуже. Болезнь надо переболеть, а ничто так не лечит, как мысли, что даже если сейчас слишком тяжело, это пройдет в свой срок. И хоть порою хотелось кидать книги, разбивать ни в чем неповинную вазу, свалиться и плакать, ненавидя себя и всех, Лия просто сидела на окне, бессмысленно и бесцельно глядя в никуда, ожидая пока приступ истерики погаснет, не разгоревшись. Или же старалась очутиться на улице, где эмоции, радостно поглощавшие полумрак и замкнутое пространство для своего роста, улетучивались, испугавшись ветра, ворошившего волосы, солнца, гревшего лицо, и запаха жизни, нещадно испепелявшего воспоминания.

Она старалась сначала искать оправдание в том, что найти её Эрику сложно. Но логика доказывала, что нет ничего невозможного для того, кто хочет чего-то добиться. Она предполагала, что завтра всё изменится, но наступало завтра, принося новый день и прежнюю правду. И понемногу Лия свыкалась с мыслью, что просто всё закончено. Единственное, что оставалось прежним и не менялось — доля неприязни к тому, кто ходил по тем же коридорам, что и она, стараясь не пересекаться с ней, и кто был виноват в происходящем. Но это не мешало Лии все чаще ловить себя на мысли, что она пытается понять — что же представляет он из себя?

Дом не был абсолютно пуст — она спускалась в просторную кухню, где улыбчивая пожилая миссис Норис, единственный человек, постоянно находившийся в доме вместе с ними, составляла ей компанию. Она заботливо ставила перед ней, продрогшей после очередной долгой прогулки горячую чашку чая, и создавала ощущение почти сказочного уюта. Лия могла бы задать ей вопрос о виновнике своих злоключений, но что-то всегда

останавливало её. Миссис Норис восприняла пребывание Лии в доме так, словно это было чем-то естественным, не проявляя ни удивления, ни задавая вопросов. И это было даже хорошо.

Погода решила, что достаточно побаловала теплом, и неожиданно вернула зиму, принеся вновь заморозки и щедрые дожди. Лия, порядком уставшая от вынужденного безделья, пришла в теплое и ярко освещенное помещение кухни, где так приятно пахло выпечкой и пряностями. Сюда не долетал шум ветра, и не знобило от промозглой сырости, стремившейся проникнуть в дом.

— Моя дорогая, мне придется отойти на пару минут, — миссис Норис ставила на поднос небольшой лазурный чайник, из которого поднимался пар, такую же лазурную сахарницу и чашку. Всё это напоминало Лии очаровательные наборы посуды, о которых она часто мечтала в детстве. — Погода совершенно недобра к нам всем, хозяин простыл и неважно себя чувствует. Я думаю, что ему стоит выпить горячего чаю, чтобы не заболеть серьезнее.

Про себя Лия решила, что это — еще самое малое, чего тот заслужил, но откинув злорадную мысль, решила, что нехорошо заставлять пожилую женщину нести увесистый поднос невесть куда.

— Не беспокойтесь, я отнесу, — предложила она и, видя почти облегчение на лице миссис Норис, добавила, — Правда, я не знаю — куда именно, в доме так много комнат.

— О, это тут, рядом, поднимитесь по лестнице и поверните направо. Вторая комната слева.

Дел у пожилой дамы и без того хватало, предложенная помощь была более, чем кстати. Лия кивнула, надеясь, что не забудет маршрут, и направилась к лестнице, ощущая себя официантом.

Официантом. Это пробудило в памяти один из обрывков воспоминаний.

Она остановилась на половине лестницы. Администрация ресторана сказала, что кто-то затеял драку. Кто-то из официантов. Картины пролетели перед глазами, словно стая встревоженных птиц, догадки и мысленный вопль негодования — всё смешалось воедино. Лия вернулась к действительности и одолела последние ступени.

Вторая комната налево была пуста, когда она толкнула дверь и вошла. Заваленный бумагами стол — единственное освещенное небольшой лампой место, выглядел маяком в море сумрака. Лия поставила поднос на краешек стола, свободный от бумаг, и огляделась. Вдоль одной стены протянулся шкаф с книгами, соблазнительно темнеющими на полках. Другая стена была спрятана под ковром, приятный орнамент которого наполовину прятал стоявший стеллаж с папками.

Лия взглянула на бумаги, лежавшие на столе. Всевозможные тексты, официальные бумаги, гербы департамента здравоохранения — все словно наскоро собрали в стопку, чтобы не тратить место. Судя по всему, человек, работавший здесь, был крайне трудолюбивым и весьма занятым. Лия провела рукой по столу, словно тот мог рассказать ей о хозяине.

— Вас заинтересовала моя работа? — Она вздрогнула, от резкого движения небрежно сложенные листки бумаги вспорхнули и разлетелись по полу белыми птицами. Ощущая себя пойманной на месте преступления, Лия опустила, собирая предательские листки. Дорнот продолжал неподвижно стоять, не делая ни шага и наблюдая, как она поднимает документы.

Подобрав последний лист, Лия поднялась и, злясь на непрошеное ощущение вины, кивнула на поднос, уныло стоявший на столе.

— Миссис Норрис сказала, что Вам нездоровится. Я принесла горячий чай.

— Спасибо, — Ян чуть кивнул, словно показывая, что принял объяснение.

— Только не стоит думать, что Ваше самочувствие меня заботит, — Лия разозлилась и несла полную чашу, прекрасно понимая, что говорит не то, что следует.

— Прекрасно знаю, что Вы бы вбили мне кол в сердце. И, можете поверить, что разделяю такие пламенные чувства.

Дорнот шагнул наконец в комнату, направляясь к столу. Свет лампы не был слишком тусклым, чтобы Лия не заметила достаточно болезненный вид, запавшие глаза и остроту черт лица, выдававшие, что он действительно болеет и достаточно сильно. Но это не смогло её остановить от вопроса:

— Тот официант в ресторане. Это тоже были Вы?

Ян опустил в кресло, спокойно выдержал взгляд Лии и кивнул.

— И Вы так легко разрушили все в моей жизни, не жалея ничего для этого? — Кончики пальцев похолодели, словно их засунули в зимний снег. Лия готова была убить его, настолько её охватило бешенство. И останавливаться она не хотела. Дело сейчас было уже не в её погибших отношениях, дело было в лабиринте, куда её затягивало желание выбить из него правду вместе с духом, — Что Вам это дало?

— Абсолютно ничего.

Она опешила. Это было похоже, как если бы ей с ходу пришлось врезаться в стену. Дорнот чуть пожал плечами, словно отвечая на её недоумение, и поднял на неё глаза:

— Уверен, что ты прекрасно знаешь ответы на свои вопросы, но зачем-то требуешь их от меня.

Лия поджала губы, заклиная себя промолчать и душа на корню все ругательства, которые просились наружу.

— Вам не стоит долго сидеть, лучше ложитесь, — внезапно сказала она, удивляясь тому, что оказалась способна на спокойный тон.

— Все нормально.

Повисла тишина, как бывало обычно после их неудачных диалогов. Лия развернулась и вышла из комнаты. Поразительно, как можно быть таким самонадеянным, спокойным и почти игнорировать её, будто она напросилась к нему в дом! Но вместе с тем, ей пришлось раздраженно признать, что он действительно нездоров, а это её как-то задевало. Всё же он оставался весьма вежливым по отношению к ней. И ей совсем не нравилось, что даже в этой ситуации Дорнот оказывается положительней, чем она хотела бы его видеть.

Вечер был на редкость не похож на весенний. В окно стучал дождь, а ветер заунывно шумел где-то в камине. Лия сидела в углу кровати и раздумывала — как там сейчас, дома? Что делает мать? Жулибо, скорей всего, сидит в кухне, ожидая момент, что бы утащить что-нибудь съестное. А что делает сейчас Он?

На секунду Лия задумалась, позволяя себе такую минутную слабость. Но затем отрезвляюще дотронулась до лица, где уже давно прошел синяк, не проходя при этом в душе. Она поплотней завернулась в одеяло и неожиданно подумала о том, что где-то на другом конце дома наверно по-прежнему не спит Дорнот. Лия почти никого не видела в доме поздно вечером, кроме него, а это означало, что сейчас он так же один. Больной. И в полном одиночестве. Она поежилась. Как бы это не казалось глупым, после того, что происходило, что-то неприятно царапало при этой мысли.

Ругаясь на чем свет стоит, Лия вылезла из теплой постели и, натягивая брюки, убедила

себя, что просто проверит — как он? из профессионального долга. Если же всё нормально — вернется обратно.

Казалось, что в доме никого нет кроме неё и тишины. Лия осторожно ступала по полу, словно её шаги могли потревожить сон старых стен. Дойдя до лестницы, она заметила, что камин внизу еще освещает полумрак несколькими языками пламени, лениво лижущими каминную кладку. Это было единственное освещенное место, и Лии захотелось подойти к нему. Она так же осторожно спустилась, стараясь не шуметь, и почти подошла к огню, когда из кресла, стоявшего перед камином, раздался голос Яна:

— Проходите, у огня теплее.

Лия остановилась. Кажется, она говорила, что просто проверит — как он там, и вернется обратно?

— Не уходите, посидите здесь.

Это было необычно. Эта была почти просьба. Лия прошла к камину, опустилась на пол, устланный ковром и прислонилась к стоявшему рядом креслу, близнецу того, в котором сидел Ян.

— Я спустилась узнать — как Вы, — спокойно сказала она, подбирая поудобней ноги.

— Спасибо, что побеспокоились, но всё хорошо.

Огонь в камине плясал, рисуя какие-то известные лишь ему картины, рассыпался искрами в фейерверке и снова продолжал танцевать, лениво поедая поленья.

Впервые Лия вдруг поняла, что ей хорошо. Ей было просто хорошо, несмотря ни на что. Словно тишина и покой наконец-то спустились на неё, очищая от остатков всего, что не давало спокойно дышать.

— Улыбка придает свет лицу, — произнес Дорнот, словно ощущая, что Лия улыбается. Она кивнула и обернулась на него. Ян сидел с книгой, лицо оставалось в тени, не позволяя отчетливо разглядеть его выражения.

— По Вашим словам моё присутствие угнетает, но Вы приходите, что бы проведать меня. Вы так сильно преданы долгу профессии?

— Я не меряю свои поступки долгом, — возразила Лия, — Если кому-то не хорошо, я не могу просто пройти мимо.

— Кто-нибудь счел это ложью или же добротой на грани с безрассудством.

Ложью это сочли. Не так давно. Лия нахмурилась, прогоняя непрошенные воспоминания

— Почему вы всегда один? Или ваши родственники не в курсе, что Вы тут? — Она решила атаковать сама, прежде чем снова специально или ненароком атакуют её.

— Наверно потому, что я не имею родственников, горящих желанием присутствовать рядом.

Дорнот наблюдал за ней, говоря это. Его взгляд ощущался по-прежнему как направленный на собеседника прицел.

— Мать умерла, оставив меня целиком на попечении отца, достаточно рано. Отец умер несколько лет назад. Остальная родня не особо страдает семейной любовью, поэтому мы не поддерживаем никаких отношений.

Лия вновь ощутила укол сочувствия.

— Как Вы правильно догадались, мы не настолько бедны. Но вот только мое желание быть врачом не вызывало одобрения ни у кого. Даже у тех, кто поддерживал отношения с моим отцом. Как и у него тоже, кстати. Он решил, что из меня так и не получилось достойного в его глазах сына, ну и я уехал.

Лия покачала головой, ощущая жалость к нему, которая оттесняла назад прежнюю неприязнь. Она была счастливей его, у неё всегда была семья, которая принимала её любой, не смотря ни на что.

— Но это же неправильно, — она отодвинулась от кресла и повернулась к Дорноту.

— Неправильным было забыть о фамильной гордости и спуститься до уровня обычного человека, стоящего на более низкой ступени общества, — его голос источал сарказм, за которым пряталась горечь, — Особенно когда тебе с рождения выбрана дорога, обещающая перспективы и не выходящая за рамки традиций. А ты решаешь распорядиться своей жизнью иначе.

— Вы были счастливы, распоряжаясь своей жизнью, — возразила Лия, поддерживая последнюю фразу.

— Меня приучили видеть в людях то, что может быть ценным для того, чтобы идти дальше. Ничто не должно остановить, если выбираешь цель. Ничто не должно выходить за рамки. Жизнь — это набор четких правил и условий, которые диктуют положение и семья. То, что в них не вписывается, либо необходимо вычеркнуть, либо обойти, чтобы не нарушить правил.

— Как так можно жить, — почти возмущенно произнесла Лия, — Позволять жизни превращать человека в пешку и лишать всего, что позволяет ему оставаться самим собой!

— Ну, таковы правила. Хотя именно из-за них меня можно считать самоуверенным мерзавцем.

Лия покраснела, не опуская глаз под взглядом Яна:

— Я не считала так.

— Бросьте, мы с Вами прекрасно знаем, что это не так, — он отложил книгу, которую держал в руках, в сторону, — Но это Ваше право считать меня кем Вам угодно.

— Нет, — Лии отчего-то захотелось переубедить его, — Это не так. Я не считала так хотя бы потому, что не знала — что Вы из себя представляете.

Дорнот подошел к камину и облокотился на теплую каменную панель.

— Люди предпочитают видеть то, что снаружи, а не заглядывать глубже.

— Вы требуете слишком много, — её задела его слова.

— Я никогда не требую ничего, кроме того, что могу сделать сам.

— Знаете, каждый раз я видела не самые положительные проявления Ваших требований. Ваши слова о женщинах. Высокомерие — порой достаточно легкомысленное и оскорбительное отношение к людям. И Вы не понимаете, почему о Вас складывается такое впечатление, когда сами всячески только поддерживали его? — Лия поднялась с ковра. От её благожелательного настроения не осталось и следа.

Пламя причудливо плясало, освещая лицо Дорнота, отчего все резкие линии лишь подчеркивались, придавая ему суровое, почти жестокое выражение. Он стоял, глядя сквозь камень и не шевелясь.

— Мне нет дела до того, какое впечатление я произвожу, — Ян отнял руку от панели, на которую опирался, и повернулся к Лии, — Миру нет дела ни до кого, так почему меня должно волновать его мнение?

— Мнение окружающего мира? Нет, — она не собиралась сдаваться, — Но зачем целенаправленно создавать вокруг себя пустоту, прекрасно понимая, что она разрушает самого Вас же?

Дорнот смотрел на неё. Свет пламени все так же превращал его лицо в непроницаемый

камень, скрывая мысли и слова, которые рвались наружу на самом деле, как казалось Лии.

— Да, никому нет дела друг до друга. Но зачем же разбивать всё, что может жить само, независимо от мира и его сиюминутного мнения? Зачем уничтожить себя? Ради абсурдных правил, которые ВЫ же сам и разрушили, не желая подчиняться ни им, ни миру?

Лия перевела дух. В комнате замерла тишина, огонь словно перестал потрескивать, так же застыв в ожидании. Дорнот молчал, прожигая насквозь Лию лишенным эмоций взглядом. Но при этом, словно за поставленной им же стеной, беспокойным пламенем рвались и горели слова. Сотни слов, мыслей, которым он не давал прозвучать. Что же с ним такое, что он почти превратил себя в маску, пародию на себя настоящего, и не показывает правды?

— Доброй ночи. Надеюсь, что Вас ничто не побеспокоит, — произнес Ян, переводя взгляд на огонь. Лия не ответила, просто развернулась и молча пошла к лестнице.

* * *

Нарисованная картина опасно манила, уговаривая и отравляя логику согласиться. Все, что требовалось — простой осмотр и обследование. Но обманчивая простота таила в себе угрозу. Она могла заставить поверить в чудо. И могла тут же эту веру уничтожить.

Поэтому Эрик испытывал неприятное ощущение дискомфорта, сидя в кабинете врача частной клиники. Его врач заявил, что этот доктор — талантливый специалист, работающий над революционными методами, и во всех случаях они показывали себя с лучшей стороны. Эрик слушал его в полслуха, напряженно ожидая появления этого чудодея, который мог подарить ему шанс на надежду.

В кабинете работал кондиционер, его ветерок касался лица. Кожа удобного кресла еле слышно потрескивала при малейшем движении. Эрик раздраженно вздохнул, заставляя себя не торопить время. Еще пара минут, и он уйдет. Незачем строить иллюзии.

В ответ на его мысли хлопнула открывшаяся дверь. Мимо Эрика стремительно прошел врач.

— Прошу прощения, что заставил ждать. Я только что приехал, — произнес спокойный голос. Эрик кивнул, принимая объяснения, и вновь напрягся в ожидании. Мужчина опустился в кресло и зашелестел бумагами. Судя по всему, он был в возрасте — по скрипу кресла можно было предположить, что врач не обладает утонченной худобой, или же постоянно занимается спортом. А размеренные и уверенные движения были, в своем роде, визитной карточкой профессионала. Или крайне талантливого шарлатана.

— И так, мистер, — он заглянул в карту, что бы посмотреть фамилию и на несколько секунд сделал паузу. В другой момент Эрик обратил бы внимание на эту заминку, но сейчас им всецело владели другие мысли.

— И так, мистер Маргулис, — словно и не было паузы, продолжил врач, — Вы отдаёте себе отчёт в том, что я не могу дать гарантий, но мы можем лишь рискнуть. И то, если убедимся, что Ваша проблема не имеет врожденной формы.

— Я понимаю Вас, — Эрик был готов заорать на него, что бы тот не тратил попусту слов, а переходил к делу, если способен что-то сделать. В возникшей паузе отчётливо ощущалось, что врач смотрит на него. Эрику даже показалось, что он находится под сверлящим его прицелом, настолько острым было это ощущение.

— Хорошо, — словно ставя точку, произнёс врач, — Тогда начнём.

Непривычная пустота, опустившаяся на дом, заставила Лию испытывать ощущение брошенности. Не то, что бы ей было в тягость одиночество. Но дом, лишенный присутствия этого странного человека, словно потерял что-то. Её никто не предупреждал о том, что Дорнот внезапно исчезнет. Просто, пробыв почти весь день на улице, Лия вернулась и поняла, что что-то изменилось.

Как всегда тепло улыбающаяся миссис Норис предложила ей ужин и попутно посетовала, что зря приготовила так много, хозяин уехал ещё до полудня. Почему-то это неприятно кольнуло.

— Как уехал?

Она знала, что её недовольство связано только с тем, что каждый его поступок продолжал раздражать своим упорством, упрямством и независимостью, не считавшимися ни с чем.

Миссис Норис села на плетеный стул напротив Лии и пожала плечами:

— Ближе к полудню, дорогая. Судя по всему, у него срочные дела, — она улыбнулась своим мыслям, — мальчик всегда настолько занят, что мне редко выдаётся возможность увидеть его.

Лия подавила удивленное хмыканье.

— Вы давно его знаете? — Спустя секунду задала она вертевшийся на языке вопрос.

— Давно? Я знаю его с десяти лет, — судя по всему, с Яном у миссис Норис связывались только самые хорошие эмоции, и это было очень странно, что настолько неадекватный и самоуверенный человек мог вызывать добрые чувства. Лия напомнила себе, что миссис Норис может и не догадываться о втором лице Дорнота, и решила продолжить расспросы.

— У него наверно большая семья.

— Моя дорогая, количеством родственников семью не заменишь. Если настоящей семьи нет, то её нет.

— Вы хотите сказать, что у него было сложное детство? — Лия изобразила на лице подлинный интерес, который было не так сложно разыгрывать. Ей действительно было интересно.

— Я бы сказала, что в его детстве отсутствовало то, что нужно любому ребёнку: тепло, нежность. Нет, не подумайте ничего такого, его любили.

— Его мать рано умерла, — вспомнила Лия.

— Да, а отец видел жизнь весьма своеобразно. Наверно Вы знаете, что они принадлежат к достаточно известной в обществе фамилии, в которой мужская половина сплошь была военными и политиками. Так сказать, традиция.

Лия внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова.

— Поэтому мальчик должен был соответствовать семейным требованиям. Он учился в частной школе, где весь упор шёл на то, что бы создавать из молодых людей будущих деятелей для страны. К моменту окончания школы все ожидали, что он примет решение продолжать традиции семьи или в армии, или в политике. Но когда мальчик приехал, в тот же вечер разразился грандиозный скандал.

Миссис Норис вздохнула, словно видя все вновь, и продолжила:

— Он заявил отцу, что собирается стать врачом. И у того, и у другого одинаковые характеры. И само собой, то, что последовало потом, было вполне предсказуемым. Отец

настаивал, приказывал и угрожал. Но бесполезно. Всё закончилось тем, что младшего Дорнота вычеркнули из жизни, заявив, что он — гнилая ветка на родословной дереве, не оправдавшая возложенных на него надежд.

Лия настолько напряженно слушала миссис Норис, что затаила дыхание.

— А Ян?

— О, он на следующий же день собрал вещи, уместившиеся в одном чемодане, и уехал. Один, в другой город, за столько миль от родного дома. Я думала, что уже никогда не увижу его, — миссис Норис сокрушенно покачала головой, — Ведь от него не было даже вестей. А потом, спустя два года, умер его отец. Родня, приехавшая на похороны, была крайне обрадована известию, что тот оставил им все, вычеркнув сына даже из жалкого клочка бумаги.

— А этот дом?

Миссис Норис улыбнулась.

— Когда он стал совершеннолетним, оказалось, что судьба о нём не забыла. Мать, словно предвидя всё, оставила ему свою собственность, этот дом, где он рос до того, как его отправили в школу. Я узнала об этом из письма, которое он мне прислал, предлагая поселиться тут. Как же я была рада, что он, вопреки всему стал таким умным и талантливым. Хотя это стоило ему так дорого.

— Не знала, что Дорноты настолько известные люди, — удивилась Лия.

— Что Вы, — возразила миссис Норис, — Это фамилия его матери. После того, как отец фактически отказался от него, он сжег тоже все мосты и взял фамилию покойной матери.

Лия задумчиво смотрела на ажурное плетение соломенной вазочки с печеньем. Странное ощущение сожаления и сочувствия клубились, подавляя возмущение, поднимавшееся всегда при одном упоминании о Дорноте. И, хотя она не хотела простить его поступка, что-то в его жизни стало понятным, а он — как то ближе. Но это было лишь одним фрагментом в запутанных переходах его многоликости, не объясняющим его настоящего лица.

Было далеко за полночь, когда она услышала приближающийся шум машины, говоривший о возвращении Яна. Лия не могла заснуть, уговаривая себя, что так на неё подействовала долгая прогулка, или дает о себе знать напряжение последних дней.

"Да кого, собственно, я пытаюсь обмануть. То, что я узнала, заставило меня пожалеть его. А теперь, как последняя дура, я испытываю заботливое беспокойство, хотя он заслуживает только хорошей оплеухи", — Лия раздраженно перевела взгляд на потолок. Несмотря на логичность рассуждений, что-то непонятное продолжало уговаривать, и она, мысленно ворча, встала с постели.

Лия стянула плед, закуталась в него и осторожно открыла дверь в коридор. Она прошла мимо лестницы — внизу было тёмно. Из приоткрытой двери комнаты падала тонкая полоска света, и Лия направилась к ней.

Освещённая комната, в которой она уже была, представляла странную картину беспорядка, царившего внутри. Заполненная до отказа, и при этом выглядевшая так, словно ее заполняли в непонятной спешке, не позволяя себе остановиться. Бумаги, книги, папки, лежащие на полу, в шкафах, на столе.

Лия осторожно заглянула дальше, отвлекаясь от созерцания хаоса. Щедрость жизни на сюрпризы не заканчивалась, продолжая предлагать самые непредсказуемые аттракционы,

которым позавидовал бы любой остросюжетный фильм. Ян находился посреди комнаты. Он стоял на коленях, словно опустился за упавшими бумагами, с отрешенным видом пропуская сквозь пальцы мелкие обрывки бумаги, снова собирая их в ладони и снова просеивая их снова сквозь пальцы. Его лица не было видно, он низко опустил голову, но по неторопливо-механичным движениям было понятно, что Дорнот где-то далеко от этой комнаты, от этих обрывков и от всех сразу.

Вроде ничего особенного, но картина внушала какой-то неприятный безотчетный холодок по коже. Лия поежилась, она ощущала себя лишней в окружавшем Дорнота холодном, пустом пространстве. Секунду она колебалась, часть ее требовала уйти как можно дальше от этого, а вторая не могла уйти, оставив Яна одного с его призраками.

Она отворила дверь, стараясь, что бы он отвлекся, обратив внимание на звуки ее шагов. Но он не поднимал головы, реагируя на ее вторжение. Лия подошла ближе, помедлив, подобрала удобней плед, в который куталась, и опустилась рядом с ним, лицом к лицу, стараясь поймать его взгляд.

В тишине раздавался только шорох летящей бумаги, проскальзывавшей сквозь пальцы и дождем падавшей вниз. Лия молча сидела рядом. Ей придётся сидеть ровно столько, сколько понадобится, пока он не придёт в себя и не станет прежним.

Но Ян не становился. Напротив, он все медленнее повторял движения и наконец, набрав ключья бумаги в ладони, замер, не отпуская их.

— Я не смогу.

Он обращался словно в никуда, если не считать того, что продолжал смотреть на бумагу. Лия набрала воздуха, сейчас или никогда ей придётся что-то сделать. Осторожно, словно дотрагиваясь до дикого животного, она протянула руки и дотронулась до застывших ладоней.

— Я не смогу этого сделать.

Дорнот неожиданно поднял голову, и Лия увидела в них то, чего меньше всего ожидала сейчас увидеть — боль. Новый поворот лабиринта его души приветливо зиял темнотой. Раздумывать было некогда, и Лия спокойно и с теплотой заговорила, молясь, что бы ее силы внушения хватило на то, что бы вернуть Дорнота из зазеркалья:

— Все будет хорошо... Пожалуйста, посмотри на меня...

Он продолжал глядеть сквозь неё, словно оставался на другой стороне зеркала. Лия обхватила крепче его запястья, стараясь отвлечь от разрушающей концентрации на этих ключьях бумаги, словно именно в них и была причина происходившего.

Они сидели друг перед другом, на теплом паркете. До сих пор Лия не понимала — насколько далеко её затянуло в лабиринт темноты Дорнота, но сейчас она была готова пройти до конца, лишь бы не видеть такой пустоты. Словно Ян был каменной статуей, разваливавшейся под влиянием чего-то изнутри на мелкие кусочки, постепенно превращаясь в пыль.

— Я не знаю, что произошло, но я знаю то, что говорю, — она обращалась куда-то за пределы комнаты, вне которой находился он, точнее — его лучшая часть, — Что бы ты сейчас не решил, ты можешь сделать всё. Ну, почти всё. Но ты можешь, я это знаю.

Где-то очень далеко, в глазах Яна словно забрезжила искра, и Лия, не отрываясь от неё ("Давай же, посмотри на меня!"), снова повторила как мантру: — Всё будет хорошо.

Медленно, но верно его глаза заполнялись прежним, знакомым светом. Ладони дрогнули, выпуская дождем обрывки бумаги, и крепко сжали пальцы Лии. Ян шумно

вздохнул, прижал её и свои сплетенные пальцы ко лбу, словно наводя порядок после возвращения. Лия облегченно выдохнула — он вернулся из своей непонятной и пугающей протрации. Не хотела бы она пережить вновь такое, словно на её плечи взвалили огромный валун, и от напряжения будто прижало к земле.

Наконец он опустил руки и покачал головой.

— Прости.

— Всё нормально, — Лии не хотелось сейчас возвращаться в прежнюю атмосферу ссор и конфликтов.

— Уже поздно. Почему ты не спишь? — Прежний, спокойный Ян возвращался на место, надежно пряча все свои тайны.

— Не спалось.

Он отпустил её пальцы и поправил сползающий с плеч Лии плед. Этот жест напомнил ей того незнакомого Яна, пришедшего на помощь, когда её обидела жена брата.

— Не стоит бродить по дому так поздно.

Лия поджала губы, не желая отвечать.

— Спасибо, что так думаешь обо мне, — он взглянул на злосчастные ключья бумаги, лежавшие между ними. Судя по всему, это был какой-то документ или договор. Поймав направленный на него взгляд Лии, Ян спокойно смахнул обрывки в сторону так, что бы было невозможно разобрать текст, и спокойно заговорил:

— Раз ты настолько великодушна, что веришь в то, что я могу сделать то, о масштабах чего не упоминал, я возьмусь за это дело.

Он помог ей подняться с колен, ноги настолько затекли, что Лия почти не чувствовала их. Лабиринт был не только темным, но и еще каждый его поворот был острым. И каждый угол можно было миновать, только задев его и ощутив боль. Стоил ли он того? Она знала только то, что хочет пройти его до конца.

* * *

Старый дом медленно оживал. В раскрытые окна врвался свежий воздух, шевеливший ткани штор и ворочавший страницы книг. Звуки птичьих голосов свободно доносились в каждый угол комнат, наполняя всё ощущением причастности к весеннему оживлению. Зеленеющая дымка, появившаяся на деревьях, на глазах вбирала в себя свет солнца, возвращая его изумрудной свежестью маленьких листочков.

Казалось, что даже между Лией и доктором установились более дружественные отношения. Она всё чаще обнаруживала его в библиотеке, погруженным в работу и не отрывающимся от каких-то записей и ноутбука. Сначала Лия немного переживала, что ей придется возиться в шкафу и отвлекать его. Но трезво рассудив, что это по его вине им приходится мешать друг другу, она продолжила изучать содержимое массивного книжного шкафа, достигавшего почти до потолка, не беспокоясь более о докторе.

Как-то в один момент она поняла, что рассматривает Дорнота, сидя на антресоли у самой верхней полки, с которой достала приглянувшуюся ей книгу. Ничто отдельно в нем не привлекало взгляда, слишком резким, словно высеченным умелой, но грубой рукой, было его лицо. Слишком педантичным и бесчувственным казался он сам. Но всё же что-то не давало просто пройти мимо него.

Лия смотрела на то, как врывающийся в окно ветерок ворошит волосы Яна. Перед ней пролетали все его лица, которые она видела за это время. Словно она стояла в зеркальной комнате, а вокруг в отражениях мелькали лица, искаженные маски одного лица, которое тщательно пряталось за ними.

Побеспокоенный её пристальным взглядом Ян поднял глаза. В этот момент Лия поняла, что наверно впервые она не видит в них отвратительного сарказма и непроницаемой насмешки. На неё смотрел спокойный, вопрошающий взгляд, и она неожиданно для себя улыбнулась в ответ.

— Всё хорошо?

— Да, — Лия подняла книгу, демонстрируя подтверждение своих слов, — А чем Вы так заняты?

Дорнот закрыл ноутбук, устало потерев глаза.

— Изучаю все тонкости предстоящей операции.

Лия неопределенно хмыкнула, понимая, что отвлекла его от важного занятия.

— Спасибо, что вернули меня к реальности, — словно в ответ на её слова добавил Ян, — На улице распогодилось, давайте пройдемся, — неожиданно предложил он. Это снова удивило Лию тем, что он сам пытается наладить между ними хорошие отношения. Она положила книгу на место и собралась слезать вниз. Единственное, чего она не учла, это того, что залезть было проще, чем спуститься. Под нею не было ничего кроме книг, а стул, опираясь на который она влезла, находился на неудобном для приземления расстоянии. Лия застыла в нерешительности. Слезть самостоятельно она не сможет, а признаваться в своих страхах было стыдно. Она посмотрела на Дорнота, надеясь, что он не заметил её заминки.

Ян поднялся с кресла, откладывая в сторону ноутбук, и подошел к ней.

— Прыгай.

Лия, не стесняясь, вытаращила глаза, отказываясь поверить в услышанное.

— Ну же, — Ян кивнул, — у тебя вряд ли получится слезть, не сидеть же там весь день? Так что, прыгай.

— Куда? — Голос у неё сорвался на невразумительный писк.

— Вниз, я поймаю, — хорошо, что он не добавил пару слов о её тупости. Но это было легче сказать, чем сделать, высота от этого не уменьшилась. Лия набрала воздуха, решила, что закрывать глаза — постыдно и неуместно, и мешком свалилась вниз.

На удивление, её достаточно бережно и аккуратно подхватили, поставив на ноги. Ян достаточно поспешно отвел руки, словно она была ядовитой или опасной, и шагнул к двери. "Странно", — подумала Лия, — "до сих пор никому никогда не приходило в голову быть настолько тактичным и внимательным, чтобы не отпустить шутку про её страхи, а просто понять и помочь". "Даже Эрик не был никогда таким внимательным", — добавил саркастично разум. Лия мысленно рявкнула на себя от злости на непрошеное упоминание о нём. Незачем портить наконец-то вернувшийся в душу покой тем, что может только причинить боль.

Они не торопясь шли по дорожке от дома, вдоль расцветающей клумбы с первоцветами. Лия раздумывала о том, что ей не хватает работы. Руки скучали по привычным движениям, а голове не хватало в какой-то мере изнурительного процесса трудовых будней.

— Мне придется уехать на несколько дней, — заговорил, нарушая тишину, Ян, — не предупредить тебя было бы грубостью.

— Уезжаешь? — Лия неожиданно поразилась тому, что ей стало неприятно от этого

известия. От того, что это восклицание само вырвалось, показывая её мысли, она покраснела.

— Ты можешь считать меня кем тебе угодно, но я попрошу тебя оставаться моей гостьей. Согласен, — предвосхищая её ответ, продолжил он, — просьбой это сложно назвать, но всё же, обещай, что не предпримешь снова попытку сбежать, пока меня не будет.

Лия кивнула.

— Знаешь, — снова заговорил Дорнот, немного помолчав, — Когда я был достаточно маленьким, отец считал, что я стану его гордостью. Его наследником. А потом, выяснилось, что его гордость почти дурак, не способный так же бегло, как его сверстники, овладеть чтением, непонимающий как читать и что от него хотят, заставляя смотреть в книгу. Конечно, мы знаем, что это — вовсе не проблема. Но мой отец, — Ян слегка улыбнулся, — каждый раз я видел в его глазах тень разочарования. А мне так хотелось, чтобы он мной гордился. Наверно, если бы несколько докторов не заверили его, что я просто не такой, как он хочет, но и не идиот, он бы решил, что на мне поставлена точка. Меня отправили в школу, вбили науку, постепенно я стал не хуже других. Хотя, чтение до сих пор дается мне сложновато, не скрою. А потом я понял, что хочу идти своей дорогой.

Лия ощущала себя так, словно её поджаривают на сковороде. От того, что говорил Ян, её бросало в котел, где кипели стыд и сочувствие. Не догадываясь о том, что происходит с его спутницей, он, погруженный в свои воспоминания, продолжал говорить:

— Это я и сказал отцу, вернувшись. Я не ждал, что он поймет меня. Но он сказал, что я как родился ничтожеством, так им и останусь, он не ожидал от меня ничего большего. Потому, что только ничтожный человек стремиться стать игрушкой для всех, не понимая, что его любвеобильность выглядит жалким доказательством того, что он — слабак.

Дорнот поддел ногой плоский камешек, проследил взглядом за его полетом и беззаботным тоном закончил свой рассказ:

— В тот вечер я ушел и больше никогда не видел отца. Он знал, где я нахожусь. Но запретил всем, даже миссис Норрис упоминать при нём обо мне. Я даже о его смерти узнал позже всех. Наверно он должен быть доволен такой своей мести.

Ян негромко засмеялся. Если раньше Лии казалось, что её жизнь сложна и нелегка, что выпадающие на её долю проблемы бывали слишком тяжелыми, сейчас она ясно увидела то, что они были в большинстве сущими пустяками. Чтобы не делал Ян по отношению к ней, насколько бы непростительно не было его вмешательство в её жизнь, он не заслуживал такого отношения. Пускай его мотивы были нелогичны, пускай он был неадекватен, но не Лии было его судить. Да, ей почему-то становилось всё сложнее держать на него зло. Он не старался её разжалобить или переменить свое мнение, он был всегда ровным. Просто, словно что-то менялось в её глазах, будто она начинала по-другому видеть многое.

Лия ни на секунду не сомневалась в том, что делает, когда справившись с мыслями, негромко произнесла:

— Мне стоило сказать это раньше. Я хотела извиниться за то, как думала. Мои слова, они были необдуманными и глупыми.

Ян остановился и повернулся к ней, почти насмешливо глядя на неё.

— Это потому, что меня тебе стало жалко?

— Это не так, — почти смиренно ответила Лия, она не имела права на возмущение его тоном и словами. Смотря на неё секунду, Ян изменил выражение лица и совершенно другим голосом, спокойным и немного мягким произнес:

— Не извиняйся. Но, пожалуйста, не вздумай никогда жалеть меня. Есть масса других, заслуживающих сочувствия, я в их число не вхожу.

Лия смотрела в абсолютно спокойные глаза, в которых сейчас не было никаких теней и стен. Это были глаза, не прятавшиеся ни за чем, настолько же спокойные, как и гладь воды в шпиль, отстраненные как отблеск металла. Он жил своей жизнью, в которой был только его мир. Закрывался тысячью лиц, что бы никто не видел его настоящего — может, это было единственно правильным для маленького мальчика, прятавшегося в глубине темноты его души? Была ли тьма в этом лабиринте тьмой? Или же она была только обманом зрения, ослепленного яркой иллюминацией мира, не желавшего принимать его?

Это было сложно. Но не признать этого было бы так же подло, как и равнодушно пройти мимо.

— Я не буду в отъезде долго, — словно ничего и не было, сказал Ян. Незаметно за разговором они подошли к дому, — Надеюсь, что без меня тебя будет свободней. А теперь извини, мне нужно подготовиться к отъезду.

И он пошел вперед, оставив её смотреть ему вслед.

* * *

Признаваясь самому себе, Эрик мог сказать, что никогда не испытывал такого волнения. Хотя логика и объясняла, что ничего особенного не произойдет, но сердце колотилось как бешенное, ударяясь о ребра и отдавая в виски. Сегодня все должно или начаться, или закончиться.

Вошел врач. Эрик замер, боясь, что стук его сердца слышен по всему кабинету.

— Я могу Вас порадовать, — голос доктора раздражал своей невозмутимостью, — как показало обследование, Ваша ситуация — не врожденный дефект, а следствие неправильного развития, и при успешном ходе вполне возможно, что это поправимо.

Ему казалось, что он падает куда-то в пропасть с огромной высоты.

— Если Вы все так же готовы рискнуть, мы поместим Вас сегодня в палату, а на завтра назначим операцию.

— Завтра? — Эрик был готов хоть сейчас лечь под скальпель, раз чудо было на расстоянии вытянутой руки.

— Да. Вы должны понимать, что никакое дело не делается второпях.

— Значит, я могу видеть? — Перебил его Эрик.

— Безусловно.

Казалось, что доктор смотрит на него, Эрик ощущал пристально направленный взгляд, под которым становилось далеко не уютно. Вероятно, необычность его ситуации заставляла врача так разглядывать его, как некий подопытный экземпляр. Но, ради такого шанса, Эрик был готов потерпеть.

Он не мог заснуть, лежа в палате. Мир, стоявший так далеко столько лет, приближался к нему с каждой уходящей минутой. Это было и пугающе и волшебно. Он сможет видеть. Он сможет больше, чем мог до сих пор. Часы неспешно отмеряли секунды, приближая этот миг. Чем ближе он был, тем беспокойней становился Эрик. Не испытывавший никогда нерешительности, он ощущал себя словно на краю пропасти.

Он не закрывал глаза, когда его везли на каталке в операционный блок. Если он будет видеть — пусть этот миг темноты останется таким. Он будет видеть — как молитву

повторяя вновь и вновь эти слова, думал Эрик до тех пор, пока мозг не отключился в безвременье наркоза.

Темнота неохотно покидала позиции. Она никуда не девалась несколько дней, продолжая окружать Эрика. И это его злило. На глазах была повязка, не дававшая ему открывать их, хотя порядком надоевший своей невозмутимостью врач и повторял, что даже если её снять, Эрик ничего не увидит, глазам нужна адаптация к новым условиям после вмешательства.

И лишь спустя некоторое время наступил долгожданный момент. Последнее препятствие в виде тонкой салфетки упало с глаз. Эрик моргнул. Казалось, что ничто не изменилось. Но спустя пару секунд даже доктор, похоже, перестал дышать, наблюдая за ним. Эрик разочарованно опустил по-прежнему незрячие глаза и неожиданно замер. Повторил движение, отказываясь поверить в происходящее.

— У Вас что-то блестит, док?

— Это часы.

В голосе врача скользнула непонятная нотка.

— Значит, я вижу, как они блестят, — хрипло произнес Эрик, отказываясь в это поверить. Он послушно дал вернуть на глаза повязку, вновь и вновь вспоминая искру света, блеснувшую перед ним.

В мире нет ничего невозможного. Невозможно только понять человека. Лия никогда не обладала интересом к изучению психологии. Она сдала курс в колледже, но на этом её познания заканчивались. Дальше следовал неведомый океан, в котором ни одна аксиома не срабатывала, или же работала, но слишком искаженно, что бы быть понятной.

Она бродила по дому, мерила шагами большую гостиную с потухшим камином. Проводила рукой по мягкой ткани штор. Возвращалась в библиотеку. Было что-то, не отпускавшее её. Позволявшее возродиться, назло всему. Поддерживавшее её тогда, когда всё было против. Незаметное, но привычное, как тень за спиной. И оно имело имя, обладало своим мнением и собственными тайнами.

Из зеркала на неё смотрела прежняя Лия. Та, что жила до появления в её жизни красивых слов и воздушных замков. В ушах не звучал больше голос Эрика, болотным огоньком звавший в иллюзорное будущее, которого не было. Она вынесла урок, и в этом помог ей человек, который учил свои уроки в одиночку. Их нельзя было сравнивать, жизнь Эрика была почти такой же беспросветной, как и жизнь Дорнота. И если один не справился с минутной трудностью, а другой вовремя подал ей руку, это не давало права сравнивать их. Лия ощущала некоторую долю благодарности Дорноту даже за его нелепые поступки.

Дни тянулись невыносимо долго и тягостно. Лия начала сомневаться, что Дорнот сказал правду о том, что вернется. Это очень неприятно задевало, словно ей хотелось бы, чтобы он вернулся. Она не ждала его. Она вообще не видела смысла в том, что он делал. Но, как бы то ни было, Дорнот вел себя как друг. А исчезать бесследно из жизни, да еще и оставив её невесть где, было не честно.

Она могла бы уйти, если бы сильно хотела. Но Лия не хотела. В какой-то момент этот дом стал для неё надежным убежищем от разрушенных иллюзий, поворота в никуда и спасением от ещё больших ошибок. И она не смогла бы бросить всё, не попрощавшись с Яном. Пусть даже он не поймет, какую роль сыграл во всем.

Однажды вечером он вернулся. Лия знала, что он возвращается, еще не видя, что его машина подъезжает к дому. Она просто знала, что он близко. Каким бы ужасным собеседником Дорнот не был, какие ненормальные мысли не роились в его голове, Лия была рада, что они вновь под одной крышей. Она кубарем скатилась с подоконника, дождавшись, когда по её расчетам он войдет в дом, и вышла навстречу к лестнице, зная, что он направится в свою комнату, минуя её.

И не ошиблась. Ян поднимался по ступенькам лестницы, медленно преодолевая каждую как препятствие. Лия смотрела на него, чувствуя, что перед ней словно другой человек, на плечах которого лежал тяжелый груз, отдававшийся в каждом шаге усталостью. Слово поддержанное тенью лицо, осунувшийся и усталый вид. Что произошло с ним за эти две недели отсутствия? Лия сделала еще шаг навстречу, но он, как тень, прошел мимо, даже не взглянув в её сторону. Она вскинула голову, ущемленная тем, что её порыв пропал впустую. Какая-то часть её не могла не продолжать задаваться вопросом — что с ним? Но Лия прикрикнула на себя, не желая лезть в это еще глубже. Всё же это не её дело. Они друг другу никто, чтобы она лезла со своим участием. А он — не маленький мальчик. Сам справится.

Лия ворочалась, пытаясь заснуть, а из головы всё не выходили навязчивые мысли. Устав вертеться на кровати, она устала в потолок, надеясь, что так сон скорей придет в распухающую от вопросов и размышлений голову. Но сон не шёл. Вместо этого раздался негромкий стук, почти царапанье в дверь. Она прислушалась — стук повторился. Вылезая из-под одеяла и путаясь в пижаме, Лия добралась до двери.

— Кто там?

Вряд ли кто-то, кроме заблудившейся мыши, которая внезапно решила попробовать пробраться в дверь. Но в ответ раздался голос Яна:

— Прости. Я надеялся, что ты не спишь. Хотел поговорить.

Недоумевающая, что могло опять найти на него, Лия осторожно открыла дверь и выглянула. Ян сидел на полу коридора, прислонившись к стене, и выглядел так, словно давешний груз продолжал давить его. Она никогда не видела его таким, и это было непривычно.

— Я не спала, — Лия помедлила и опустилась у стены напротив Яна. Она видела его безумным, самоуверенным, саркастичным, злым, но никогда — подавленным и отчаявшимся. Дорнот не торопился начинать диалог, оставаясь со своими мыслями. Свет из окна падал на его лицо, освещая синяки под глазами, легкую щетину, непривычно обрамляющую скулы, словно он не брился несколько дней, и резко очерчивающую и без того жесткие линии, отчего лицо приобретало вид, будто он смертельно устал или болен.

— Я сделал то, что не смогли бы сделать другие. Несмотря на то, что не хотел этого делать, что всё внутри было против. Я сделал эту чертову операцию.

Ян выплевывал слова так, словно они были острыми иголками и давались ему с трудом.

— Меня разрывает изнутри, — он взглянул на Лию, — половина рада, что я сделал нужное. Осуществил то, что другие еще не делали. Дал человеку шанс. А вторая половина ненавидит меня за то, что я сказал себе, что никогда этого не сделаю, но сделал.

Он смотрел на Лию, словно ища у неё ответов. А ей было нечего сказать, поскольку словами тут было не помочь. Видимо что-то касалось настолько лично Дорнота, что тут она была бессильна что-либо сделать. Она даже не знала — о чем идет речь. О какой операции. О ком именно, и что стояло между этим и Яном. Будь эта ситуация в госпитале, она бы, как любая операционная сестра нашла бы самое верное средство, которое лечило хирурга в самую трудную минуту. Да, она бы просто налила ему хорошего, крепкого виски, который

выжег бы то, что смог. А остальное вылечили бы время и сам Ян.

Но это не был госпитальный случай, она не была частью его операционной бригады, а он не пил. Да и судя по нему, виски бы тут не помог. Вид Яна не примирял её с этими доводами, она хотела не вот так молчать, а сказать ему что-то теплое, хорошее, чтобы вернуть покой.

— Ты поступил так, как поступил бы доктор Дорнот, которого я знаю. Сделал то, что подсказал разум, а не эмоции.

Ян поднял голову. Он сидел, обхватив руками колени, и в свете луны выглядел большой серой тенью. За окном посвистывала какая-то ночная птица, равнодушная к человеческим страстям и эмоциям.

— Ты сделал то, что делал каждый раз после того, как выбрал эту дорогу. Не сомневайся в себе, я не знаю — что произошло, но верю, что твой поступок достоин уважения.

Почти прежняя, насмешливая полуулыбка вернулась на лицо Яна, когда он произнес:

— Не подумал бы никогда, что ты скажешь так, словно гордишься мной.

Лия пожала плечами:

— Да, представь себе. Я горжусь тем, как ты верен своим принципам.

Он пристально посмотрел на неё, словно ища подвох, но потом расслабился и закрыл глаза.

— Я не ожидал, что вернусь, а ты все еще будешь тут.

Лия фыркнула, не желая объясняться или ядовито интересоваться — не будет ли он доволен, если она уйдет из его дома прямо сейчас? Но всё же ответила:

— Я не очень разбираюсь, где находится твой дом, что бы уехать. Да и вряд ли меня отпустил бы кто-то.

— Верно, — прежний, невыносимый Ян вернулся, и Лия мысленно закатила глаза. Хорошо, что его душевное состояние вернулось к отметке — невыносим и невозможен. Это было привычней, такого Дорнота она знала лучше.

Он устроился поудобнее, и в луче ночника, светившего в открытую дверь её комнаты, Лия увидела на его плече достаточно большой шрам. Он никогда не появлялся перед ней в одной спортивной майке, как сейчас, и поэтому она никогда не замечала этого. Шрам был вроде старый, но достаточно уродливый, уходивший вниз с плеча. Наверно, на восстановление и лечение ушло много времени. Заметив, что Лия смотрит на него, Дорнот машинально провел рукой по плечу, словно закрывая рубец.

— Было очень больно? — Не выдержала Лия.

— Я думал, что у меня не осталось руки, — качнул головой Ян, — пока оттаскивали в безопасное место, я твердил — где моя рука?

Лию передернуло.

— Авария? — Она попробовала представить — что же должно было так покалечить его.

— Нет, боевые действия.

Она удивленно воззрилась на него. Такой поворот был, мягко сказать, неожиданным.

— Ты воевал? Где?

Он назвал конфликт, не так давно бывший главной новостью страны.

— Если думаешь, что я вру, лучше просто вернись к себе.

Лия промолчала. Она не думала, что он лжет, но новая частица мозаики его жизни с трудом укладывалась на место. Молодой, амбициозный и желающий доказать далекому

отцу, что он может многое. Она попробовала представить себе Дорнота в двадцать четыре года.

Между ними было расстояние в несколько шагов, и она преодолела их одним движением, оказавшись перед ним. Шрам белел неровной полосой, он уже прошел ту стадию, когда был розовеющей кожей, еще не так бросающейся в глаза. Перед глазами Лии проплыло воспоминание — Ян, застегивающий верхние пуговицы черной рубашки, сбегает вниз по лестнице, кивая ей.

Она коснулась пальцами шрама, который словно просил сделать это. Под пальцами грубая ткань, неудачно стянутая в свое время в некоторых местах швами, напоминала о том, что она ничего не знает об этом человеке. А все её мысли и домыслы — лишь только верхушка айсберга, по которой нельзя судить о самом айсберге.

Лия отдернула пальцы, опомнившись, и почувствовала, как краснеет. Удивительно, что Дорнот ни словом не прокомментировал её поступок. Она взглянула на него — он пристально смотрел в её лицо, словно наблюдая за реакцией. И Лия на секунду поняла, что скрывалось за всем. Одиночество, стремление доказать всем, а главное — самому себе, что он может. Пустота. Он не заслуживал этого. Она вновь перевела взгляд на шрам и положила руку на его плечо.

— Мне жаль, что ты был там один.

Неуклюжая фраза.

— Я рад, что ты не ушла, — он дотронулся ладонью другой руки до её пальцев. Они сидели на полу пустынного, темного коридора и молчали. Это было глупо. Но в эту минуту между ними словно появилось что-то общее, объединившее их. Хрупкое, что стоило бережно хранить. Кажется, это называлось доверием.

Кажется, что то, что вчера было одним, сегодня превратилось в нечто иное. Незаметно для самой Лии её жизнь наполнилась присутствием еще одного человека, с которым неожиданно она ощущала себя настолько легко и спокойно. Вчера еще она могла решить, что это маловероятно. Но сегодня время незаметно пролетало, обходя стороной этот дом и этот причудливый мир, в котором жил непростой человек с тысячью лиц, скрывающих одно настоящее. И оно было таким, каким может быть ребенок, оставленный в темной комнате и забытый там.

Лия не хотела ломать голову над тем — был ли лабиринт, или же темнота обманывала, превращая прямую дорогу в запутанные повороты. Человек, протягивающий ей книгу, или подхватывающий, когда она спотыкалась, этот человек был просто Яном. Просто Яном, с которым она чувствовала себя легко. Этот Дорнот умел заразительно смеяться, заставляя и её присоединиться к нему. Он умел до хрипоты спорить, отстаивая свою точку зрения, и не пряча свои мысли под непонятной улыбкой, опровергать её доводы. Он мог внимательно слушать всё, что она говорила — от пустяковых мелочей, до продолжительных тирад, которыми она разражалась, высказывая свое мнение. Она засыпала, свернувшись в большом кресле, и это он укрывал её пледом, стараясь не разбудить.

Рядом с ним она чувствовала себя самой собой. Настоящей, наконец-то, после лет школы, колледжа, работы, где можно было быть или частью общества, навязчиво диктовавшего свои условия и правила, или оставаться в одиночестве, если не был готов пожертвовать своей индивидуальностью. Будто им обоим дали по чистому листу и позволили начать всё сначала. Неважно, что готовит завтрашний день, спасибо за сейчас и сегодня. За мерцающее небо. За этот вздох. За покой в душе. За то, что даже в наступившее

ночной темноте её будто продолжает освещать и согревать незаходящее солнце. И за то, что таким непростым путем Доронт показал ей, что главное — не потерять себя.

Лии не хотелось думать, что однажды это закончится, и придется вернуться в прежний мир, к прежней жизни. Всё было слишком хорошо, но даже оно не могло длиться вечно.

* * *

За все эти годы он так много потерял. Если бы зрение не было так несправедливо отнято у него еще в детстве на столько долгих лет, он свернул бы горы. Удвоил бы созданную им корпорацию и был бы одним из тех немногих, имеющих в своих руках почти всё, что может дать жизнь. Свет давал власть. Силу.

С неутомимой жаждой Эрик старался наверстать упущенное. Его не останавливало ни то, что следовало беречь еще слабые глаза, ни то, что мозг не успевал воспринять нескончаемым потоком поступающую информацию. В один прекрасный день он чуть не потерял сознание, как чувствительная женщина. Шум улицы, разноцветные баннеры рекламы, проносящиеся мимо машины — всё это закружило вихрем, унося с собой. Эрик закрыл глаза. Нет, он никогда больше не вернется в темноту. Ни на секунду.

Внезапно, при одной из деловых встреч, он понял — насколько его представления о жизни были неполными и узкими, и как много он пропустил бы. Эрик наслаждался всем — вспышками фотокамер журналистов, цветом браслета часов, всполохами огней ночного города, светом глаз Нины, остававшейся вечерами с ним. Ему приносило удовольствие то, что он может забрать обратно то, что у него должно было быть по праву. Теперь Эрик видел, как вслед ему оборачиваются с призывом женщины. Видел выражение уважения и настороженности в глазах тех, кто пожимал ему руку.

Он стоял поздно вечером перед зеркалом, снимая рубашку и глядя на свое отражение. Сколько лет ему пришлось быть цирковым уродцем, ощущая себя пустым местом, и знать, что над ним можно только сочувственно посмеиваться? Никто этого не говорил вслух, но он знал, что за его спиной на него должно быть смотрели только так. Теперь Эрик знал, что в нём всё хорошо настолько, насколько это может быть. Он победил.

Приближающееся лето настойчиво распространяло дух отпуска, который отвлекал от работы, напоминая, что все так давно трудятся. Так устали. Так истощены зимой. Мила лениво двигалась, борясь с желанием всё бросить и сбежать. Отсутствие Лии так же напрягало — некому было помогать, и никто не был в состоянии слушать Милу так долго, как выслушивала она.

Вместе с тем, из госпиталя словно испарились все молодые мужчины, начиная с врачей и заканчивая пациентами. Это приводило в уныние, напоминая, что сама Мила пока в активном поиске. Словом, внезапно оказалось, что она предоставлена сама себе. Коротая время, Мила наводила уборку, приводя в порядок пост. Это отвлекало от размышлений и отдаленно напоминало гимнастику.

Мила потеряла панель шкафа, и тут произошло чудо. Панель заговорила голосом доктора Дорнота, который, кстати, не появлялся в госпитале уже давно. Ходили слухи, что он уволился. Мила затаила дыхание, потеряла шкаф ещё раз. Или ей от скуки уже начинает казаться невесть что, или шкаф волшебный. Приятно разочаровав её, из шкафа никто не

появился, а вот голос доктора не исчезал, оставаясь реальным. Мила прислушалась — кажется, доктор обсуждал какой-то вопрос с коллегами. Во всяком случае, день обещал быть не таким скучным, заполнив голову медсестры приятными мыслями.

На какой-то момент Мила отвлеклась, воюя с последним разводом моющего средства на панели столика. Оно упорно не смывалось, оставляя новые и новые полосы. Раздосадовано дунув на челку, Мила потерла лоб и неожиданно замерла, боясь пошевелиться. Казалось, что она снова слышит голос того, кошмара, который надеялась забыть. Ведь Лия уже с кем-то встречается, а, значит, этому чудовищу возвращаться к Миле со своими вопросами нет смысла. Но слух подсказывал, что говоривший приближается. Она постаралась услышать то, о чем он говорит. Он выговаривал кому-то за неправильно оформленные документы.

Миле с одной стороны не хотелось шевелиться, чтобы не привлечь к себе. А с другой — она должна была увидеть того, кто испортил ей несколько дней жизни. Мила осторожно отодвинулась от стены и сделала шаг вперед. В этот же момент говоривший вышел из-за поворота коридора, и Мила поняла, что либо глаза, либо слух её обманывают. Доктор Дорнот тем временем, не замечая Милу, смотревшую на него почти с открытым ртом, прошел мимо. Его голос становился тише, а когда он вышел за дверь, исчез вовсе. Мила же по-прежнему стояла столбом, и способность мыслить понемногу возвращалась к ней. Как же так? Рядом с ней столько времени ходил маньяк, может он уже успел кого-нибудь убить! Он столько спрашивал про Лию... Мила вздрогнула. Во всех, прочитанных ею книгах, говорилось, что если маньяк выбрал жертву, он будет преследовать её до конца. Лия не появлялась уже столько времени, а её телефон был недоступен. И когда Мила заходила к ней домой, её мать сказала, что Лии нет уже месяц в городе. Неужели он сделал с ней что-то ужасное? Или хочет сделать, а Лия именно поэтому внезапно исчезла?

Мысленно Мила заметалась, пытаясь решить — что ей делать. Не идти же в полицию, в самом деле! Там ей никто не поверит, а маньяк хитер. Оправдается, а потом прикончит её... Лия говорила, что собирается замуж. Миле еще пришлось сказать об этом маньяку. Может он и с ним что-то сделал? Ею овладела самая настоящая паника, от которой можно было потерять голову. Мила бросилась в сестринскую, закрыла дверь и прислонилась к ней, словно за ней мог кто-то гнаться. Она должна что-то придумать, чтобы не чувствовать себя виноватой и хоть как-то помочь Лии. Ведь Мила догадывалась, что доктор какой-то странный, у него не было компании, он вообще был словно с другой планеты. О том, что не далее как десять минут Мила предвкушала очередную попытку флирта с маньяком-инопланетянином, она уже забыла.

Как хорошо, что она не имеет привычки удалять набранные номера! С её телефона Лия как-то звонила своему парню, когда забыла свой телефон дома. Всё это надо решать мужчинам, а не Лии, и тем более — самой Миле. Она вытащила украшенный стразами телефон и попыталась вспомнить все странные вещи, происходившие за последнее время.

Эрик стоял у окна, наслаждаясь видом города, бегущего по своим делам, где-то внизу, у подножия высокого здания. Если дела пойдут так и дальше, через месяц он уже оставит этот город и займет место в кресле одной из ведущих корпораций в качестве члена совета правления. А потом, при умелой игре, получит большее.

Он не жалел, что оставит места где провел почти треть жизни. Ни к чему нельзя привязываться. Чтобы идти вперед ничто не должно держать позади. Он был готов к новому шагу.

Настойчиво зазвенел телефон, напоминая о себе, и Эрик вернулся к действительности.

С первой секунду он понял, то его оглушил стрекочущий по-сорочьи голос. Разобрать смысл почти было невозможно, пока он не уловил отчетливо несколько слов, которые заставили его нахмуриться и внимательней вслушиваться. Эрик поблагодарил эту девицу и пообещал прозвонить.

Неприязненно глядя на светящийся экран, он снова повернулся к окну. Если этот бред, который он услышал — правда... С одной стороны, всё это — и та его влюбленность, и те эмоции остались далеко в прошлом, возврата к которому не было. Но с другой стороны если это и правда, то кое-что оставалось не в прошлом. И это раздражало еще сильнее, требуя разобраться во всем. Эрик нажал кнопку вызова и попросил секретаря позвать начальника службы безопасности.

* * *

Поздний вечер встретил их в гостиной, куда Лия спустилась еще засветло. Сегодня она позвонила матери, сославшись на то, что была сильно занята и испытывая вину за ложь, необходимую для спокойствия близких. Узнала последние новости, умело избежала расспросов. Но услышав лай собаки, Лия поняла, что соскучилась по дому. И ничто не может заменить ей его. Да, ей хорошо тут, но она не может вечно находиться здесь. Ей нужно вернуться.

Незаметно вошедший Ян не нарушал её размышлений, оставаясь в тени у окна. Когда Лия пошевелилась в кресле, меняя положение, он шагнул к камину, будто до сих пор старался не беспокоить её своим присутствием. Странно, за всё это время Лия так и не поняла — чем было продиктовано его стремление, привезти её сюда. Ей постоянно приходили в голову эти мысли, много раз. Но любое предположение казалось неправдоподобным, разбиваясь о факты, противоречащие ему чуть более чем полностью. Дорнот не выказывал ей чересчур навязчивого внимания, не пытался с ней заигрывать. Так что, обвинить его в каких-то планах на неё, просто не было основания. Ян обходил эту тему тогда, когда они опасно приближались к ней, словно её и не существовало, и Лия на какое-то время тоже забывала о своих мыслях.

— Тебе не холодно? — На его лице редко, но всё же чаще, чем раньше, появлялось выражение тепла и чего-то еще, освещавшего его изнутри. Впервые Лия увидела его таким давно, зимним вечером, когда они встретились в парке. И поразились, что это было будто в другой жизни.

— Нет, — она вспомнила разговор с матерью, — Послушай, я хотела бы попросить тебя.

— Да, конечно, — Дорнот повел плечом, наблюдая за ней. Кажется, он не был уверен в том, что она попросит что-то, что он воспримет нормально.

— Я хочу домой, — прямо сказала Лия.

Пальцы Яна, лежавшие на каминной доске, сжались, и Лия, заметившая эту деталь, напряглась. Не хватало, чтобы они вернулись опять в стадию конфликта.

— Да, я понимаю, — кивнул он, — Ты ожидаешь чего-то вроде: "Нет, и думать об этом забудь".

Лия заинтересовалась узором на ковре, спеша скрыть улыбку. Да, именно это она и ожидала, если не чего похуже. Дорнот покачал головой.

— Конечно же. Я отвезу тебя в город тогда, когда ты скажешь.

— Спасибо, — какая добрая муха его укусила? Чтобы он, делавший только то, что

сочтет нужным, отдал инициативу кому-то? Что с ним?

— Я хотел, чтобы ты здесь поняла саму себя. Отдохнула, а не превращалась в тень, мечась между работой и, — он осекся, не желая произносить дальше имени или намека на её отношения, — Прости, что так вышло. Я не предполагал, что всё будет выглядеть так отвратительно.

Дорнот провел рукой по волосам, скрывая неловкость. Он просил у неё прощения. Лия подумала, что она всё время так мечтала заставить его произнести это. Но сейчас, когда желанные слова прозвучали, она не испытывает удовлетворения. Напротив.

За окном пели птицы, напоминая о том, что весна уже закончилась, а через несколько дней в свои права вступает лето. Опускающаяся ночь внесла в тишину момент, когда непроизвольно возникшее чувство доверия усиливается настолько, что, кажется, что весь мир готов быть открытым для тебя, не пряча никаких камней за спиной. Лии захотелось подойти к Дорноту, дотронуться до него и сказать спасибо за то, что он сделал для неё. И хрупкое, как снежинка, но при этом сильное, как поток воды, доверие становится только крепче, связывая их вместе.

Она смахнула с колена несуществующую пылинку и, стараясь говорить спокойно и отстраненно, как сам Ян, произнесла:

— Спасибо, за то, что сделал, — прозвучало как-то коряво, на его лицо вернулось прежнее, непроницаемое выражение, словно он ожидал негативного продолжения. Стараясь снять напряжение, Лия улыбнулась ему. На его лице дрогнул мускул, словно он расслабился, и, смотря ей в глаза, Ян тоже улыбнулся.

Кажется, она ждала чего-то еще, но чего — не могла объяснить. Возможно, каких-то невысказанных слов, повисших в воздухе?

Солнечный луч пощекотал Лию по носу, заставляя открыть глаза. Она потянулась, испытывая ощущения из детства — когда наступает что-то очень хорошее, и мир так добр к тебе, будто на земле наступает рай. Зажмурилась. Завтра она попросит Дорнота отвезти её домой. Ей будет не хватать его в какой-то мере, но ведь он не исчезнет в один миг как призрак? Возможно, они смогут даже встречаться изредка, чтобы посидеть где-нибудь.

Это ощущение не покидало её все утро, заставляя причёсываться, дурачась перед зеркалом. Не ушло оно и тогда, когда Лия спустилась вниз. Миссис Норис так же улыбнулась ей в ответ, ставя на стол тарелку со свежее испеченными булочками и кофейник.

Лия с аппетитом хрустела румяной корочкой булочки, когда её внимание привлекла папка, лежавшая на краю стола.

— Моя дорогая, — заметив её интерес, спохватилась миссис Норис, — Вам не сложно отнести потом папку хозяину? Он оставил её тут вчера, поздно вечером, вероятно забыв. А документам не место на моей кухне.

Лия кивнула, допивая кофе. Выбралась из-за стола и, подхватив папку, двинулась к кабинету. Дурное любопытство внезапно разыгралось в её голове, когда она подошла к лестнице. Никто не заметит, если она одним глазом заглянет на то, чем занимается Дорнот. Лия остановилась на ступеньках и открыла папку. Внутри находились какие-то бумаги, а сверху лежала сложенная газета. Заголовок на первой странице заставил Лию глубоко вздохнуть, словно из её легких внезапно улетучился весь кислород, а к горлу подкатила дурнота. С фотографии на неё смотрел Эрик. Да, именно смотрел. Она моргнула, осознавая, что под руку его держит та самая блондинка из театра.

Но то, что было написано в заголовке статьи, удвоенно вернуло Лии ощущения предательства и осознание того, что, то доверие, которое, как ей казалось, начало крепнуть, рассыпалось вдребезги.

" После уникальной операции миллионер вернул зрение. Врач совершил чудо".

Стараясь унять дрожь в руках, Лия стала искать нужную страницу. Каким-то чутьем она знала — что увидит. И, глядя на фотографию Дорнота, подтверждавшую её догадки, поняла, что её в очередной раз предали.

Дорнот сидел, сосредоточенно печатая что-то на ноутбуке, когда Лия вошла в кабинет. Он удивленно вскинул бровь, когда она подошла к столу и, почти швырнув папку, неприятным хриплым голосом произнесла:

— Отвези меня домой. Как обещал.

— Что случилось? — его лицо выражало абсолютное недоумение и озабоченность. Чем дольше Лия смотрела на него, тем сильнее становилось желание ударить его. Но она, стиснув зубы, старалась держать свои эмоции под контролем. Хватит и того, что от сдерживаемых слез, щипавших в носу, она смогла прокаркать пару слов.

— Объясни, что случилось, — Ян подался вперед, вглядываясь в её лицо. Чтобы не сорваться, она криво улыбнулась:

— Мне надо сегодня же оказаться дома.

Он позволял себе и дальше играть с ней, изображая очередную маску участия. Бережно, словно это была колба с ртутью, Лия подвинула к нему папку. Он перевел взгляд на неё, словно догадываясь, что в ней прячется ответ, придвинул к себе и открыл. Как и она, несколько минут назад, Дорнот словно споткнулся о заголовок статьи. Пробежался взглядом по строчкам. Лия не отрывала глаз от выражения его лица, а в душе у неё затухал недавно возрожденный огонёк веры и спокойствия. Отчего-то это было даже большее, чем тогда, когда Эрик равнодушно закатал её в грязь. Это проникало глубже, чем она могла себе представить.

Дорнот поднялся и шагнул к ней. Лия подалась назад.

— Послушай меня. Послушай, пожалуйста.

Зачем? Он хочет оправдаться или снова убеждать её в своей правоте? Она не претендовала ни на что. Она почти всё это время жила с мыслями об Эрике, а он знал. Знал и ни разу не удосужился рассказать ей правду, чтобы избавить её от ненужных страданий. "Я сделал то, что другие не смогли бы". Он рассказывал ей о том, как делал эту операцию, о том, что чувствовал, когда делал её!

Судя по всему, мысли на лице Лии читались без труда потому, что Дорнот сделал еще шаг к ней, успокаивающе протягивая руки, будто она была ополоумевшей кошкой.

— Ты должна выслушать меня...

— Нет, — заорала неожиданно она, — Я уже выслушала достаточно! Хватит с меня, ясно?

Удивительно, как они поменялись ролями — она, постоянно державшая себя в руках, вопила как ненормальная. А вчерашний психопат Ян неожиданно мягким и ласковым голосом заговорил с ней, пытаясь остановить:

— Ты всё неверно поняла...

— Да всё я поняла! Ты ничем не лучше его, всё это время знал, как мне больно, и молчал, не говорил ничего. Тебе нравилось это!

Дорнот покраснел. Затем краска внезапно схлынула с его лица, отчего кожа приняла

землисто-пепельный оттенок. Он сжал кулаки. Неожиданно Лию пронзила мысль — сейчас всё повторится, как тогда, в квартире Эрика. И она инстинктивно зажмурилась.

— Ты действительно считаешь, что я могу ударить тебя?

Он задал этот вопрос прежним, спокойным тоном, и Лия открыла глаза.

— Такой же, как он?

Дорнот метнулся к шкафу, выхватил стопку журналов и кинул их Лии. Глянцевая россыпь, разноцветная, как стая диковинных попугаев, пестрела заголовками: "Новый роман миллионера Маргулиса", "Глава корпорации посетил выставку с новой подругой".

— Ты собирал журналы, следя за его похождениями? — с Лия не могла оторвать глаз от кучи сплетен в глянцевом переплете. Сейчас она не могла представить — как её угораздило поверить во все слова Эрика. Но самое удивительное — его вид больше не вызывал прежнего дрожания сердца.

— Значит, такой же, как он? — Спокойный голос Яна исчезал, уступая место скрежещущим по ушам нотам. Лия оторвала взгляд от бумажного топора, разрубившего её надвое — на глупость и реальность, и взглянула на Дорнота. Казалось, что ему не хватает воздуха. Он дернул воротник рубашки, отчего пара пуговиц отлетела прочь, выдранная с корнем.

— Я верила тебе! — крикнула Лия, не задумываясь, что он может неадекватно отреагировать на её слова.

— Когда я тебя увез, ты разбивалась на куски. Ты что, хотела, чтобы я собственными руками уничтожил тебя полностью?

Ян перешагнул через валявшиеся на полу журналы и направился к ней. Лия помотала головой, стараясь вернуть себе способность здраво мыслить. Кому теперь верить, если все лгут, все предают и используют в своих интересах? Только мать, которая так далеко — единственный оплот надежды. Для всего остального она просто игрушка. Дорнот напряженно смотрел в её глаза, словно пытаясь понять — о чем она думает.

— Отвези меня домой. Сейчас же, — больше она не повышала голос. Она больше не хотела ничего выяснять и слушать. Ян схватил её за плечи:

— Лия, выслушай меня. Просто выслушай. Мне надо много тебе сказать. Просто выслушай меня, хорошо? — он смотрел на неё с прежним, почти безумным выражением, которого, будь Лия в состоянии адекватно соображать, она бы испугалась. Но сейчас её утягивало то самое ненормальное безразличие, которое уже приходило однажды. Его и увидел Ян потому, что в следующий момент отдернул руки, словно Лия обжигалась, и опустился перед ней на колени, схватив себя за голову, словно та нестерпимо болела. Сейчас он видел в ней наверно приз, уходивший из его рук. И, вероятно, боялся, что приз хочет вернуться к прежнему владельцу. И Лия не могла найти в себе хотя бы капельку сочувствия. Ей было даже сложно смотреть на него. Тогда как она, казалось, поняла его, пустила в свою жизнь, привыкая и принимая таким, он попросту её предал. Пусть даже его жизнь и заслуживала сострадания и понимания, но это не меняло ничего. Она сделала еще шаг назад и вышла из комнаты в коридор. В этот раз он не будет её останавливать — она знала это.

Через полчаса Лия сидела в машине, которую миссис Норрис вводила по дороге. Старый дом еще виднелся за деревьями, но Лия не оборачивалась. В глубине души она знала, что если обернется, то не сможет вырваться из этого заколдованного лабиринта.

Тонкими ручейками в нужном направлении стекалась информация, складывавшаяся в странную картину. Эрик сам не мог объяснить, что руководило им, заставляя искать всё больше сведений о том, что происходило за его спиной. Но вглядываясь в фотографии, переданные ему в папке с досье, в голове возникала лишь одна мысль, пока еще не до конца оформленная. Этот человек был хорош собой, он был талантлив. И по мере того, как он узнавал больше, она разрасталась, принимая четкие очертания и занимая почти все его мысли. Все больше новых фактов заставляли его поражаться такому упорству, безрассудности и фанатичной преданности. И в то же время это приводило его в неизъяснимое бешенство. Эрик не мог не признаться себе, что чувствует себя хуже него, что ему кажется, будто тот лучше его во всем, что он незаслуженно имеет над ним превосходство.

На сегодня Эрик договорился встретиться с этой, похожей на трещащую сороку, медсестре. Ему хватало и так нужных сведений, но почему-то он хотел услышать её версию, как человека, видевшего всё своими глазами. Уютный ресторан, тот самый, в котором он собирался сделать предложение Лии, не был таким чарующим при свете дня. Если честно, Эрика не волновали воспоминания связанные с рестораном, его больше занимало то, что он хотел услышать. Нетерпеливым движением посмотрел на часы. Неужели эта девица решила, что может позволить себе опаздывать?

Словно в ответ на его мысли она появилась в зале, увидела его и направилась к столику. Эрику хватило секунды, чтобы оценить её, пока она усаживалась напротив и с некоторой долей любопытства и страха оглядывала его телохранителя. Абсолютная пустышка.

— Так значит, это вы мне звонили, — не тратя времени попусту, перешел к делу Эрик.

Мила, справившись с растерянностью, кивнула. Её поразило буквально всё, она и представить себе не могла — каким окажется парень Лии. Размах его возможностей покорял.

— Расскажите мне всё, пожалуйста, — Эрик скучающе взглянул в окно, но спохватился и с деланным интересом стал смотреть на неё. Мила откашлялась.

— Вы знаете, мы с Лией дружим еще с первого дня работы в госпитале. Она всегда такая тихоня, серьезная. Ну, одним словом, у неё не было парня, насколько я знаю. Поэтому, я так обрадовалась, когда узнала, что она встречается с Вами, — неуверенно договорила Мила. Эрик нетерпеливо дернул плечом, всё это было не так важно, как то, что он хотел узнать. Мила одернула себя, словно угадав его мысли, и продолжила, — Доктор Дорнот работал в госпитале года полтора, еще раньше нас. Он всегда был каким-то непонятным, сам по себе. Тогда у него была девушка — Таня, из интенсивной терапии. Вообще, мы о нём мало, что знали.

Эрик мысленно усмехнулся. Немудрено, кроме как интереса затащить в постель, таким девицам, как сидящая перед ним пустоголовщина, не было ничего нужно.

— Потом всё как-то изменилось, — воспоминания заставили Милу поежиться. Эрик заметил это движение и стал слушать более внимательно. — Лия ходила озабоченная, но довольная, говорила, что у неё всё отлично.

— А он?

Мила неосознанно потеряла шею, и Эрик запомнил этот жест.

— Доктор? — с фальшивой бодростью уточнила она. Эрик протянул руку и накрыл

ладонь Милы, доверительно произнеся:

— Вы можете рассказать мне всё. Это для блага Лии. Ведь мы оба с вами заботимся с ней.

Мила кивнула и с облегчением стала рассказывать. Слова лились наружу без остановки.

— Я испугалась, страшно испугалась, когда он чуть не придушил меня, спрашивая — с кем она. Если бы Вы его тогда видели, Вам тоже стало бы страшно. Я сказала, что не знаю. Я его даже не узнала тогда, только этот ужасный голос... Потом всё было, как и раньше. Только доктор работал очень много, иногда его не было на сменах подолгу. А, ещё он хорошо разбирается в компьютерах, наш системный администратор Влад говорил, что он настоящий программист.

Она перевела дыхание и затараторила дальше:

— Как то я случайно увидела, что он выходит из процедурной, а там была Лия. На полу — Кровь, и с ладони у него кровь текла. Лия была, словно не в себе, сказала, что ничего не случилось. Мне следовало еще тогда догадаться.

— Они часто встречались? — мягко перебил её Эрик.

— Нет, — удивилась Мила, — Лия всегда уходила к своему парню. То есть к Вам.

Эрик нахмурился. В его хорошо построенном логикой здании словно появилась большая трещина. Значит, она его не обманывала?

— Я узнала, что Лия помолвлена, когда пришла к ней. Тогда она и сказала про Вас, — Мила поправила волосы и нервно взглянула в окно, — вечером я пошла в клуб. И там снова был он. Мне пришлось ответить на его вопрос.

— А что он хотел узнать?

— Кто жених Лии, — она замолчала, но наткнувшись на выжидающий взгляд Эрика, продолжила, — Затем всё стало еще запутанней. Доктор работал во внеурочные смены. Лия была такая радостная, как все невесты — нотка зависти скользнула в голосе Милы, — И всё было хорошо. Неожиданно она увольняется. И больше не звонит, не приходит.

Кажется, она действительно беспокоилась настолько, насколько позволял ветер в её голове.

— Но причем тут этот доктор? — придавая голосу озадаченный вид, недоумевал Эрик. Мила отдернула руку, лежавшую до сих пор под его ладонью.

— Как причем! Он тоже уволился, но раньше, чем Лия. Я не видела его больше до того дня, как позвонила вам. Все знали, что у него есть еще прием в частной клинике, где он тоже оперирует, — Эрик чуть прищурился, — И вот, я в тот день сижу на посту, и снова слышу этот голос, который мне теперь в кошмарах снится. Думала, что показалось, а тут... появляется доктор Дорнот. Это был он, тогда, это он. Что с Лией? С ней всё хорошо?

Она схватила Эрика за руку и заглянула в лицо. Не хватало только слезной истерики. Он успокаивающе улыбнулся:

— Поверьте мне, с ней всё хорошо.

— Наверно это следует разбирать полиции, — не убежденная его ответом, сказала Мила, — Мне следовало бы...

— Ну что Вы! Поверьте, с этим вполне легко разобраться, когда можно обеспечить охрану, — Эрик кивнул в сторону Ника, — Полиция будет только тратить время своими бумажными проволочками. Если решит, что это того стоит.

— Наверно Вы правы, — неуверенно произнесла она. Кажется, он не убедил её. На какой-то миг ей пришло в голову, что Лия могла быть не совсем счастлива с этим

олицетворением мечты любой женщины. Но, какая дурочка будет несчастна, имея и такого красавчика, и такие возможности? Мила успокоилась.

Эрик, внимательно следивший за выражением её лица, на котором ясно читались все её мысли, расслабился.

— Вы должны пообещать мне, что больше не будете ничего бояться. Никто вас больше не побеспокоит. Но, не стоит никому рассказывать такое, зачем волновать людей попусту? Наша цель — обезопасить жизнь Лии.

— Да, да, — горячо поддержала она его. Эрик удовлетворенно кивнул и взглянул на часы. Поняв очевидный намек, Мила поднялась, попрощалась и вышла.

Глядя ей вслед, Эрик ощутил новый приступ бешенства. Этот чокнутый пользовался тем, что он слеп, и считал, что легко смог увести у него девушку. Он что, надеялся, что Эрик — жалкое ничтожество, которое можно оставить в дураках? Решил, что вернув ему зрение, еще и сделал его своим должником? Думал, что через него легко перешагнуть и безнаказанно пойти дальше? Эрик сжал кулак, стараясь не дать себе крушить и ломать всё, что попадется под руку.

Он сотрет его в порошок. Сломает, уничтожит, раздавит, как жалкого червяка. Но сначала придется позаботиться о том, чтобы пустоголовая медсестра не стала причиной проблем.

— Ты записал разговор? — Он не оборачивался к Нику, зная, что тот записал всё, как Эрик и велел ему, на портативный диктофон. Услышав утвердительный ответ, достал из кармана телефон и набрал нужный номер.

Мила ощущала себя в этот момент спокойной и довольной. Она не сомневалась, что этот парень, лицо которого так часто мелькало на обложках, сможет сделать для Лии всё. И она погрузилась в приятные размышления, ощущая себя доброй феей-крестной.

Стояла жаркая дневная пора, и в этой части города было немногочисленно. Мила оглядывалась на витрины магазинов, тянущихся вдоль дороги. По пути как раз был киоск печати, и она завернула к нему, чтобы взять свежий номер журнала. В нём обещалось рассказать о новых модных тенденциях этого лета, и Мила взяла вдобавок к нему еще пару газет. Ей оставалось пройти несколько кварталов, перейти дорогу, чтобы попасть в салон красоты, куда она записалась на мелирование.

Убирая журналы в сумку, Мила мельком взглянула на обложку и от неожиданности споткнулась. На неё смотрели жених Лии и какая-то модель, державшая его под руку. Как так?! Непонятные и сложные мысли тревожно зароились в голове Милы, пока она старалась сложить эту головоломку с каким-то неприятным подтекстом. Кажется, загорелся зеленый свет пешеходам, Мила шагнула на проезжую часть. Усиленно размышляя над нескладывающимися фрагментами — фото в журнале, этот странный разговор, который умело направлялся женихом Лии, его вопросы.

Она слишком поздно услышала рев двигателя. Машина, не сбавляя ход, умчалась дальше. Страницы журнала, шевелились на асфальте, медленно краснея от растекающейся крови.

Часть 4. Найти его в отражениях

— Ты выглядишь такой усталой, словно у тебя что-то стряслось, — мать налила себя кофе и села рядом. Лия рассеяно ковыряла вилкой запеканку и покачала головой, — Если тебе есть что рассказать скажи.

Мать не навязывала диалог, но и не держалась в стороне.

— Нет, мам, всё хорошо. Просто тяжелый год какой-то.

По молчаливому согласию они никогда не говорили о несостоявшейся помолвке. Рассказать матери? Но что, безумную историю, в которой больше, чем всё полностью — будто бред буйной фантазии? Сказать, что всё это время она провела не в другом городе у друзей, а совсем неподалеку, куда привез её неадекватный и странный человек, так же обманувший, как и другой?

Гордость не давала сил признаться в очередном разочаровании. Лия на секунду вспомнила, как ехала по пустынной дороге. Миссис Норис помогла ей добраться до шоссе, от которого до города было не так далеко. А затем она ловила попутную машину. Ей повезло, её подобрала пара с ребенком, ехавшая в город от друзей. Очевидно, вид Лии внушал такую жалость, что они, высадив её на центральной улице, настойчиво уговаривали её доехать с ними до больницы.

Она вспомнила, как за окном исчезала дорога к дому Дорнота, а она, прислонившись к стеклу, смотрела на неё, вспоминая, как ехала по ней несколько месяцев назад в более лучшем состоянии, чем сейчас. Почему же Ян сделал ей больней, чем Эрик, если по логике должно было быть наоборот? Лия чуть не уронила вилку и вернулась к действительности.

— Ты засыпаешь, дорогая, — заметила мать.

— Я, пожалуй, и вправду пойду спать, — ответила Лия, подходя к мойке и включая воду, чтобы вымыть тарелку.

Затем она лежала в постели, а тяжелый сон так и не шел, чтобы дать хоть какой-то отдых опустошенной голове.

Спустя пару дней Лия понемногу пришла в себя и решила, что ей пора заняться работой. Возвращаться в госпиталь было нереальным, вряд ли она была готова снова ходить по местам, где всё еще дышали воспоминания. Лия вспомнила, что операционная сестра Эйда в свое время работала в частной клинике, и там у неё остались друзья. Решив попытаться счастья, она позвонила Эйде.

— О, Боже, — та была рада её слышать, — куда ты пропала? Ни звонка, ни привета.

На заднем плане раздался детский плач, и Лия поздравила её с прибавлением в семье. Она решила, что позвонила не вовремя, но Эйда возразила:

— Не говори глупостей. Я могу оставить малышку с бабушкой и встретиться с тобой.

Оперативность Эйды поражала. Спустя пару часов они уже сидели под тентом летнего кафе недалеко от парка.

— Я позвоню сегодня доктору Доброву. Если им нужна медсестра, в чем я ни капли не сомневаюсь, то я скажу, что у меня есть кандидат. И перезвоню тебе, — Эйда сняла ложечкой верхушку с мороженого, — Жаль. Госпиталь теряет хороших специалистов. Что-то в последнее время стали уходить и медсестры, и врачи. Доктор Дорнот...

Лия закашляла, не желая давать ей продолжать. Эйда не обратила внимания и всё же

продолжила: — Вот это самая большая потеря, я считаю, его золотые руки были крайне необходимы. Да и как человек он был хорош.

Слава Богу, больше она ничего не добавила, избавив Лию от лишних воспоминаний с том, что он действительно был хорошим. По-своему.

Частной клинике действительно была нужна медсестра, и на следующий день Лию пригласили на собеседование. Это был не госпиталь с его суматохой и, вобщем то, довольно безответной работой на износ. Странные существа люди, получая что-то даром, они превращаются в бездушных потребителей. Когда же всё зависит от доброй воли кого-то другого, они сразу проявляют себя в лучшем свете. Опять же, до тех пор, пока не поймут, что могут получить желаемое даром.

Комфорт и профессионализм — вот, что царило на новой работе. Постепенно, день за днем Лия становилась частью коллектива, а работа на приеме у пожилого профессора, относившегося к ней по-доброму, была стимулом для того, чтобы не испытывать тягостного ощущения каждодневной повинности.

Но что-то изменилось в ней самой. Она оставалась прежней, и в то же время будто повзрослела на десяток лет. При этом в душе оставалась какая-то прореха. Лия не боялась признать себе, что эту прореху неожиданно для неё оставил именно Ян. Всё это время они были почти друзьями, не обещая ничего друг другу, не привязываясь друг к другу. Но какая-то часть её осталась вместе с ним. Возможно, именно этим и была опасно её желание узнать — какой он на самом деле, тем, что из глубины его жизни было сложно вернуться, не оставив части себя в ней? Удивительно, но больше мысли об Эрике не возвращались к ней, принося неприятные воспоминания. Дорнот вылечил её от этой ошибки, но взамен забрал нечто большее.

Прошло достаточно времени с того, как Лия вернулась в город. Изменилось почти всё. Как-то получилось, что никто из прежних её знакомых о ней не вспоминал, а значит и она была избавлена от ненужных встреч и разговоров. Лето уже заканчивалось, стояла последняя неделя августа. На удивление сегодня было крайне мало пациентов, и Лия практически бездельничала.

Она вышла к фойе, к стойке администратора, чтобы перекинуться парой слов с ней. За разговором Лия не заметила вошедшего курьера, приблизившегося к стойке.

— Добрый день. Это для, — он назвал фамилию Лии, и та чуть не подпрыгнула от неожиданности, оборачиваясь. Курьер поставил на стойку очаровательно сделанную корзинку с цветами. Было видно, что это работа талантливого флориста, — Распишитесь.

Когда он ушел, администратор, таинственно улыбнувшись, подвинула цветы к Лии:

— Бог мой, ты просто счастливица. Какой роскошный букет!

Лия неожиданно поняла, что гадает — не Дорнот ли так напоминает о себе, и от этой мысли начала глупо улыбаться. Но в записке, прикрепленной к букету, было совсем не то имя. "Я знаю, что ты вряд ли простишь меня. Но надеюсь, что всё же позволишь попытаться". Это был Эрик. Лия подержала в руках записку, борясь с разнообразными эмоциями.

— Эти цветы будут красивей смотреться у тебя, — через силу улыбнулась она, убирая записку в карман костюма. Администратор сразу принялась искать подходящее место для букета, а Лия пошла обратно в кабинет, раздумывая над тем, что ей делать совсем этим. Неприятное ощущение, как старая рана, которую разбередили, не отпускало — ей хотелось, чтобы о ней больше не вспоминали, в то же время хотелось посмотреть в глаза и понять —

насколько написанное было правдой. Лия ощущала себя раздраженной до предела и с облегчением дождалась конца рабочего дня, желая оставить все размышления на работе и напроочь забыть.

Но когда она вышла из клиники, все её благие намерения разлетелись в прах. Почти перед дверями, у припаркованной машины стоял Эрик. Кажется, от удивления она чуть не уронила сумку. Ну, конечно же. Как можно было сомневаться в том, что он просто возьмет и приедет вслед за своей запиской, не считая, что кто-то может отказаться от его предложения? Он изменился. Причем настолько, что Лия могла бы поклясться, что это другой человек, похожий на него только внешне. И дело было не в том, что он смотрел на неё светло-голубыми глазами, что держался уверенно и в какой-то мере даже развязано. От него больше не шло прежнее ощущение тепла, а было что-то другое, заставляющее ощущать дискомфорт и желание выставить барьер, закрывая себя им. Во взгляде появился неприятный цинизм, в усмешке, которая сейчас должна была значить улыбку — ленивое пренебрежение, будто вокруг него были только существа низшего порядка. И Лия ощутила вдруг, что её рост не так высок, что волосы не поддаются укладкам и лежат буйной гривой. Что её брюки и майка слишком просты. Что она тоже — что-то, стоящее ниже Маргулиса.

Злясь и не ожидая ничего хорошего, она двинулась дальше. Ничто не должно показывать её эмоций, надо вести себя так же, как когда-то вел себя Дорнот. Мысль о нём заставила ощутить тепло в груди и улыбнуться. Эрик, расценивший это, как адресованное ему, двинулся навстречу. Где-то в паре шагов друг друга они остановились. Странно, теперь Лия не знала — как к нему обратиться и что сказать, и он, судя по всему, тоже.

— Спасибо за цветы, — наконец произнесла она.

— Я рад, что они тебе понравились, — он осматривал её так, что Лии показалось, будто он решает — стоила ли она такого букета. Наконец он предложил, — Нам надо поговорить. Если конечно ты не против.

Им надо было поговорить. Но вот, правда, о чем? Они шли по улице, и очевидно всё ясней ощущали эту пустоту на месте прежнего отношения. В неловком молчании дошли до небольшого кафе, прятавшегося в тени больших деревьев, росших у здания.

— Мне стоило быть честным, я повел себя отвратительно.

Лия сидела на краю стула, ощущая себя не на месте, и внимательно смотрела на Эрика.

— Я не прошу понять меня. Просто я потерял голову. Я просто прошу простить меня, если ты сможешь.

Он покачал головой. Лия опустила глаза на поверхность стола. Она не могла объяснить себе, отчего внутри выросла стена, не дающая ей принять его слова как правду.

— Всё нормально, — поняв, что молчит неприлично долго, заверила его она. Это было правдой — всё прошло и больше не пробуждало никаких эмоций.

— И всё же. Мне нет прощения, — он коснулся её запястья. Лия чуть было не отдернула руку от неожиданности. Это прикосновений не было нежным или неприятным. Оно было пустым, официальным. Заметив её реакцию, Эрик убрал пальцы и снова улыбнулся ей:

— Как ты жила всё это время?

Лия пожала плечами.

— Как и до этого.

— Знаешь, — на его лице появилось выражение задумчивой горести, — я приезжал. К твоему дому. Стоял. Наверно надеялся, что наберусь храбрости постучаться и поговорить с тобой. Но, — он выдержал паузу, в которой Лии почудилось, что он говорил это, чтобы

посмотреть на её реакцию и выяснить что-то для себя, — тебя не было дома. Словно ты уехала.

Нехорошее ощущение внезапно предупреждающе свернулось тугим клубком в животе, и Лия осторожно поинтересовалась:

— Что ты имеешь в виду?

Он вздохнул.

— Я думал, что ты уехала. И в госпитале сказали так же. Ты уезжала в другой город?

Казалось, что его вопрос лишен тайного смысла, но не расслабляющийся узел предупреждал о том, что это не так.

— Да, я уезжала.

Это все, что она могла сказать, не говоря правды и не пытаясь солгать.

— Прости. Я знаю, что все эти месяцы тебя преследовал сумасшедший, — Эрик закрыл глаза, словно боролся с эмоциями, — Если бы я только был внимателен сначала... Теперь-то я знаю всё о том, что он следил за каждым твоим шагом. Заставлял испытывать страх. Причинил тебе вред.

Лия снова уставилась на стол. Она понимала, что на деле Эрик так же, как и она не испытывает ничего, но зачем-то продолжает этот фарс. Считает, что она по-прежнему влюблена в него?

— Он не причинял мне вреда.

— Ему придется ответить за это, нельзя оставлять это просто так. Ведь это касается тебя — Эрик сочувственно смотрел в её лицо

— Как продвигаются твои очередные романы? — неожиданно брякнула Лия, не ожидая от самой себя такого. Эрик принял непроницаемый вид и чуть прищурился.

— Это только домыслы газетчиков.

— Ради Бога, оставь. Давай говорить прямо, — с каждым новым словом Лия становилась спокойней и злей, — Ты получил всё. Ты теперь — без пяти минут властелин полусвета. И в твои планы не входит моя персона, что бы ты тут не говорил. Ты просто решил посмотреть на меня живьем — что же представляло из себя то, на что ты когда-то тратил свое время.

Она выпрямилась, повертела головой.

— Посмотрел? Отлично. Мы знаем, что я твоего внимания не стою, то, что ты воображал, когда не видел меня, было лучше того, что я есть в жизни. Я из другого класса — когда-то я тебе об этом говорила.

Удивительно, но Эрик расслабился, словно её слова заставили его успокоиться и вздохнуть свободно.

— Ты всегда была очень умной, и это мне в тебе нравится. Ты прекрасно понимаешь всё сама, — он поправил известным Лии движением галстук и улыбнулся. Спокойной, деловой и циничной улыбкой, — то, что было, ушло в никуда. Как не печально, но наши дороги разошлись. Я должен идти дальше, создавая дальнейшее будущее. Как ты можешь стать частью этого?

Эрик оглядел Лию и, не скрывая пренебрежения, продолжил:

— Ты сможешь представлять моё лицо на встречах? Сможешь постоянно улыбаться тысячам камер? Жить и знать, что каждый твой шаг — на виду у всех?

— Иными словами, ты слишком невзрачная и простая, чтобы играть роль моей куклы, — Лия безмятежно улыбнулась ему и поднялась. Он неожиданно схватил её за руку,

останавливая.

— Считай как угодно. Пока я был тем, с кем никто не считался, ты думала иначе.

Она приподняла брови, смотря на его пальцы, ощутило державшие её запястье, как клешни, и на шаг подошла ближе.

— Знаешь, хватит уже. Ты придумал себе историю, в которой ты — несчастный, обиженный всеми калека, теща своё раздутое самолюбие. Никто никогда не смеялся над тобой, не использовал тебя, не показывал пальцем. Ты никогда не был диковинным созданием. Всё это — твоя блаженная выдумка, которой ты оправдываешь своё дерьмовое отношение к другим. Ты заигрался.

Он отпустил её руку, отталкивая от себя, и Лия развернулась к выходу.

— Твой доктор тоже играл в игру с названием — "Я буду рядом с тобой". Какой трогательный пример чокнутой влюбленности и героизма. А сколько пафоса — таинственные сообщения, умелая игра. Тебе она больше по вкусу, не так ли? Иначе с чего это тебе понравилось проводить столько времени в его доме?

Лия замерла на месте. Это и был тайный козырь, который Эрик держал в рукаве всё время — показать, что он знает всё, или почти всё, как он думает?

— Да, милая. Я иду дальше. И мне не важно, что за девица будет со мной рядом, главное, чтобы ничто не мешало моим планам. Тебе, простушке из госпиталя, этого не понять.

Ей хотелось развернуться и врезать ему в это красивое лицо, с таким приятным взглядом голубых глаз, за которыми пряталось только самое отвратительное из возможных качеств. Понимая, что это не даст ничего, кроме как поставит её на один уровень с ним, Лия сдвинулась с места и вышла из кафе. Теперь она однозначно похоронила прошлое.

Словно испытывая её уверенность, со страниц журналов и газет смотрели разнообразные фотографии Эрика. Интернет хронически выдавал новые слухи и сплетни о его личной жизни. Она с приятным ощущением осознавала, что для неё всё это оставалось пустым звуком. А его поступки будто показывали, что он достиг некоего предела своего успеха, а теперь закономерно спускается вниз.

* * *

Прошла ещё неделя. Время бежало своим чередом, стремительно меняя летнюю жару на прохладные по-осеннему ночи. Небо становилось выше и прозрачней, по утрам в воздухе застывала холодная тишина. Мир продолжал жить и двигаться вперед, абсолютно равнодушный ко всему, что выходило за пределы его круговорота.

Несколько раз Лия собиралась позвонить Миле. Но как-то всё не доходили руки, потом она сама забывала об этом. Вернувшись вечером домой, она сидела у себя в комнате, уже собравшись лечь спать. Неожиданно вспомнила о том, что хотела позвонить, и потянулась за телефоном. Но вместо долгих гудков ей ответили, что абонент недоступен. Мила никогда не была раньше недоступна, это совсем на неё не походило.

Лия хмыкнула, пытаясь представить — что могло вынудить её отключить телефон. Зашла в социальную сеть, возможно, та сидела на странице, или же недавно заходила. Непонятно, что больше повергло её в шок — запись на стене, или же то, что правда отказывалась укладываться в голове.

"Милы больше нет с нами. Мама".

Десятки комментариев её друзей с соболезнованиями. Они не были с Лией слишком близки, но подругами всё же были. И то, что жизнерадостной любительницы парней, клубов и выпивки больше нет, казалось чем-то абсурдным. Она слишком любила жизнь, слишком ценила хорошие коктейли, слишком придирчиво следила за своей внешностью. Слишком была живой, чтобы умирать.

Лия перечитала то, что писали люди. Милу сбила машина. Виновного так и не нашли. Полиция продолжает его разыскивать. Это было несправедливо.

С тяжелым сердцем Лия закрыла ноутбук. Мир даже не заметил одной маленькой смерти и продолжал гнаться за выгодой и удовольствиями. Пребывая в мрачных мыслях, Лия подошла к зеркалу, решив причесаться перед сном. Волосы значительно отросли и больше не вставали дыбом, а лежали пушистой массой на спине. Она провела щеткой по ним и неожиданно вспомнила такую далекую ночь в другом месте, когда в окно светили весенние звезды. Пальцы Яна, почти коснулись её волос, и замерли в нерешительности.

Лия остановилась, смотря на себя в зеркало. Где он сейчас? Что делает? Забыл ли её? Впрочем, что за бред, о чем она только думает. Можно решить, что она была для него чем-то важным. Лия зажмурилась. Как же так вышло, что еще вчера она считала, что любит другого человека, а теперь признается себе, что всё это время, находясь рядом с Дорнотом, ждала чего-то большего? Каких-то слов, которые могли прозвучать, должны были прозвучать потому, что если бы Яну была она безразлична, он бы никогда не сделал всего этого. А она в свою очередь не злилась бы на него столько времени, втайне понимая, что злится не на его вмешательство в свою жизнь, а на его молчание. При всем желании Лия понимала, что не может изменить что-либо. Что видела в их отношениях та же мисси Норрис, что ни разу не спросила её ни о чем?

Расческа запуталась в волосах, и Лия больно дернула их. Уютная комната служила самым надежным прибежищем, спасая её с детства от всего мира, остававшегося за дверями дома. Но сегодня даже это не могло заставить Лию перестать видеть перед глазами Дорнота. Словно долгое время сдерживаемая правда выплеснулась наружу. Лия закрыла глаза. Она просто хотела, чтобы Ян, где бы он ни был и что бы ни делал, был счастлив. Она залезла в кровать, укрылась с головой одеялом и постаралась заснуть.

Мысли о Миле не давали Лии покоя несколько дней. После работы она зашла в магазин цветов и, выбрав самый симпатичный букет, отправилась к городскому кладбищу.

Находившееся при въезде в город и сплошь засаженное деревьями, оно создавало ощущение тишины и покоя. В какой-то мере так и было, ведь тут гуляли тени ушедших людей, свободных от суеты и страстей. При свете дня здесь хорошо было просто посидеть и насладиться спокойствием, которого так не хватало в жизни.

Лия осталась одна у входа. Автобус, на котором она добралась сюда, скрылся за поворотом улицы. Оглядев широкую арку, служившую воротами кладбища, Лия направилась к ровным аллеям надгробных плит. Могила Милы находилась недалеко от дорожки. Скромный памятник из светлого камня совершенно не напоминал об эксцентричной и шумной стороне Милы, придавая воспоминаниям о ней теплый и грустный оттенок.

Лия положила букет к плите и дотронулась до неё. Отчего-то в воспоминания примешивалось ощущение несправедливости. Так не должно было быть, это было неправильным. Поразившись ходу своих размышлений, Лия поднялась. Ощущение

навязчивого подозрения, воскресшее тогда, при встрече с Эриком, неожиданно вновь подняло голову, задавая массу вопросов — почему не нашли виноватого? Было ли это просто случайностью? Почему всё прошло так незаметно и тихо, будто ничего не случилось, или же кому-то не нужен был шум? Это были неподходящие для кладбища мысли, и она заставила себя отвлечься от них.

На следующий день Лия вновь пришла на кладбище. Она не могла отпустить размышления и воспоминания о Миле. Погруженная в раздумье, Лия остановилась на дорожке, чтобы завязать шнурок на кроссовках. Мимо неё прошла женщина, возвращавшаяся к выходу с кладбища. Лия покончила с ускользающим из-под пальцев узлом, поднялась и пошла дальше. Но внезапно затормозила и обернулась — ей показалось, что прошедшая мимо женщина была ей знакома. Та уже вышла из-под арки и направлялась к припаркованной на дороге машине. Лия смотрела ей вслед и понимала, что она уже видела и эту походку, и эту аккуратную укладку. И этот костюм. И даже машина была ей знакома. Пока вспышка памяти не объяснила всё: она видела это всё в тот день, когда миссис Норрис увозила её из дома Дорнота. Потому, что так выглядела сама миссис Норрис. Лия подавила желание окликнуть её, догнать и поговорить. Спросить о Яне.

Тем временем миссис Норрис уже подошла к своей машине и открыла дверь. Повернувшись, она встретилась взглядом с Лией и на какой-то миг замерла, глядя на неё. Лии показалось, что в её взгляде был упрек и нечто странное, будто миссис Норрис считала, что та сделала что-то очень плохое. Затем она, словно ничего и не произошло, отвернулась, села в машину и скрылась за кустами акации, растущими у дороги.

Глядя на опустевшую дорогу, Лия ощутила необъяснимую тоску по тем дням, когда она была под одной крышей с Яном. Когда она ощущала себя такой живой и настоящей. Ей так хотелось узнать о нём хотя бы пару слов. Казалось, что он просто исчез, перестал существовать, будто никогда и не появлялся в этом городе, и о нём никто не знал. Лия взъерошила волосы, откидывая их назад, на спину, и вздохнула. Ей казалось, что она никогда не сможет его простить и понять, не забудет, что он стал источником многих неприятностей. Но почему то в памяти оставалось только хорошее. Как держала его за руку, сидя на полу рядом с ним. Как под пальцами неровно проступал шрам, шевелясь на бугрящихся мышцах плеча. Как он нёс её, сломанную, замершую, разочарованную в чувствах и растоптанную в лучших своих побуждениях, в машину. Плевать, что всё это было по его вине.

Лия выдохнула. Ей не хватало его так же, как не хватает воздуха под водой. Он делал её живой, давая ей волю не прятаться за наигранным образцом поведения, удобным для того мира, в котором они все жили. И от того его отсутствие причиняло боль. Но самое ужасное, что ей, несмотря на то, что она отказывалась это признать, всё сильнее казалось, что она совершила ошибку. И она, уходя из его дома и отказавшись выслушать его, была неправа больше, чем когда-либо.

Присев под деревом, растущим у дорожки недалеко от памятника Миле, Лия посмотрела на него. Там лежал еще один букет из больших лилий и каких-то экзотических цветов. На такой у неё никогда не хватило бы денег. Но кто мог его принести, друзей Милы? Лия скользнула взглядом по своим кроссовкам и неожиданно поняла — миссис Норрис. Она принесла его. Значит, она приехала сюда ради этого. Она не знала Милу, но её знал Дорнот. Значит, она сделала это по его просьбе? Почему же не он сам принес его, а заставил пожилую женщину ехать так далеко? Если только он не был сейчас далеко отсюда.

Лия зажмурилась, стараясь справиться с неприятным покалыванием в глазах. Ей было тяжело думать, что она больше не увидит его. Наваждение какое-то. Проведя рядом с ним немного времени, она умудрилась пустить его так глубоко в свою жизнь, опираясь только на ощущение доверия и попытки понять его. А теперь он будто пророс в её душу, и все напоминания о том, что это нереально, словно выдергивают из неё живой кусок с болью. Это не удавалось до сих пор никому, даже Эрику, с которым их отношения были не только платонического характера.

Лия поднялась, отряхнула брюки и, мысленно попросив прощения у Милы, пошла к выходу.

* * *

Листья уже начали облетать с деревьев, засыпая тротуары и добавляя работы службе городского хозяйства. Зато, когда светило солнце, остававшиеся на деревьях желтые листья отражали его свет вдвойне. Гулявшие в парке люди радовались теплоте сентябрьскому дню с его мягкой погодой и свежим ветром, напоминая о предстоящих холодах.

Лия неспешно шагала по дорожке вдоль озера, ведя собаку на поводке. Даже на её хвостатого спутника погода действовала умиротворяюще — он бежал с самым довольным видом, изредка оборачиваясь на Лию и только не подмигивая ей.

Мимо них пробежали двое парней, кажется, они делали уже третий круг. Аллея вокруг озера служила отличной беговой дорожкой для любителей пробежек, поэтому приходилось идти по краю, чтобы не столкнуться с бегунами. В кармане ветровки внезапно зазвонил телефон, и Лия полезла за ним, удерживая поводок одной рукой. Звонивший номер был ей незнаком, поэтому с некоторой долей настороженности она ответила.

— Добрый день, — голос звонившего мужчины казался ей смутно знакомым, — я могу поговорить с Лией?

— Это я, — скорее всего, звонили с работы, и она перевела дух. Мужчина помолчал.

— Вы должны меня помнить, я — Ник.

— Ник, — медленно и осторожно повторила Лия. Она моментально вспомнила его, ощущая, как в животе сворачивается в тугий узел нехорошее предчувствие, — да, конечно же, я вас помню.

— Нам нужно встретиться и поговорить. Если Вы, конечно же, не против.

Лия нахмурилась, понимая, что это ничем хорошим не светит.

— Это так важно?

— Да.

Категоричность, прозвучавшая в его тоне, заставила Лию поморщиться и ответить:

— Хорошо.

Ник назвал место, где будет ждать её и время.

— Я не перезвоню Вам. Поэтому приходите, я буду там. Если боитесь — Предупредите кого-нибудь о том, куда пойдете.

Из всех известных ей людей этот солидный телохранитель меньше всего напоминал неуравновешенного психопата. Но по печальному опыту, в действительности оказывалось всё всегда наоборот. Могло это быть связано с Эриком? Но почему тогда звонивший старался, чтобы о его звонке было почти ничего не известно? Лия решила, что пойдет и встретится с ним. Шесть часов — не ночь. Народу на улице достаточно, и бежит она быстро,

если что.

Холодало. Поэтому, Лия не раздумывала, надевая теплую куртку с капюшоном. Так и её сложно будет заметить, и она не замерзнет. Вечерние улицы оживленно пестрели машинами, вывесками, сверкающими в лучах садящегося солнца. Город затихал только поздно ночью, а сейчас он начинал вечернюю жизнь, пробуждаясь от рабочих часов.

Лия неторопливо шла к дому, у которого её должен был ждать Ник. Он уже был там. Не вписываясь в толпу, создавая вокруг себя атмосферу скрытой угрозы и силы, и держался так, словно не хотел, чтобы его узнавали. На нём было тоже что-то вроде куртки с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Ник стоял в пол-оборота к зданию так, что проходящие не задерживали взгляда на стоящем мужчине, а он видел всё, творящееся вокруг.

Лия мысленно поежилась и подошла к нему.

— Ник, — здороваться с ним было как-то неудобно. Он повернулся к ней.

— Спасибо, что пришли.

Она вопросительно взглянула на него. Что дальше? Ник потер лоб и кивнул:

— Я бы предпочел оказаться в очень людном месте, но это тоже будет. Но и так стоять, тоже не самый удачный вариант.

— Кого Вы боитесь? — прервала его Лия, которую начал раздражать шпионский дух встречи. Ник усмехнулся:

— Дело не в том, кто кого боится.

— Хорошо, но я тут причем?

Он зашагал по улице, и Лии пришлось догонять его. Насколько она знала телохранителя, это был человек, отдающий себе отчет в происходящем, а значит, его слова стоили того, чтобы отнестись к ним со всем вниманием.

Место для разговора он нашел как нельзя лучше. Это был бар, в котором собирались неформальные представители города. Мимо них, пробирающихся вдоль столиков, прошла девушка с невероятным ирокезом, раскрашенным под шкуру леопарда. За столиком в углу сидели трое парней в кожаных куртках, с головы до ног увешанные железом. Еще дальше сидели какие-то сумрачные личности с темным макияжем, мешающим понять — кто перед тобой, мужчина или женщина. Такого Лия не видела давно, еще со школы. Народу было не много и не мало, столики отгораживались друг от друга стенками, предназначенными для того, чтобы посетители могли заниматься всеми видами приятного времяпровождения, какое не запрещалось в баре, но очевидно не всегда подпадало под рамки закона.

Великолепное начало. Лия наконец-то присела за выбранный Ником столик и огляделась. Надо отдать ему должное — это было идеальное место для разговора. Их кабинка граничила со стеной и пустым пространством прохода к служебным помещениям — никто не мог бы оказаться незамеченным рядом. А контингент был настолько неординарным, что постороннего было бы сразу заметно, как только он вошел бы в бар.

Подошедшему официанту Ник сделал заказ, и Лия мысленно уронила челюсть — такое количество выпивки свалило бы и слона. Они молчали до тех пор, пока вернувшийся официант не принес их заказ, сплошь состоящий из алкоголя. Ник отодвинул в сторону бутылки и взглянул на Лию. Кажется, сейчас он всё объяснит.

— Я должен сперва задать вопрос, от которого зависит — состоится ли наш разговор.

В его глазах не было ничего, кроме серьезного выражения, и это заставляло её ощущать неприятный холодок, приближавший что-то нехорошее. Восприняв молчание Лии как согласие, он продолжил:

— Вы любите Маргулиса? Хотите по-прежнему быть с ним?

Лия удивленно захлопала глазами, такой вопрос застал её врасплох. Но ни возразить, ни возмутиться она не успела, поскольку Ник слегка угрожающе повторил:

— Всё зависит от того, что Вы скажете. Я хочу услышать только правду.

Он был свидетелем не самых красивых сцен между Эриком и ей, так что считать его вопрос бестактным Лия не могла.

— Нет. Не люблю. И не уверена, что вообще любила, — Лия спокойно и упрямо выдержала его взгляд. Ник внезапно стал выглядеть более спокойным и раскованным, словно его сомнения были развеяны.

— Я хочу Вам рассказать кое-что. Уверен, что Вы имеете ко всему этому самое прямое отношение и должны узнать обо всем. Так будет честно по отношению к одному человеку.

Лия сглотнула комок в горле, сердце отчего-то стало биться медленней настолько. Насколько это было возможно. Ник достал из внутреннего кармана куртки небольшой планшет и гарнитуру. Положил всё это перед Лией. Она нерешительно взяла наушники, пока тот открывал какую-то запись.

— Вы — медсестра, и всякое видите на работе. Надеюсь, что это Вас не шокирует так сильно.

Он ошибался...

Дом оставался пустым и тихим, словно в нём никто не жил. Тишина обступала до всех сторон, давила и утягивала в состояние, близкое к полному унынию, сомнениям и безотчетной тоске. Лестничный пролет уходил вверх, тая в темноте. Кто-то нашел выключатель, и яркий свет заставил всех поморщиться от рези в глазах.

Нижний этаж был пуст, ни единой души. Они обошли все помещения, но так и не встретили никого. Второй этаж был таким же — лишенным жилого духа, заброшенным. Это было странно при всём том, что тут жили, а в комнатах царил порядок, свидетельствовавший о еженедельной уборке.

Не было приказано действовать бесшумно, но все же старались не привлекать много внимания. Но Маргулис, грубо распахивая двери, отчего те отлетали, ударяясь о стены, будто стремился спровоцировать появления человека, которого они искали. Даже производимый им шум не вызывал этого, что было непонятным — было известно, что в доме постоянно живут как минимум двое.

Еще одна дверь с грохотом отскочила, жалобно скрипя петлями. Это была гостевая спальня. И именно тут и находился нужный им человек. Он сидел на полу, в темноте, прислонившись спиной к кровати, и словно не слышал того, что в комнату с шумом вошли. Это была единственная комната, где царило ощущение уюта и обжитости. Включенный свет осветил вещи, принадлежавшие, судя по всему, молодой женщине, аккуратно разложенные и убранные на свои места.

Мужчина, сидевший у кровати, не шелохнулся и не произнес ни слова. Он выглядел отсутствующе и будто находился далеко отсюда, погруженный в свои мысли. Маргулис остановился почти перед ним. Огляделся.

— Ты даже вещи её хранишь. Неужели всё еще ждешь, что она вернется?

Сидевший шевельнулся, словно упоминание о возвращении задело его. Маргулис хотел другой реакции. Он прошелся по комнате, смахивая и расшвыривая вещи, будто каждая из них была чем-то отвратительным. Вероятно, он ожидал, что это приведет того в бешенство,

и тот поведет себя так, как ему хотелось. Но тот продолжал безучастно молчать.

Маргулис завершил погром в комнате и подошел снова к нему.

— Ты ведь знал, что я приду, не так ли?

Улыбнулся, разводя руками в приветственном жесте:

— Я пришел.

Мужчина не оказывал никакого сопротивления, когда его вывели из дома и потащили к машине. Было очевидно, что он может дать отпор, но он не хотел, даже понимая, что ничего хорошего его не ждет. Словно был готов, и ему нечего было терять. Это упрощало задачу. Один из людей сел в его машину, стоявшую в гараже, и как было условленно, поехал за ними.

В небольшом каменном подвале, где Ник оказался впервые, было прохладно и жутковато. Давящее впечатление производила неестественно яркая лампочка, висевшая на потолке. Это место находилось на старом заброшенном заводе, выстроенном на отшибе. Дорога к нему вела через небольшой лесок, в который надо было съезжать с трассы.

Посредине помещения стояла старая железная конструкция, к которой был привязан тот самый мужчина, которого они увезли из старого дома. Со стороны он казался похожим на пустое место — по-прежнему не сопротивляясь, не двигаясь и не разговаривая.

Маргулис подошел к железному сооружению, сосредоточенно провел по ней рукой, словно проверяя состояние и прочность, и удовлетворенно кивнул. Кроме них троих тут больше никого не было, остальные находились на улице.

Словно внезапно вспомнив о привязанном мужчине, Маргулис наклонился к нему.

— Тебе удобно? Ох, извини, что приходится держать тебя тут. Не совсем то, к чему ты привык, но вполне ничего.

Он снова пытался заставить того ответить. Не дождавшись ничего, Маргулис внезапно ударил его в лицо, отчего голова мужчины мотнулась в сторону. Затем оглянулся, увидел старый стул, подтянул его к себе и сел. Несколько секунд разглядывал своего пленника и сокрушенно покачал головой:

— Мне так жаль. Я сделал тебе больно?

Мужчина шевельнул головой. На пол капнула кровь, Маргулис разбил ему нос.

— Я хотел тебе сказать спасибо. Мне ведь есть за что говорить спасибо, не так ли? — он посмотрел ему в лицо, заставляя сфокусировать взгляд на себе. И снова ударил, на этот раз еще сильнее, отчего тот на какой-то миг отключился. Терпеливо ожидая, пока мужчина придет в себя, Маргулис отряхивал пыль с рукава пиджака.

Всё это казалось банальной разборкой. Но когда после часа таких ударов в лицо, которые словно сознательно были направлены не на выяснение отношений, а на заведомое старание причинить боль и изуродовать, Маргулис снял пиджак, и снова повернулся к кашлявшему и сплевывавшему кровь мужчине, Ник понял, что всё будет ещё хуже. Веревки удерживали парня в вертикальном положении, не давая упасть или закрыться от ударов. Когда-то светлая рубашка, принявшая серый оттенок от пыли и грязи, покрылась красными разводами. Маргулис снова присел напротив него и улыбнулся.

— Мы немного разогрелись, да? Пора приступать к серьезному разговору. Во-первых, спасибо, что так долго и хорошо заботился о Лии.

Мужчина дернулся, словно желая подняться, и что-то пробормотал.

— Я ей не поверил, когда она лепетала, что за ней кто-то присматривает, а зря. Ты — молодец, такого охранника поискать надо, — Маргулис поднялся и зашагал вдоль стены, у

которой лежал разнообразный строительный мусор, — Это же надо, устроить целый шпионский сериал из-за девушки, которая на тебя и внимания не обращает.

Он нагнулся, вытаскивая старый отрезок железной трубы.

— Я думаю, это было больно. Очень больно. Больше этого?

Металл, со свистом рассекая воздух, упал на плечо, раздался отвратительный похрустывающий звук. Мужчина со всхлипом втянул воздух и натянул веревки.

— Или этого?

Следующий удар обрушился плашмя на ребра.

Боль сверкающими зигзагами полосовала воздух, не оставляя времени на вдох. Он почти висел на веревках, удерживавших его и резавших тело. От крови светлые волосы превратились в бурую грязь, клочьями нависавшую над лицом. Ник ощущал подступающую дурноту, глядя на это безумство, и почувствовал облегчение, когда Маргулис разрезал веревки, которыми парня привязали. Бедолага, что бы он там не натворил, он уже с лихвой оплатил свои промахи.

Маргулис обошел лежавшего перед ним в полубессознательном состоянии и ударил его ногой.

— Веселая игра, правда? Так же весело, как и твои дешевые попытки угрожать той дуремедсестре, проделка в ресторане, розыгрыш с фотографиями. Думал, что можешь меня унижить? Показать, что ты лучше?

Он наступил на пальцы мужчины, заставив того издать сдавленный вопль, заглушивший хруст тонких костей кисти.

— О, какая жалость. Эти талантливые руки вернули мне зрение. Считаю, что это моя благодарность.

Кровь, расплывшаяся пятном по полу, запачкала и его костюм. Но, не смотря на это, Маргулис одернул брюки, присел и, ухватив за волосы, поднял голову мужчины, глядя ему в лицо. Лицом, правда, это было уже сложно назвать, поскольку грязь, кровь и разорванная кожа превратили его в маску.

Сколько времени продолжался этот кошмар, Ник не знал. Он не имел права оставить охраняемое лицо, и поэтому продолжал стоять, надеясь, что всё это закончится.

Маргулис, словно рассматривая мужчину, довольно хмыкнул:

— Теперь ты, конечно же, не будешь прежним красавчиком. Зато, как приятно знать, что всё теперь по справедливости. Каково это было — знать, что твоя любовь спит в моей постели?

Тот зашевелился, но ещё один удар заставил его упасть бесформенной массой на пол.

— Столько времени прожить с ней под одной крышей, и бояться вздохнуть в её присутствии? Тяжело-то как, не правда ли? — Маргулис засмеялся тихим счастливым смехом, от которого Ника словно мороз по коже продрал.

После непрекращающейся череды избиений и, обращенного к парню, монолога Ник понял, что сейчас его будет выворачивать наизнанку прямо тут. Он почти сам ощущал состояние этого мужчины, как в промежутках между сознанием и провалами в темноту врывались новые удары, не на секунду не прекращая разрезающую на части боль. Он больше не издавал ни подавляемых из последних сил воплей, похожих на рычание, а просто судорожно хватал воздух.

— Босс, — не выдержал Ник новых звуков ломающегося тела и мягко чавкающих по разбитой плоти ударов, — может достаточно?

На него повернулось залитое кровью лицо Маргулиса, на котором сияли неподдельным удовлетворением глаза, превращая его в отдаленное подобие человека. Он был весь в крови, но чем больше её становилось, тем счастливей выглядел Эрик.

— Я плачу тебе деньги не за дурацкие советы. Поэтому заткнись, и выполняй свою работу, ясно?

Несмотря на то, что Ник повидал достаточно, сейчас ему было страшно, как маленькому ребенку. Отвернувшись от него, Маргулис приподнял лежавшего изломанной игрушкой мужчину и прислонил его к опоре, заставляя оказаться лицом к лицу с собой. Видя, что тот теряет сознание, Маргулис наступил на его сломанную руку, из пары ран в которой торчало что-то, похожее на кость. Мужчина тихо зашипел, судя по всему, предел его сознания и сил был исчерпан. Добившийся таким образом внимания, Маргулис снова тепло улыбнулся:

— Теперь мне стоит поделиться с тобой самым главным. Видишь ли, когда я пытался узнать, что за дерьмо попыталось перейти мне дорогу, я наткнулся на массу интересных фактов. Некая молодая женщина переспала с парнем, работавшим в доме по соседству, и забеременела. Аборт она делать не стала, а благополучно родила, да ещё и обернула всё так, словно это — ребенок её мужа. А её муж, если и догадывался, то молчал, любил свою жену. Да и у него было рыльце в пушку. Поехав на деловую встречу, его угораздило пойти в местный бар и познакомиться с молодой студенткой колледжа. Завязалась интрижка на три дня, а затем муженёк преспокойно уехал. Ну, а студентка взяла и родила сына.

Маргулис задумчиво погладил покрытый кровью обломок трубы. Мужчина едва держался на тонкой грани между сознанием и полубредом, но Эрик, похлопывавший по его искалеченной руке, не давал ему отключаться.

— Ничего особенного, правда? Житейская история, — Маргулис внезапно засмеялся, — Я бы тоже так сказал. Если бы ту женщину не звали девушкой Лили Дорнот, а парень, отец её сына, не женился на студентке, растившей сына, и не дал ему свою фамилию — Маргулис.

С неожиданной силой мужчина поднял голову и посмотрел на Эрика, а тот, довольный эффектом, продолжил:

— Какая несправедливость, да? Всё это время ты, жалкий ублюдок, жил по-королевски на моём месте. А я боролся за свое существование в дерьме, где ты бы и дня не прожил, ворота свой нос. Ты получил богатство, успех. Но, — он приблизил лицо к нему, — теперь я имею всё. Всё, что должен был иметь изначально. Твой отец всегда ощущал, что ты — ничтожество, жалкая нагулянная дворняжка. Ты никогда и никому не был нужен со своими желаниями помогать всем. Справедливее было бы, чтобы ты сдох в армии, но ты выжил. Я собираюсь исправить эту ошибку. Может дать тебе зеркало? На тебя без отвращения смотреть нельзя теперь, и меня это больше устраивает. Ты больше никогда не получишь хоть крохи того, что буду иметь я.

— У тебя никогда не будет любви. Её ты никогда не сможешь купить или забрать у меня, — неожиданно прохрипел Дорнот, с трудом удерживая голову приподнятой. Маргулис отскочил и ударил его ногой в лицо, словно его голова была футбольным мячом. Даже когда тот повалился на пол и остался лежать, не двигаясь, Маргулис продолжал его бить.

— Босс, — Ник схватил его, оттаскивая от тела, — достаточно, хватит.

Маргулис молча сделал попытку вырваться, но хватка Ника не позволила. Он дал вывести себя на улицу и оттолкнул его. У машины, аккуратными движениями вытирая кровь с пальцев влажной салфеткой, Маргулис произнёс:

— Посади его в машину. В багажнике стоит бак с бензином. И не забудь прикрепить номера с машины, которая сбила ту девицу. Они там же.

Ник сжал зубы. Скрытая камера, которая была встроена в пуговицу на его куртке, отключилась, исчерпав время записи.

* * *

Лия вытерла рот после очередного приступа, согнувшего её над унитазом в уборной. Стирать слезы было бесполезно, они катились градом, не останавливаясь. Она стремглав бросилась в уборную, как только закончилась запись, и теперь её выворачивало так, что еще немного — её начнет рвать собственными внутренностями. Отползши от унитаза и прислонившись к стенке кабинки, Лия скрючилась, не надеясь на облегчение. В ушах стоял хруст костей, глаза застилала кровавые брызги, разлетавшиеся по пространству. И кровь была везде, всюду, даже на её руках. Она резко дернулась, осознавая, что это — настоящая, теплая кровь, капающая на её руки. Провела ладонью по лицу. От напряжения видимо лопнул сосуд в носу. Лия дотянулась до туалетной бумаги, оторвала клочок и зажала нос, запрокидывая голову. Мозг кипел вулканом, отказываясь поверить в увиденное. Она действительно имеет ко всему отношение. Если бы не она — никогда бы этого не произошло. Каждый удар, наносимый Дорноту, наносился так же и её рукой.

Лия вернулась в бар, радуясь, что лицо её спрятано под капюшоном. Ник, сидевший в ожидании её, допивал третью бутылку. Лия потянулась к еще не начатой и хлебнула ровно столько, сколько смогла, пока от обжигающего алкоголя не загорелось горло, и она не закашлялась.

— Поэтому и взял столько, — Ник махнул на бутылки.

Лия отставила свою бутылку в сторону.

— Вы убили его? Сожгли машину?

Так легко звучащие слова говорили о том, что Дорнота больше нет. Ник допил, осторожно отставил бутылку в сторону и поднял на неё глаза...

Как только машины скрылись из виду в лесу, он подождал какое-то время, пока по его расчетам они не выехали на шоссе и направились к городу. Затем вернулся в здание.

Сложно было представить, что еще вчера это был мужчина с более-менее интересной внешностью. Сейчас перед Ником лежал лишенный очертаний мешок, начиненный изломанными костями и органами, залитый кровью и даже отдаленно не напоминающий человеческое подобие. Нику было страшно даже дотрагиваться до него, он не знал — есть ли у того хоть одна целая кость. Не то, чтобы тот был неженкой, наметанным глазом Ник понял, что парень занимался спортом и очевидно служил в свое время в армии. Только вот после такой мясорубки одно неловкое движение могло усилить внутренние повреждения, и спровоцировать кровотечения. Одним словом, не зная — как ему поступить, Ник замер в нерешительности.

Стиснув зубы и стараясь не думать о том, что делает, он все же приподнял его и попробовал взвалить на плечо. Это было трудно, но со второй попытки Нику удалось поднять тело и удержать равновесие. Туманный воздух, окутавший его, когда он оказался снаружи, заставил передернуться от сырости. Ник осторожно положил парня на траву и выдохнул.

Перед ним стояла машина, от которой ему велели избавиться. Вспоминая то, что ему было сказано, Ник судорожно сглотнул подступающее к горлу отвращение. Неподалеку стояла его машина, на которой он должен будет убраться из этого проклятого места. Сможет ли он вернуться в город и спокойно сказать, что выполнил всё? Он сомневался, что сможет просто даже видеть ненормального Маргулиса. Сжечь ещё живого человека, повесив на того чужую смерть? Ник невольно вспомнил болтливую девчонку, так откровенничавшую с Маргулисом. Он не сомневался, что она рассказывала из лучших побуждений. До слов его о номерах, Ник и не подозревал — как именно тот решил проблему в виде такого свидетеля. Теперь же, у него волосы вставали дыбом от того, как легко вчерашний милый и учтивый босс распорядился человеческими жизнями.

Время шло, и надо было что-то делать. Он поменял номера на машине и поднялся, отряхивая руки. Что дальше? Через пару часов начнет светать, и дым от горящего автомобиля будет видно над лесом с трассы. Взрыв горячего так же привлечет внимание. Ник от души выругался. Надо заканчивать.

Он вернулся к лежащему на земле парню и присел, глядя на него. На багрово-синем лице, покрытом коркой запекшейся крови, неожиданно дрогнули веки, с трудом раздирая слипшиеся ресницы и открывая серо-синий глаз. Ник вздрогнул, он не готов смотреть в лицо тому, кто умирает с его молчаливого соучастия. Губы парня шевельнулись, и он прошелестел, с трудом выговаривая каждое слово:

— Чего ждешь? Заканчивай.

В этот момент Нику захотелось бежать как можно дальше без оглядки, прочь от этого ночного кошмара.

— Парень, ты так торопишься умереть? — выдавил он.

Глаз, пристально смотревший на него, закрылся, прячась снова за кровавой маской.

Черта с два. Черта с два он превратится в безропотного исполнителя, делая дерьмо своими руками с чужого приказа. Ник поднялся. Взрыв прогремел, когда он выезжал из леса. Не пожалев бензина, он позаботился о том, чтобы горело ярко и долго.

Сквозь тонировку стекол свет почти не пробивался, создавая полумрак. Ник изредка глядел в зеркало, чтобы удостовериться в том, что парень не умер. В горящей машине он оставил свой пиджак — на случай, если Маргулис захочет поинтересоваться остатками машины.

— Неужели ты не мог сбежать или дать сдачи, черт бы тебя побрал, — Ник давал эмоциям, колотившим его пульс, вырваться наружу и обращаясь скорее сам к себе, чем к парню, который вряд ли мог ответить.

— Что он сделал с ней? — он скорее понял, что тот спросил, чем услышал.

— Заткнись и не разговаривай, не хватало тебе еще сдохнуть вот так, в машине! — рывкнул Ник. Хмуро глядя на дорогу, он добавил, — её сбила машина.

Парень приподнялся на сидении, от чего Ник резко повернулся к нему, и еле удержал руль. Он не обманывался по поводу яркого огонька ненависти, блестевшего из-под спуганных волос и грязи. Но и ничего сделать тоже не мог.

— Если ты будешь дергаться, то не доживешь до больницы, ясно тебе?

— Ты должен был сжечь меня, — полутруп грязно выругался, адресуя поток брани ему и его хозяину. Ник почувствовал, что еще немного — и он сам сойдет с ума. Рывок стоил последних сил парню, и через пару минут он повалился на сидение, отключаясь на этот раз надолго.

Последние метры до больницы Ник нарушал все возможные правила движения и парковки, надеясь, что его пассажир еще жив. Он схватил первого попавшегося ему человека в костюме врача и потребовал помочь ему.

Когда пара врачей и санитары перекладывали парня на носилки, Ник рассказывал историю о том, что нашел его на обочине дороги, надеясь, что его не будут слишком расспрашивать, а он сумеет под шумок уехать. На какой-то момент ему подумалось — почему в разговоре Маргулиса с парнем упоминалось только одно имя, не принадлежавшее сбитой девушке? Эта случайная мысль отчего-то вертелась в голове, как что-то очень важное.

Когда медики увозили носилки, Ник вытащил сигарету. Провел рукой по карманам, ища зажигалку, и тут его осенило. Парень спрашивал не про сбитую девушку. Он спрашивал о той, которая была в какой-то мере причиной этого дурдома. А Ник, получается, только что заявил, что она мертва. И если этот идиот решил, что последует за ней, его смерть опять же будет на совести Ника.

Он швырнул сигарету и бросился догонять медиков, почти приблизившихся к входу в госпиталь. Несмотря на попытки оттеснить его, Ник оттолкнул кого-то и наклонился к парню, лицо которого закрывала кислородная маска:

— Ты слышишь меня? Она жива. Сбили другую. А она жива.

И хотя тот не открывал глаз, Ник почему-то знал, что он его услышал.

Он потянулся за новой бутылкой. Предложил Лии, но она отрицательно покачала головой. Повисло молчание. Кто-то смеялся в зале. Висел сладковатый запах пива и табака.

— Где он сейчас? — хрипло спросила Лия, смотря на собственные руки, лежащие на столе.

— Не знаю.

Маргулис должен ответить. Должен ответить за всё.

— Вы не сможете призвать его к ответу, — возразил Ник, и Лия поняла, что говорит мысли вслух, — будьте умнее и не поддавайтесь эмоциям.

— А что будет с вами?

Ник помолчал и пожал плечами:

— Я всё же смог вернуться в город. Маргулис не знал, что я сделал запись. В тот день меня насторожили его приготовления, и я довольно трусливо решил, что если это будет что-то противозаконное, то смогу доказать свою невиновность. Я сделал еще копии — на всякий случай, если кто-то захочет добраться до меня. Затем пришел в офис, сказал, что всё сделал. Потом нашел человека, который делает документы. Сегодня я уезжаю, как можно дальше отсюда.

Они оба понимали, что это было единственно верное решение.

— Я хотел, чтобы вы увидели эту запись. Дальше Вы сами знаете, как Вам поступить.

Значит, ощущение несправедливости в смерти Милы было не просто паранойей. Глядя на выражение лица Лии, Ник предостерегающе нахмурился:

— Забудьте. Я не знаю, что вы сейчас обдумываете, но забудьте. Пытаться законно потребовать справедливости вы не сможете, незаконно — тоже. Забудьте о мертвых. Подумайте лучше о живых.

Лия выдохнула. Он был снова прав.

— Когда увидите его, скажите, что мне жаль.

Она согласно кивнула. Да, конечно же, если она увидит Дорнота ещё.

Ник оставил деньги, расплачиваясь за выпивку, и вышел в служебное помещение. Кажется, он знал, что делает. Лия положила голову на согнутую руку и посмотрела на отблики света на стекле. Она тоже знала, что должна сделать и надеялась, что ей будет дан шанс всё исправить.

Глубоко за полночь она пришла домой, стараясь не шуметь и не будить никого. Села на полу в коридоре, унимая дрожь в ногах, которая не прекращалась, не давая сделать и шагу. Поплотнее закуталась в куртку, словно та могла согреть от холода, шедшего откуда-то глубоко изнутри, и закрыла глаза. Лия знала, что сделает, но каждый раз, стоило ей зажмуриться, она снова и снова уходила из кабинета Яна, отказываясь выслушать его. Что же, теперь обвинять себя в том, что она изначально была права — пустая трата времени, которого у неё может и не быть.

* * *

Холодный туман осеннего утра ещё висел над землей, когда Лия оказалась у дверей дома Дорнота. Половину пути она проделала пешком, от шоссе ей пришлось идти сюда через лесок, в котором проходила дорога к поместью. Какой-то ранний пожилой дальнбойщик согласился подвезти её из города до нужного поворота. Она ехала в большой тяжелой машине и смотрела на клочья тумана, лениво ползущие над полями, пролетающими за окном. В таком же тумане Лия брела по дороге, запрещая себе думать и стараться предугадать то, что её ожидает. И сейчас, позади неё клубились его тени, а перед ней была массивная дверь, за которой таилась неизвестность.

Она подняла руку, намереваясь позвонить, и ей стало страшно. Страшно услышать, что она больше не имеет права даже спрашивать о нём. Ещё страшней стало от мыслей, что возможно тут о нём никто не знает ничего больше. И холодящей змеей по позвоночнику проползла невысказанная мысль, что его может и не быть в живых.

Стараясь успокоиться, Лия позвонила. Минуты медленно проходили, заставляя её надежды превращаться в такой же серый туман, что и вокруг. Это ожидание выпивало из неё всю жизнь, истоншая её до тени. Лия оперлась на косяк, думая, что это — не более чем расплата за все её необдуманные шаги и самоуверенность. Расплата, настигшая в самый неподходящий момент и отбиравшая для поддержания равновесия самое ценное. Что же, если понадобится ночевать здесь, она будет сидеть тут, на ступеньках и ждать.

На секунду Лия представила — так ли ждал её Дорнот? Было ли ему ещё хуже, когда в том, что он делал, не оставалось для него смысла и надежды? Она снова видела то, что показывала камера Ника — его, сидящим в комнате, где она жила те месяцы. Он не появлялся больше на её пути, просто ожидая — какое решение она примет сама. Когда его увозили, не думал ли он, что она решила вычеркнуть его навсегда из жизни, и поэтому безразлично позволил убивать себя?

Прерывая её размышления, дверь отворилась. На пороге стояла миссис Норрис. Лии было страшно посмотреть ей в глаза, она боялась, что там она увидит немой укор в том, что она виновата во всем, и перед ней просто снова закроют дверь, попросив не появляться больше. Но, набравшись храбрости, она подняла глаза. Пожилая женщина выглядела озабоченно, устало, словно провела не одну ночь без сна. Но её лицо было озарено той же приветливой

улыбкой, и осуждение или обвинение отсутствовали в направленном на Лию взгляде.

— Проходите, дорогая, — миссис Норис отступила, приглашая её войти. Лия не верила своим ушам. Старый дом оставался прежним — тихим и спокойным, ничто не изменилось с того дня, как она покинула его, — Вы наверно устали с дороги и голодны.

Казалось, она и не уходила отсюда, только на минуту вышла из дома, чтобы затем вернуться, и миссис Норис торопится предложить ей перекусить.

— Я хотела бы, — Лия набрала полные легкие воздуха, как перед прыжком в воду, — я хотела бы спросить.

Миссис Норис остановилась. Глядя ей в спину, Лия закончила свой вопрос, — я хотела спросить — где сейчас он?

Словно её ни о чем и не спрашивали, миссис Норис обернулась и, все так же улыбаясь, предложила:

— Дорогая, Вам стоит сперва выпить горячего чаю и отдохнуть.

Несмотря на отменный вкус горячих булочек, только что вынутых из духовки, Лии было сложно проглотить хотя бы крошку, а горячий чай застревал в горле. Не в силах изобразить, что она может съесть еще кусочек, Лия отставила чашку и снова спросила:

— Миссис Норис, скажите, где он сейчас?

Казалось, что пожилая женщина старалась оттянуть момент, когда Лия снова её спросит об этом. Поэтому, она бросила на неё быстрый взгляд, и поставила на стол блюдо, которое вытирала полотенцем, словно боясь, что её руки дрогнут.

— Всё это время он ждал, что Вы вернетесь, — она складывала полотенце, не глядя на неё и стараясь говорить спокойно и с достоинством, — Я не виню Вас, моя дорогая. Есть вещи, которые сложно забыть и простить.

Лия съежилась, желая провалиться сквозь землю. Каким из долгих вечеров миссис Норис слушала рассказ Дорнота, лежавшего в больничной палате, о том, что на самом деле было между ним и гостившей у него девушкой? Какие мысли и чувства испытывала она, относившаяся к нему, как к сыну, к той, о которой он не говорил, но которую продолжал ждать, словно она уехала только на пару дней? Об этом знала только она сама, и её уставшее лицо, говорившее о том, что перенесла она, волнуясь за Дорнота.

— Но если Вы приехали, чтобы окончательно сломать его, я никогда не смогу Вас простить, — голос миссис Норис дрогнул. Видеть блеск слез в глазах пожилой женщины, это было свыше её сил. Лия сжала пальцы в кулаки, стараясь сохранять присутствие духа. Поймав метнувшийся к дверям и прятавшейся за ними лестнице взгляд миссис Норис, Лия выскочила из комнаты, наплевав на все правила приличия. Он был здесь, и он знал, что она приехала. Возможно, он видел её, идущую к дому, и задавал вопрос — зачем она вернулась? Лия поднялась наверх, собираясь обойти весь дом, если понадобится.

Дорнот стоял в её старой комнате, спиной к двери и опираясь на раму окна. Лия остановилась, не зная, что сказать. Предательский язык словно распух и не мог пошевелиться.

— Зачем ты приехала?

Она не слышала его голос сотню лет и не могла представить — как могла так долго протянуть без его звучания. Он повторил снова:

— Зачем ты приехала?

— Я должна была увидеть тебя, — Лия дотронулась до горла, проверяя — издают ли хоть какие-то звуки её связки. Он повернулся к ней, и она едва удержалась от желания

зажать себе рот. Прежде грубо высеченное, но правильное лицо рассекали разнообразные шрамы, тянущиеся ото лба до челюсти. Некоторые стягивали кожу так, что придавали одной половине лица выражение застывшей насмешливой полуулыбки, которой так часто улыбался Дорнот раньше. Один глаз смотрел на неё, пристально и настойчиво, второй же был полуприкрыт шрамом, проходившим по брови и прикрывавшим глаз уродливой складкой века. Руки, сложенные на груди так же не остались нетронутыми, на одной не хватало пальцев. На второй кости неудачно срослись, образуя на запястье бугры, и не позволяя, очевидно, полноценно работать кистью.

Это означало, что Ян не сможет больше заниматься своей любимой работой.

Лия подавила всхлип. Дорнот смотрел на неё прежним, непроницаемым взглядом, словно ожидая, что она развернется и опрометью бросится из комнаты. Но, она справилась с потрясением и негромко заговорила, стараясь не дать себе заплакать:

— Я каждый день думала о том, что если бы была тебе безразлична, ты бы не сделал всех этих вещей. Думая о тебе, понимала — каково было тебе видеть меня, делающей несусветные глупости, ожидать в стороне и не иметь надежды изменить всё. Я понимала ещё и то, что не получается жить без тебя в моей жизни.

Лия развела руками и, не обращая внимания на слезы, все же предательски текущие по щекам, покачала головой:

— Знаешь, чего я хотела всё это время, находясь рядом? Услышать то, что ты постоянно скрывал, я ждала этих слов. Чертов упрямец, я так надеялась, что ты скажешь, что я тебе нужна.

Она закрыла лицо ладонями и, не стесняясь, разрыдалась в голос. И сейчас ничто не смогло бы заставить её снова притвориться спокойной и держащей эмоции под контролем. Дорнот подошел к ней, протягивая руки, словно хотел обнять, но остановился.

— Даже сейчас ты просто боишься быть самим собой, — Лия отвела руки от лица и, вытирая слезы, покачала головой.

— Я боялся, что если буду самим собой, будет только хуже, — он напряженно смотрел на неё, — ты всегда заслуживала только лучшего, я знал это даже тогда, когда старался решить твою жизнь сам. Посмотри на меня, — Ян осторожно дотронулся до неё, заставляя поднять голову, — Я так долго играл и старался спрятать себя, что теперь получил заслуженную маску, которая будет прятать мое настоящее лицо всегда.

Лия схватила его руку, державшую её лицо, словно если бы она не сделала этого, он бы взял и исчез.

— Скажи мне то, что никогда не говорил, то, что хотел сказать тогда, когда я сбежала. Пожалуйста, если ты считаешь, что я стою этих слов. Если нет, я уйду и больше никогда не объявлюсь снова.

Дорнот убрал руку и дотронулся до своей шеи, словно что-то мешало ему дышать. Казалось, что впервые за всё время он не может справиться с эмоциями, бушевавшими внутри него и отражавшимися на его лице. Затем он взял Лию за руки.

— Ты спрашивала — нужна ли ты мне. Я люблю тебя так сильно, словно ты проникаешь в мои артерии с кровью, заполняя каждую клеточку тела без остатка. Мне страшно от того, что ты — это часть меня, делающая меня лучше, и страшно, что я могу потерять эту часть. Когда ты рядом — мне трудно дышать, но когда ты уходила, я понимал, что задыхаюсь потому, что меня лишили воздуха. Я испытывал боль, которую причинил тебе, и понимал, что заслужил втрое больше. Я большее не могу даже просить тебя остаться,

но если ты уйдешь, я постараюсь жить надеждой, что ты найдешь счастье.

Он замолчал и крепко обнял Лию.

* * *

Они стояли, глядя на то, как из старого дома выносят последние коробки с упакованными вещами. Совсем немного, и это место перейдет к новому владельцу, который наполнит его новыми воспоминаниями и даст дому другую жизнь.

Лия знала, что он не жалеет. Он принял это решение, руководствуясь своими мыслями, и зная, что она поддержит его. Для неё этот дом хранил дни, когда она училась жить, а для него в нём оставались только тяжелые годы и дни, лишённые света. Хотя, она могла поклясться, что он, стоя у машины и наблюдая за грузившими вещи людьми, вспоминает и те дни, когда они оставались вместе наедине с собственными мнениями, разделённые стеной и в то же время близкие друг другу. Теперь, когда он не мог больше работать врачом, он мог начать что-то новое, и Лия не сомневалась, что он добьётся успеха. Начало его предпринятию уже было дано, и всё обещало успех — и деньги, и связи, и его хватка нашли новое применение, в котором он мог снова чувствовать себя творцом.

Желая показать, что он не одинок, она подошла ближе и взяла его под руку, спрятанную в кожаную перчатку. Дорнот привлек её к себе, словно стараясь закрыть от пронизывающего зимнего ветра.

— Ты не жалеешь?

Он перевел взгляд на неё и улыбнулся, превращаясь в странную химеру с двумя лицами, на одном из которых застыла насмешка, а на другом — расцвела теплая улыбка.

— Я не жалею ни о чем, если ты будешь рядом, — это было правдой, — и я хочу дать тебе всё, что ты заслуживаешь. Начнем новую главу с чистого листа, без напоминания о старом.

Лия усмехнулась, размышляя, что всё, что она хотела — она получила. Но, этот дом напоминал о том многом, что оставалось в её ночных кошмарах. Пусть даже из них она выныривала в спасительные объятия.

Новая страница — с чистого листа.

Часть 5. Без масок

Очередное собрание совета директоров проходило в гнетущей атмосфере. Компания переживала худшие времена и терпела почти что крах. За какие-то пару лет всё, что было сделано, безостановочно катилось под откос, грозя раздавить каждого, кто не успеет выскочить из-под колес. Ситуация накалялась долгое время, и не единожды обсуждались возможности остановить надвигающееся. Неразумные и невыгодные сделки, заранее обреченные на провал, трагата финансов на пустые и ненужные действия — всё это проходило как бразильский карнавал, угрожая ужасным пробуждением. Но кое-кого волновал только безудержный праздник жизни, освещаемый вспышками фото- и телекамер, оповещавших всех о его новой прихоти или причуде.

Вот и сегодня. Собрание началось полчаса назад, а кресло во главе стола пустовало. Но единственный вариант спасения компании уже был единогласно поддержан большинством проголосовавших, и они могли только поставить бывшего хозяина в известность, не ожидая никаких действий.

Входная дверь в зал открылась, пропуская запоздавшего председателя правления и донося аромат духов и какой-то фривольный комплимент, отпущенный им секретарю. Сидящие за столом начали медленно переговариваться, а он, не обращая внимания на повисшее в воздухе напряжение, довольный, сел на свое место и приветственно воздел руки:

— Добрый день, господа. Что у нас сегодня?

Новость дошла до него не сразу, хотя самый пожилой член правления повторил её дважды, понимая, что председатель не отнесся с должным вниманием к сказанному.

— Переизбрание? То есть вы считаете, что можете убрать меня, создавшего почти всё здесь и поставить на моё место какое-то ничтожество, возомнившее себя способным управлять моей компанией?

Видя на лицах сидящих подтверждение только что сказанному, он ударил кулаком по столу.

— Контрольный пакет акций был куплен развивающейся компанией, которая сразу приобрела его после объявления о продаже, — взявший на себя нелегкую роль донести всё до председателя член правления спокойно закончил говорить, не надеясь, что его слова будут восприняты адекватно. Он не заблуждался.

Маргулис не мог поверить в то, что произошло.

Ещё вчера он владел всем, справедливо возвращая себе то, что должно было быть его с самого начала. Это было действительно справедливо, и он не сомневался в этом.

Миру было всегда мало, он только отнимал и забирал у Эрика всё то, что тот имел. Как и сейчас, когда все его старания пошли прахом, мир решил отдать всё, принадлежавшее ему, какому-то проходимцу, отнявшему у него компанию. Он столько тратил сил и времени на развитие компании, столько вкладывал... он имел право на отдых и те маленькие радости, которых был лишен столько лет. Ни Бог, ни жизнь, ни мир — никто не имел права трогать принадлежащее ему.

А уж тем более, безвестное ничтожество, которое станет вместо него во главе совета директоров.

Он следил за новостями и узнавал всё, что только мог, превратив дни и ночи в

лихорадочные поиски возможного претендента на его место. Он забывал бриться и отвечать на звонки, если только это не был кто-то связанный с компанией. Ему казалось важнее всего понять — кто будет это человек, и чем он лучше него.

Его, бывшая теперь, секретарь, которую он пригласил в кафе, по секрету сказала ему, что правление проголосовало и избрало нового председателя, совершенно незнакомого и неизвестного всем. О нём мало говорили, и узнать больше она просто не могла. Было только известно, что он хозяин компании, владеющей теперь контрольным пакетом акций, и что его представят всем на официальном приеме, который устраивают на следующей неделе.

К этому дню Маргулис превратился в нечто, отдаленно похожее на самого себя прежнего. Он ложился и вставал с одной мыслью — кто этот мерзавец? Что в нем такого? Разве он имеет что-то, чего нет у него?

Весенний вечер был теплым, и в открытые окна большого зала компании, где проходил прием, врвался теплый ветерок, придавая атмосфере более уютный настрой. Людей было достаточно много, в ожидании начала официальной части они переговаривались и обменивались новостями. Пробираясь сквозь толпу, Маргулис ощущал, что он неожиданно стал словно незнакомым для них всех, никто не бросался к нему, чтобы заговорить или поприветствовать. Никто не улыбался ему, стараясь привлечь его внимание. За всего лишь пару недель он стал ничем. И в этом так же был виноват тот подонок, который сейчас, довольный, ожидает своего звездного часа.

Поднявшись на импровизированное возвышение тот самый пожилой член правления, мужчина преклонных лет, попросил минуту внимания и, произнеся достаточно долгую речь, суть которой ускользнула от Маргулиса, наконец-то объявил, что рад представить всем нового председателя правления. Люди зашевелились, заинтересованно глядя вперед. Маргулис подошел еще ближе, оказавшись почти в первом ряду гостей, стоявших около возвышения.

Откуда-то сбоку, из толпы в зале вышел мужчина и поднялся к оратору, аплодируя ему. Приветственно обняв его, он повернулся к стоявшим и произнес что-то вроде небольшой речи, и в этот момент люди зашевелились, заслоняя от Маргулиса происходящее. Он раздраженно протиснулся, расталкивая стоящих перед ним, и оказался впереди.

На возвышении, чокаясь бокалами с шампанским, стояли старик и новый председатель, рядом с которым стояла молодая женщина, судя по блеску кольца — его жена. Официанты, повинаясь отданному знаку, стали разносить шампанское гостям, наполнявшим зал звоном стекла и сладким запахом.

В этот момент новый председатель, приобняв жену, повернулся к залу. Кое-кто невольно зашептался, невольно отводя глаза в сторону. Лицо мужчины было сплошь в шрамах, искажавших половину лица гротескной улыбкой. Но, на лице смотревшей на него Лии отражалось такое восхищение, будто он был самым прекрасным мужчиной на свете. Маргулис глядел на них, и от него словно ускользали их лица. Этого не могло быть. Этого просто не могло быть.

Дорнот взглянул в толпу и, увидев Эрика, приветственно поднял бокал, держа хрупкое стекло в руке, на которой не хватало пальцев.

Больше книг на сайте — Knigolub.net